

М. И. БОРГОЯКОВ

РАЗВИТИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И ИХ ЗНАЧЕНИЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

ХАКАССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КРАСНОЯРСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
АБАКАН 1976

Редактор Г. И. Донидзе,
кандидат филологических наук

В работе исследуется развитие падежных форм хакасского языка, их происхождение и употребление. В связи с этим привлекаются материалы из других родственных языков. Устанавливаются связи падежей с глаголами, затрагиваются вопросы падежной синонимии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

М. Арш.	—	М. Аршанов
Н. Дом.	—	Н. Доможаков
Кач. д.	—	Качинский диалект
М. Киль	—	М. Кильчичаков
В. Коб.	—	В. Кобяков
М. К.	—	М. Коков
И. Кот.	—	И. Котюшев
Кыз. д.	—	Кызыльский диалект
Л. ч.	—	газ. «Ленин чолы»
С. Мам.	—	С. Мамышев
М. О.	—	М. Одаев
Саг. д.	—	Сагайский диалект
С. Саг.	—	С. Сагайский
Г. Топ.	—	Г. Топанов
Фольк.	—	Фольклор
С. Ч.	—	С. Чарков
Шор. д.	—	Шорский диалект

М $\frac{0713 - 001}{147(03) - 76}$ 65 — 76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Категория падежа в хакасском языке до сих пор не была предметом специального исследования. Между тем, этот вопрос требует более глубокой разработки и интерпретации. Предлагаемой работой автор пытается восполнить указанный пробел.

В хакасском языке имеется восемь падежей вместо шести или семи в большинстве других тюркских языков. В данной работе каждый из них рассматривается отдельно.

Известно, что в тюркологической науке нет еще единства взглядов по многим вопросам рассматриваемой темы. В частности, различно трактовался и продолжает трактоваться первый падеж, нет единого мнения о происхождении ряда падежных форм и т. д. В связи с этим в работе автор нередко высказывает свое отношение и к указанным вопросам.

В хакасском языке развились два новых падежа, отсутствующие во многих тюркских языках,—творительный и направительный. В настоящей работе предпринимается попытка показать их происхождение и развитие, при этом привлекаются факты из других тюркских языков, ибо только на фоне общетюркского материала становится более или менее понятным их развитие и формирование, их специфика в хакасском языке.

К ряду актуальных проблем тюркского языкознания необходимо отнести вопрос об употреблении винительного и родительного падежей. Успешному решению этого вопроса несомненно будет способствовать изучение его на материале конкретных тюркских языков (современных и древних). Употребление винительного падежа в хакасском языке тесно связано с категориями определенности и неопределенности, с четким пониманием субъектно-объектных отношений в предложении. Отсюда—значительное внимание всем этим вопросам в предлагаемой работе.

Отметим также, что в тюркском языкознании мало занимались изучением падежной синонимии, которая в свою очередь связана

с семантикой переходных и непереходных глаголов. Между тем, проблема эта представляет большой интерес не только для отдельных тюркских языков, но и в межтюркском плане. Сравнительное изучение этого вопроса поможет заглянуть в историческое прошлое падежной системы тюркских языков. В хакасском языкознании проблема падежной синонимии ставится впервые.

Работа имеет определенный исторический уклон. Поэтому все вопросы рассматриваются преимущественно на фоне сравнительного материала, для чего привлечены данные разных тюркских языков и, в первую очередь, данные тюркских языков Южной Сибири, а также языка орхоно-енисейских рунических памятников; широко используется материал из диалектов и произведений устного народного творчества хакасов.

Употребление падежей при послелогах в этой работе отдельно не рассматривается, оно затрагивается лишь по ходу рассмотрения интересующей нас проблемы. Тем более, что послелогам посвящено специальное исследование.¹

Ввиду ограниченности типографских возможностей некоторые буквы в примерах из других тюркских языков заменены буквами хакасского алфавита, обозначающими сопоставимые с оригиналом звуки.

Книга предназначена в основном для учителей и студентов хакасских групп Абаканского государственного пединститута, а также для тюркологов и всех тех, кто интересуется вопросами хакасского языкознания.

¹ См.: Г. И. Донидзе. Послелоги в хакасском языке. «Записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. IV. Абакан, 1956; «Грамматика хакасского языка». М., 1975, с. 253—267.

1.

Падеж есть грамматическая категория имени, выражающая отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, признакам или процессам (действиям, состояниям) действительности и, следовательно, устанавливающая отношение данного имени в данной категориальной форме падежа к другим членам предложения.¹

В предложении имена выражаются формами различных падежей. Количество падежей в тюркских языках неодинаково: в некоторых из них насчитывается шесть, в других—семь, а в третьих—восемь. Так, например, в азербайджанском языке имеется шесть падежей: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный; то же самое в киргизском языке; в казахском языке семь падежей: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, творительный; в чувашском языке восемь: основной, родительный, дательно-винительный, местный, исходный, творительный, отрицательный (лишительный), причинно-целевой; в тувинском семь: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, направительный; в башкирском языке система склонения представлена шестью падежами: основным, притяжательным, направительным с аффиксом -ға и его вариантами, винительным, исходным и местным.²

Как видим, общими для тюркских языков являются шесть падежей: основной, родительный, дательный (или дательно-направительный), винительный, местный и исходный. В отдельных же тюркских языках, кроме них, имеются еще дополнительно один или два падежа. Это творительный падеж (в казахском, хакасском, шорском, якутском, чувашском), направительный падеж (в ха-

¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 305.

² См. «Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки». М., 1966.

касском, тувинском), частный падеж (в якутском), продольный падеж (в карачаево-балкарском), отрицательный и причинно-целевой (в чувашском) и нек. др.; в башкирском языке вместо «дательного» принято употреблять термин «направительный»; в чувашском есть «дательно-винительный падеж» вместо «дательного» и «винительного» в других тюркских языках.

В хакасском литературном языке принято выделять восемь падежей:

Основной (адалгы) специального аффикса не имеет;

Родительный (тартылгы) с аффиксами *-нын/-нін, -тын/-тің*: *паланың ады* 'имя ребенка', *хазыңның пұрлері* 'листья березы', *оттың чилегезі* 'корень травы'; *көлнің тирее* 'глубина озера', *чиптің узуну* 'длина нитки'; при местоимениях *мин* 'я', *син* 'ты' употребляется аффикс *-ің*: *минің, синің*;³

Дательный (пирілгі) с аффиксами *-ға/-ге, -ха/-ке, а/-е*: *чонға* 'народу', *чылге* 'ветру', *азахха* 'ноге', *көзенекке* 'окну', *таға* 'горе', *сіліге* 'красивому', *аңа* 'зверю', *төңе* 'бугру', *палаа* 'ребенку', *кимге* 'лодке', *харындазыма* 'брату (моему)', *пиçеме* 'сестре (моей)';

Винительный (көрімгі) с аффиксами *-ны/-ні, -ты/-ті, -и*: *аңны* 'зверя', *адайны* 'собаку', *түлгүні* 'лисицу', *кізіні* 'человека', *атты* 'коня', *інекті* 'корову', *адын* 'его имени', *панын* 'его плана'; при местоимениях *мин, син* употребляется *-і*: *мині, сині*;

Местный (орынгы) с аффиксами *-да/-де, -та/-те*: *тагда* 'на горе', *чирде* 'на земле', *паста* 'на голове', *пёрікте* 'на шапке';

Исходный (сыгынгы) с аффиксами *-дан/-ден, -таң/-тең, -нан/-нең*: *турадаң* 'из дома', *ибдең* 'из юрты', *халтаң* 'из мешка', *көзенектең* 'из окна', *чоннаң* 'из народа', *синнең* 'из тебя';

Направительный (ызылгы) с аффиксами *-зар/-зер, -сар/-сер*: *туразар* 'к дому', *ибзер* 'в юрту', *сассар* 'к лугу, на луг', *піссер* 'к нам';

Творительный (пүдіргі) с аффиксами *-нан/-нең*: *палтынаң* 'топором', *салнаң* 'плотом', *күснең* 'силой', *кименең* 'лодкой', *тимірнең* 'железом'.

Кроме перечисленных падежей, в хакасском языке имеются еще грамматические формы, которые также можно рассматривать как самостоятельные падежи. К ним относятся: сложная форма *-наңар* (с фонетическими вариантами) и *-ча/-че, ча/-че*, называемые иногда «последлогами-аффиксами».

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, мы наблюдаем простое и притяжательное склонения.

³ Это явление наблюдается и в других тюркских языках, например, в узбекском: *менинг* (вм. ожидаемого *меннинг*), *сенинг* (вм. ожидаемого *сенининг*); в киргизском: *менин, сенин* и т. д.

Аффиксы простого склонения

Падеж	После гласного основы	После сонорных м, н, ц	После согласных р, л, й	После глухих согласных	После согласных г, ғ
<i>Осм.</i>	—	—	—	—	—
<i>Род.</i>	-ның/-нің	-нын/-нің	-ның/-нің	-тын/-тің	-нын/-нің
<i>Дат.</i>	-а/-е	-ға(а)/-ге(е)	-ға/-ге	-ха/-ке	-а/-е
<i>Вин.</i>	-ны/-ні	-ны/-ні	-ны/-ні	-ты/-ті	-ны/-ні
<i>Местн.</i>	-да/-де	-да/-де	-да/-де	-та/-те	-да/-де
<i>Исх.</i>	-дан/-ден	-нан/-нен	-дан/-ден	-тан/-тен	-дан/-ден
<i>Напр.</i>	-зар/-зер	-зар/-зер	-зар/-зер	-сар/-сер	-зар/-зер
<i>Творит.</i>	-нан/-нен	-нан/-нен	-нан/-нен	-нан/-нен	-нан/-нен

Примеры на простое склонение:

Един. ч.

Осн.	хол «рука»	саң «колокол»	хар «снег»
Род.	холның	саңның	харның
Дат.	холға	саңға	харға
Вин.	холны	саңны	харны
Мест.	холда	саңда	харда
Исх.	холдаң	саңнаң	хардаң
Напр.	холзар	саңзар	харзар
Твор.	холнаң	саңнаң	харнаң

Осн.	пала «дитя»	хараа «ночь»,	іңе «мать»,	кірее «ножовка»
Род.	паланың	харааның	іңенің	кіреенің
Дат.	палаа	харааға	іңее	кірееге
Вин.	паланы	харааны	іңені	кіреені
Мест.	палада	хараада	іңеде	кірееде
Исх.	паладаң	хараадаң	іңедең	кіреедең
Напр.	палазар	хараазар	іңезер	кіреезер
Твор.	паланаң	хараанаң	іңенең	кірееңең

Осн.	тағ «гора»	пас «голова»	хум «песок»,	ай «луна»
Род.	тағның	пастың	хумның	айның
Дат.	таға	пасаға	хумға	айға
Вин.	тағны	пасты	хумны	айны
Мест.	тағда	паста	хумда	айда
Исх.	тағдаң	пастаң	хумнаң	айдаң
Напр.	тағзар	пассар	хумзар	айзар
Твор.	тағнаң	паснаң	хумнаң	айнаң

В хакасском языке конечные звонкие согласные в заимствованных словах оглушаются и к ним прибавляются аффиксы с начальным глухим согласным: клубтын, клубха, клубты и т. д.; парадтын, парадха, парадты, парадта, парадсар и т. д.

Имена во множественном числе склоняются по типу имен с конечным согласным р.

Аффиксы притяжательного склонения

Падеж	1 и 2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.
Осн.	—	—	—	—
Род.	-ның/-нің	-тың/-тің	-ның/-нің	-ның/-нің
Дат.	-а/-е	-ха/-ке	-ға/-ге	-на/-не
Вин.	-ны/-ні	-ты/-ті	-ны/-ні	-н
Местн.	-да/-де	-та/-те	-да/-де	-нда/-нде
Исх.	-наң/-нең	-таң/-тең	-даң/-дең	-наң/-нең
Напр.	-зар/-зер	-сар/-сер	-зар/-зер	-нзар/-нзер
Твор.	-наң/-нең	-наң/-нең	-наң/-нең	-наң/-нең

В именах с аффиксом принадлежности 3 л. при склонении в дательном, местном, направлении падежах между основой и падежным аффиксом появляется звук -н'.

Примеры на притяжательное склонение:

Един. ч.

Осн.	адым 'мой конь'	адың 'твой конь'	ады 'его конь'	туразы 'его дом'
Род.	адымның	адыңның	адының	туразының
Дат.	адыма (ға)	адыңа	адына (ға)	туразына
Вин.	адымны	адыңны	адын	туразын
Мест.	адымда	адыңда	адында	туразында
Исх.	адымнаң	адыңнаң	адынаң	туразынаң
Напр.	адымзар	адыңзар	адынзар	туразынзар
Твор.	адымнаң	адыңнаң	адынаң	туразынаң

Множ. ч.

Осн.	адыбыс	адыңар	аттары	'туралары
		(аттарың)		
Род.	адыбыстың	адыңарның	аттарының	тураларының
Дат.	адыбысқа	адыңарға	аттарына (ға)	тураларына
Вин.	адыбысты	адыңарны	аттарын	тураларын
Мест.	адыбыста	адыңарда	аттарында	тураларында
Исх.	адыбыстаң	адыңардаң	аттарынаң	тураларынаң
Напр.	адыбысзар	адыңарзар	аттарынзар	тураларынзар
Твор.	адыбыснаң	адыңарнаң	аттарынаң	тураларынаң

⁴ См.: «Ханасско-русский словарь». М., 1953, с. 444; «Грамматика ханасского языка». М., 1975, с. 80.

Един. ч.

Осн.	тілім «мой язык»	тілің «твой язык»	тілі «его язык»
Род.	тілімнің	тіліңнің	тілінің
Дат.	тіліме (ге)	тіліңе	тіліне
Вип.	тілімні	тіліңні	тілін
Мест.	тілімде	тіліңде	тілінде
Исх.	тілімнен	тіліңнен	тілінен
Напр.	тілімзер	тіліңзер	тілінзер
Твор.	тілімнен	тіліңнен	тілінен

Множ. ч.

Осн.	тілібіс	тіліңер	тіллері
Род.	тілібістің	тіліңернің	тіллерінің
Дат.	тілібіске	тіліңерге	тіллеріне
Вип.	тілібісті	тіліңерні	тіллерін
Мест.	тілібісте	тіліңерде	тіллерінде
Исх.	тілібістен	тіліңерден	тіллерінен
Напр.	тілібіссер	тіліңерзер	тіллерінзер
Твор.	тілібіспен	тіліңернен	тіллерінен

В склонении личных местоимений единственного числа, а также указательного местоимения пу имеются некоторые особенности:

Осн.	мин 'я'	син 'ты'	ол 'он'	пу 'этот'
Род.	минің	синің	аның	мының
Дат.	мағаа	сағаа	ағаа	пуға, паа
Вип.	мині	сині	аны	мыны
Мест.	минде	синде	анда	мында
Исх.	миннен	синнен	аннан	мыннан
Напр.	минзер	синзер	андар	мындар
Твор.	миннен	синнен	аннан	мыннан

Личные местоимения во множественном числе склоняются по типу имен с соответствующими конечными согласными.

Отметим также, что сагайский диалект хакасского языка по некоторым признакам обнаруживает южный (огузский) тип склонения, а качинский—северный (кыпчакский). В сагайском диалекте на стыке основы и аффикса не получается двойного согласного (удлиненного). А в качинском это закономерное явление. Это же наблюдается и при образовании множественного числа, например: саг.—атар 'лошади', итер 'мяса', тонар 'шубы', тишнер 'белки', малар 'скот', чилер 'ветры'; в кач.—аттар, иттер, тоннар, тишннер, маллар, чиллер и т. д. Однако, когда аффиксы множественного числа прибавляются к именам, оканчивающимся на другие (не на

д, н, т) согласные, то употребляются аффиксы северного типа, например: *хастар* 'гуси', *хустар* 'птицы', *сомнар* 'рисунки', *чирлер* 'земли' и т. д. Ср. также:

сагайский

Род.	атың 'лошади'	итің 'мяса'
Вин.	аты	иті
Мест.	ата	ите
Исх.	тонаң, атаң	итең
Напр.	халасары	түйсері
Твор.	тишнең	

качинский

	аттың	иттің
	атты	итті
	атта	итте
	тоннаң	аттаң, иттең
	халассар	түйссер
	тишннең	

Дательный падеж в сагайском диалекте имеет северный тип аффиксов: *кимеге* 'лодке', *чолга* 'дороге', *тонга*, *шубе*, *атха* 'коню', *итке* 'мясе' и т. д. Однако, слова, оканчивающиеся на х и к, г и г, н, получают в этом диалекте южный тип аффиксов: *кӱлек* 'тень' и *кӱлеке* (дат. п.), *харах* 'глаз' и *хараха* (дат. п.), *азах-азаха*, *тӱзек-тӱзеке*, *тӱң-тӱне* и т. д.

В качестве литературной нормы в приведенных случаях приняты качинские варианты падежных аффиксов.

II.

Первые сведения о падежных формах и их значениях в хакасских диалектах мы находим в трудах дореволюционных ученых. Так, например, в известном труде М. А. Кастрена, посвященном описанию койбальского диалекта⁵, впервые перечисляются падежи и приводятся образцы склонения. В этом диалекте автор выделяет 6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, которые имеют аффиксы: -нең, -тең (род.); -га/-гэ, -ка/-кэ (дат.); -не/-те (вин.); -да/дэ, -та/-тэ (мест.); -даң/-дэң, -наң/нэң, -таң/-тэң (исх.). Современные направительный и творительный падежи отсутствуют. В карагасском наречии, в отличие от койбальского, родительный падеж имеет вариант -лең, а винительный -ле в том случае, когда слово оканчивается на согласный л: *кӱл* 'озеро' — *кӱллең* (род. п.), *кӱлле* (вин. п.).

Из материалов М. А. Кастрена видно, что падежные формы койбальского диалекта не имеют особых различий от таковых в современном языке. Разница только в том, что автор хакасские сверхкраткие ы, і, встречающиеся в аффиксах родительного и винительного падежей, обозначает одной буквой е. Например: *куу*

⁵ См.: Н. Г. Доможаков. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов. «Зап. ХакНИИЯЛИ», вып. IV. Абакан, 1956, с. 68—69.

⁶ М. А. Кастрен. Опыт изучения койбальского и карагасского наречий. СПб., 1857, с. 13 и след. (на немецком языке).

'лебедь' — *куунең* (род. п.), *кууне* (вин. п.): *кўл 'зола'* — *кўлнең* (род. п.), *кўлне* (вин. п.) вместо современных *хуу—хууның, хууны*; *кўл* — *кўлнің, кўлні*.

Приведем парадигму склонения имен в койбальском диалекте в 40-х годах XIX в. в сравнении с карагасским⁷.

Един. ч.

В койбальском:

В карагасском:

Осн.	<i>куу 'лебедь'</i>	<i>кўл 'зола'</i>
Род.	<i>куунең</i>	<i>кўлнең</i>
Дат.	<i>кууга</i>	<i>кўлгә</i>
Вин.	<i>кууне</i>	<i>кўлне</i>
Мест.	<i>кууда</i>	<i>кўлдә</i>
Исх.	<i>куудаң</i>	<i>кўлдәң</i>

Осн.	<i>куу 'лебедь'</i>	<i>кўл 'озеро'</i>
Род.	<i>куунең</i>	<i>кўллең</i>
Дат.	<i>кууга</i>	<i>кўлгә</i>
Вин.	<i>кууне</i>	<i>кўлле</i>
Мест.	<i>кууда</i>	<i>кўлдә</i>
Исх.	<i>куудан</i>	<i>кўлдән</i>

Множ. ч.

Койбальский

Карагасский

Осн.	<i>куулар</i>	<i>кўлләр</i>
Род.	<i>кууларнең</i>	<i>кўлләрнең</i>
Дат.	<i>кууларга</i>	<i>кўлләргә</i>
Вин.	<i>кууларне</i>	<i>кўлләрне</i>
Мест.	<i>кууларда</i>	<i>кўлләрдә</i>
Исх.	<i>куулардаң</i>	<i>кўлләрдәң</i>

<i>куулар</i>	<i>кўлләр</i>
<i>кууларнең</i>	<i>кўлләрнең</i>
<i>кууларга</i>	<i>кўлләргә</i>
<i>кууларне</i>	<i>кўлләрне</i>
<i>кууларда</i>	<i>кўлләрдә</i>
<i>куулардан</i>	<i>кўлләрдән</i>

Кастрен отмечает, что в диалектах встречаются: *сух 'вода'*, *бих 'господин'*, вместо *суг* и *биг*. Иногда вместо *суг* встречается *суу*: *суунең* (род. п.); *сугнең, бигнең* (род. п.), *сугда, бигдә* (мест. п.).

Если имя оканчивалось на гласный, то в дательном падеже образовывался удлинненный гласный, т. е. происходило то же, что и в современном языке, например: *тура 'дом'*, крепость и *тураа* (дат. п.); *чаазе 'степь'* — *чаазаа* (дат. п.), *кizi 'человек'* — *кизее, үгү 'филлн'* — *үгее, изеңе 'стремля'* — *изеңее, сулу 'овес'* — *сулаа*.

Склонение имен, оканчивающихся на *н, н, м*, в койбальском диалекте (по Кастрену).

Осн.	<i>кам 'шаман'</i>	<i>саң 'звонок'</i>
Род.	<i>камнең</i>	<i>саңнең</i>
Дат.	<i>камга</i>	<i>саңга</i>
Вин.	<i>камне</i>	<i>саңне</i>
Мест.	<i>камда</i>	<i>саңда</i>
Исх.	<i>камдаң</i>	<i>саңдаң</i>
	<i>камнаң</i>	<i>саңнаң</i>

⁷ Здесь термин «именительный» заменен нами термином «основной» — М. Б.

⁸ Долготу гласного, обозначаемого Кастреном знаком тире /—/ над буквой, мы обозначаем двойными буквами — М. Б.

Во множественном числе: *камнар, саңнар* (осн. п.).

Как видно из приведенного склонения, слово с основой на *н* в дательном падеже имеет усеченную форму */-а/*, т. е. точно такую же, какую мы встречаем и в современном литературном языке; а слово *кам* (с окончанием *-м*) принимает форму *-га*. Это слово и в современном хакасском языке в указанном падеже принимает только форму *-га*, усеченная форма здесь не допускается, в то время как слово *пабам* (тоже с окончанием на *-м*) 'отец (мой)' может принимать две формы параллельно: *пабамга* и *пабама*. Слова *кам, саң* в исходном падеже в койбальском диалекте употребляются в двух формах: *-даң* и *-наң*. В хакасском же литературном языке указанные слова в этом падеже употребляются только в форме *-наң*: *хамнаң, саңнаң*, что свидетельствует о дальнейшем развитии указанной формы.

Склонение имен, оканчивающихся на *с, к* в койбальском диалекте:

Осн. <i>агас</i> 'дерево'	<i>тиизік</i> 'дыра'
Род. <i>агастең</i>	<i>тиизіктең</i>
Дат. <i>агаска</i>	<i>тиизікэ</i>
Вин. <i>агасте</i>	<i>тиизікте</i>
Мест. <i>агаста</i>	<i>тиизіктэ</i>
Исх. <i>агастаң</i>	<i>тиизіктэң</i>

Во множественном числе: *агастар, тиизіктэр* (осн. п.).

Для сравнения приведем склонение этих слов в хакасском литературном языке:

Осн. <i>агас</i>	<i>тизік</i>
Род. <i>агастың</i>	<i>тизіктің</i>
Дат. <i>агасха</i>	<i>тизікке</i>
Вин. <i>агасты</i>	<i>тизікті</i>
Мест. <i>агаста</i>	<i>тизікте</i>
Исх. <i>агастаң</i>	<i>тизіктең</i>

Как видно, разница в склонении незначительна.

Склонение личных местоимений в койбальском диалекте:

1 а.

Един. ч.

Осн. <i>мин, мен</i> 'я'
Род. <i>миинең, меенең</i>
Дат. <i>мага, маа, мээ,</i>
Вин. <i>миине, меене</i>
Мест. <i>миндэ, мендэ</i>
Исх. <i>миннэң, меннэң</i>

Множ. ч.

<i>біс, бес</i> 'мы'
<i>бістең, бестең</i>
<i>біскэ, бескэ</i>
<i>бісте, бесте</i>
<i>бістэ, бестэ</i>
<i>бістэң, бестэң</i>

II л.

Осн.	син, сен 'ты'	силэр, сирэ 'вы'
Род.	сиинең, сеенең	силэрнең, сирэнең
Дат.	сага, саа, сээ	силэргэ сирэгэ
Вин.	сиине, сеене	силэрне, сирэне
Мест.	синдэ, сендэ	силэрдэ, сирэдэ
Исх.	синнэң, сеннэң	силердэң, сирэдэң

III л.

Осн.	ол 'он'	олар, олер 'они'
Род.	аанең	оларнең
Дат.	аага, аа	оларга
Вин.	аане	оларне
Мест.	анда	оларда
Исх.	аннаң	олардаң

Кастрен сообщает также, что II л. множ. ч. в качинском диалекте будет *сирэр*, а в койбальском — *сирэ*.

Склонение указательного местоимения *бу* 'это', *тиги* 'тот'.

Осн.	бу, тиги
Род.	мунең, тигинең, тигнең
Дат.	буга, тигээ
Вин.	муне, тигине, тигне
Мест.	мунда, тигидэ, тигдэ
Исх.	мундаң, тигидэң, тигдэң

Во множ. ч.: булар, тигилэр, тиглэр.

Теперь приведем склонение имени в форме принадлежности: *тура* 'дом'

Един. ч.

Осн.	турам 'мой дом'	тураң 'твой дом'	туразе 'его дом'
Род.	турамнең	тураңнең	туразенең
Дат.	турама	тураңа	туразена
Вин.	турамне	тураңне	туразене
Мест.	турамда	тураңда	туразенда
Исх.	турамнаң	тураңнаң	туразенаң

Осн.	турабес 'наш дом'	тураңар 'ваш дом'	туразе 'их дом'
Род.	турабестең	тураңарнең	туразенең
Дат.	турабеска	тураңарга	туразена
Вин.	турабесте	тураңарне	туразене
Мест.	турабеста	тураңарда	туразенда
Исх.	турабестаң	тураңардаң	туразенаң

Осн.	тураларем 'мой дома'	тураларең 'твой дома'	тураларе 'их дома'
Род.	тураларемнең	туралареңнең	туралареңең
Дат.	тураларема	туралареңа	тураларена
Вин.	тураларемне	туралареңне	тураларене
Мест.	тураларемда	туралареңда	тураларенда
Исх.	тураларемнаң	туралареңнаң	тураларенаң

Осн.	тураларебес 'наши дома'	туралареңар 'ваши дома'	тураларе 'их дома'
Род.	тураларебестең	туралареңарнең	тураларенең
Дат.	тураларебеска	туралареңарга	тураларена
Вин.	тураларебесте	туралареңарне	тураларене
Мест.	тураларебеста	туралареңарда	тураларенда
Исх.	тураларебестаң	туралареңардаң	тураларенаң

Кізі 'человек', кізімэ 'моему человеку', кізіңэ 'твоему человеку', кізізене 'его человеку'.

Склонение имени, оканчивающегося на к, г, х: бұрұк 'шапка'

Осн.	бұрим ⁹ 'моя шапка'	бұриң 'твоя шапка'	бұри 'его шапка'
Род.	бұримнең	бұриңнең	бұринең
Дат.	бұримэ	бұриңэ	бұринэ
Вин.	бұримне	бұриңне	бұрине
Мест.	бұримдэ	бұриңдэ	бұриндэ
Исх.	бұримнең	бұриңнең	бұринэң

Во множественном числе: бұрұктарем, бұрұктарең, бұрұктарэ и т. д.

Особенностью данного вида склонения является то, что к словам, стоящим в 3 лице, прибавляется «полная» форма винительного падежа: туразе (осн. п.) и туразене (вин. п.), тураларе (осн. п.) и тураларене⁹ (вин. п.); бұри (осн. п.) и бұрине (вин. п.) В современном хакасском языке в этом случае прибавляется «усеченная» форма винительного падежа: туразы (осн. п.) и туразын (вин. п.), туралары (осн. п.) и тураларын (вин. п.); пōрігі или пōриш (осн. п.) и пōрігін или пōриин (вин. п.). Таким образом, в имени, снабженном аффиксом принадлежности 3 л., 'полная' форма винительного падежа превращается в «усеченную» форму /-ны>-н/. В остальном в части перечисленных выше падежей склонение в койбалском диалекте не расходится со склонением в современном хакасском

⁹ Над буквами у и н в этом слове поставлен знак /—/, обозначающий долготу гласного.

языке. Во второй половине XIX в. этот диалект был ассимилирован качинским и сагайским диалектами.

Далее о падежах в хакасском языке мы находим сведения в трудах Н. Ф. Катанова. Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции хакасы сами себя называли «тадар кизи», а свой язык «тадар тілі», т. е. «татарский язык». Поэтому Катанов хакасский язык так и называет «татарским». В своей ранней (не опубликованной) работе он сообщает: «Склонение в татарском языке всех четырех наречий (сагайского, бельтирского, кой-бальского и качинского) — только одно, и все слова изменяются одинаково, посредством приставок в конце слова».¹⁰

В названном труде Н. Ф. Катанов, в отличие от М. А. Кастрена, различает семь падежей: именительный,¹¹ родительный, дательный, винительный, местный, исходный и творительный. Форму направительного падежа (-сар) автор относит к форме местного падежа.

Катанов пишет, что основной падеж отвечает на вопрос кем 'кто', если предмет одушевленный и н и м е 'что', если предмет неодушевленный.

Родительный падеж представлен аффиксами -тың/-тің, -дың/-дің, -ның/-нің и отвечает на вопросы: кем н ің 'кого /чей, чье, чья/ и н и м е н ің 'чего', например: аттың 'коня', сөстің 'слова', адайдың 'собаки', сөстердің 'слов', холның 'руки', паланың 'дитяти', имнің 'лекарства', кемнің палазы 'чей ребенок?', н и м е н ің чарымы 'половина чего?'; Пістің алныбыста таг турча, ол тагдың кырында аттар чөрчелер 'Перед нами стоит гора, около той горы ходят кони'; Слердің аразынча соған ирт парыбысхан 'Между вами пролетела стрела'.

Дательный падеж имеет аффиксы: -ха(-ка)/-ке, -ға/-ге в зависимости от конечных звуков основы и отвечает на вопросы к е м ге (сокр. кем е) и н и м е е (из н и м е ге), 'кому' и 'чему': отха 'сену', итке 'мясу', харға 'снегу', көлге 'озеру'. Если слово оканчивается на гласный, то в дательном падеже получается удлинённый гласный: хабырға 'ребро' — хабырғаа 'ребру'; пала 'дитя' — палаа 'дитяти' и т. д., но хаңаа 'телега' — хаңааға 'телеге', т. е. к долгому гласному основы прибавляется 'полная' форма дательного падежа.

Винительный падеж представлен аффиксами -ты/-ті, -ды/-ді, -ны/-ні; условия их употребления в смысле конца слова одинаковы с родительным падежом и отвечает на вопросы к е м н і, н и м е р і 'кого', 'что'. При этом Н. Ф. Катанов замечает: если от окончаний

¹⁰ Н. Ф. Катанов. Грамматика сагайского наречия татарского языка. Красноярск, 1882—1884 (рукопись). Некоторые буквы в словах, приводимых Катановым, заменены и приближены к орфографии хакасского языка.

¹¹ Термин «именительный» заменяем термином «основной». Далее данные по хакасским падежам берутся из материалов Н. Ф. Катанова.

родительного падежа отнять носовой звук *н*, то получится форма для винительного падежа, например: *аттың* (род. п.) 'коня' и *атты* (вин. п.); *аңның* (род. п.) 'зверя' и *аңны* (вин. п.).

Местный падеж имеет аффиксы *-да/-де, -та/-те*. Но этот падеж, по мнению Катанова, представлен и другими аффиксами, такими, например, как *-зар/-зер, -ча/-че*, которые отвечают на вопросы: *хайдар* 'куда', *кемзер* 'к кому', *нимезер* 'во что', 'к чему'; местный же на *-да/-де, -та/-те* отвечает на вопросы *хайда* 'где', *кемде* 'у кого', *нимеде* 'в чем'. Примеры: *казаада* 'во дворе', *карасхыда* 'в темноте', *наңмырда* 'во время дождя'; *туразар* 'в избу', *тағча* 'с горы (величиною)'; *Ол наңмырда аалзар парчатхан* 'Он в дождь (во время дождя) шел в улус'; *Турада горотсар пар килген кізі одырча*. 'В избе сидит съездивший в город человек'. В современном хакасском языке *-зар/-зер, -сар/-сер* является самостоятельным падежом (направительным), а *-ча/-че* принято рассматривать как послелог—аффикс, хотя и приближается вплотную к падежам.

Исходный падеж обозначается аффиксами *-таң/-тен, -даң/-ден, -наң/-нең* и отвечает на вопросы *кемнен* 'от кого', *хайдаң* 'откуда', *нимедең* 'из чего', например: *Аскыстаң* 'из Аскиза', *сбс-тең* 'из слова', *аңмардаң* 'из амбара', *казаадаң* 'из двора', *талай-даң* 'из моря', *ибдең* 'из юрты', *кізідең* 'от человека', *түлгүдең* 'от лисицы'; ноо *чирдең?* 'из какой земли?'; *Ис пилтірінең улагчы килчк* 'Из Усть-Еси приехала ямщик'.

Творительный падеж образуется при помощи аффиксов *-наң/-нең*, иногда — *-таң/-тен* и отвечает на вопросы: *кемнен* и *ниме-нен* 'кем' и 'чем', например: *хаңаанаң* 'телегой', *холнаң* 'рукой', *харнаң* 'снегом', *имнең* 'лекарством'. Н. Ф. Катанов сообщает, что творительный падеж в разговоре часто оказывается в форме *-таң* и *-тен*: *аттаң пазылаған пу чир* 'эта земля топтана конем'. В бельтирском говоре этот падеж имеет форму *-маң/-мең*: *колмаң* 'рукой', *атмаң* 'конем', *сбсмең* 'словом' и т. д., о чем подробнее ниже.

Приведем парадигму склонения имен в сагайском диалекте в 80-х годах XIX в. (по Н. Ф. Катанову):

Един. ч.

Одн.	ат 'конь'	адай 'собака'
Род.	аттың	адайдың
Дат.	атха	адайға
Вин.	атты	адайды
Мест.	атта	адайда
Исх.	аттаң	адайдаң
Твор.	аттаң	адайдаң

Множ. ч.

Осн.	аттар	адайлар
Род.	аттардың	адайлардың
Дат.	аттарға	адайларға
Вин.	аттарды	адайларды
Мест.	аттарда	адайларда
Исх.	аттардаң	адайлардаң
Твор.	аттарнаң	адайларнаң

Един. ч.

Осн.	сөс 'слово'	пүйүр 'волк'
Род.	сөстің	пүйүрдің
Дат.	сөске	пүйүрге
Вин.	сөсті	пүйүрді
Мест.	сөсте	пүйүрде
Исх.	сөстең	пүйүрдең
Твор.	сөснең	пүйүрнең

Множ. ч.

Осн.	сөстер	пүйүрлер
Род.	сөстердің	пүйүрлердің
Дат.	сөстерге	пүйүрлерге
Вин.	сөстерді	пүйүрлерді
Мест.	сөстерде	пүйүрлерде
Исх.	сөстердең	пүйүрлердең
Твор.	сөстернең	пүйүрлернең

Един. ч.

Осн.	аң 'зверь'	хум 'песок'	хол 'рука'
Род.	аңның	хумның	холның
Дат.	аңа (ға)	хумга	холға
Вин.	аңны	хумны	холны
Мест.	аңда	хумда	холда
Исх.	аңнаң	хумнаң	холдаң
Твор.	аңнаң	хумнаң	холнаң

Множ. ч.

Осн.	аңнар 'звери'	Мест.	аңнарда
Род.	аңнардың	Исх.	аңнардаң
Дат.	аңнарға	Твор.	аңнарнаң
Вин.	аңнарды		

Слова *хум* 'песок' и *хол* 'рука' во множественном числе приобретают те же падежные формы, что и *аңнар*.

Притяжательное склонение. По сообщению Н. Ф. Катанова, разница здесь только в оформлении дательного и винительного падежей: дательный падеж имен с аффиксами принадлежности имеет сокращенный вариант -а/-е: *адама* (вместо *адамға*) 'моему отцу', *ізебіме* (вм. *ізебімге*) 'моему карману'; *хазыңа* (вм. *хазыңға*) 'твоему гусю', *искіңе* (вм. *искіңге*) 'твоему веслу'; *адына* (вм. *адынға*) 'его лошади', *искізіне* (вм. *искізімге*) 'его веслу, *сөзіне* 'его слову'. Формой винительного падежа имен с аффиксом принадлежности 3 л. является -и: *пазын* 'его голову', *сөзін* 'его слово'; *Аның оолғы пұўн олардың хойларын хадарар* 'Его сын сегодня будет пасти их овец'; *Мин синің оолғыңнаң хада пайа аның ханаазын көргем* 'Я с твоим сыном давече видел его телегу'; *Син аның сөзін испессең* 'Ты не будешь слушать его слова (приказания)'.¹¹

Склонение местоимений

Един. ч.

Осн. <i>мин</i> 'я'	<i>син</i> 'ты'	<i>ол</i> 'он'
Род. <i>минің</i>	<i>синің</i>	<i>аның</i>
Дат. <i>мағэ</i> (сокр. <i>маа</i>)	<i>саға</i> (<i>саа</i>)	<i>ағаа</i> (<i>аа</i>)
Вин. <i>мині</i>	<i>сині</i>	<i>аны</i>
Мест. <i>минде</i>	<i>синде</i>	<i>анда</i>
Исх. <i>минең</i>	<i>синең</i>	<i>анаң</i>
Твор. <i>минең</i>	<i>синең</i>	<i>анаң</i>

Множ. ч.

Осн. <i>піс</i> 'мы'	<i>слер</i> 'вы'	<i>олар</i> 'они'
Род. <i>пістің</i>	<i>слердің</i>	<i>олардың</i>
Дат. <i>піске</i>	<i>слерге</i>	<i>оларға</i>
Вин. <i>пісті</i>	<i>слерді</i>	<i>оларды</i>
Мест. <i>пісте</i>	<i>слерде</i>	<i>оларда</i>
Исх. <i>пістең</i>	<i>слердең</i>	<i>олардаң</i>
Твор. <i>пістең</i>	<i>слердең</i>	<i>олардаң</i>

Н. Ф. Катанов пишет, что «у койбал, а также живущих около них сагайцев, дательный падеж единственного числа от местоимений *мин* будет *меге* (*мее*) 'мне'; вместо *сағаа* (*саа*) говорят *сегее* (*сее*) 'тебе'; у качинцев во множественном числе в местоимении *слер* вместо *л* употребляется *р*: *срер* 'вы', *срерде* 'у вас' и т. д. От *піс* 'мы' надо отличать существительное *піс* 'шило', имеющее в исходном падеже *пістең* и в творительном — *піснең*, а в остальных падежах имеющее с личным местоимением *піс* одну форму».¹²

¹² Н. Ф. Катанов. Грамматика сагайского наречия...

Един. ч.

Множ. ч.

О.	пу 'этот'	пулар 'эти'
Р.	мының	пулардың
Д.	паға (паа)	пуларға
В.	чыны	пуларды
М.	тында	пуларда
И.	мынаң	пулардаң
Т.	мынаң	пуларнаң

Н. Ф. Катанов отмечает также, что указательные местоимения *ол* и *пу* в исходном и местном падежах (*анаң* и *мынаң*, *анда* и *мында*) употребляются часто как наречия: *Анаң кізі килген* 'Оттуда (или от него) прибыл человек'; *Мында ахча көп* 'Здесь (или у этого) денег много'; *Анда ўс салковай* 'Там (или у него, за ним) три рубля'.

Местоимение *тігі* 'тот' склоняется как существительное *кізі* 'человек', только в местном падеже — *тігде*, которое употребляется иногда как наречие: *піс тігде* полгабыс 'мы были там (или: у него, у того)'; в творительном падеже — *тігінең*; в исходном — *тігдең*, которое также может быть употреблено как наречие, в значении 'оттуда'.

Творительным падежом выражаются иногда следующие слова: *пірнең* 'по-одиночке', 'по-одному'; *читінең* 'по семи', *күннең* 'по деню', *пүтнең* 'по-пудно (русск. пудами)».

Послелоги, управляющие падежами: при послелого *ўйўн* 'из-за, ради, вместо' употребляется родительный падеж: *синің ўйўн* 'из-за тебя, ради тебя'; при послелогох *читіре* 'до', *удура* 'к' 'прямо, по направлению к, навстречу' требуется дательный падеж: *Піс күн-түске читіре тоғызчабыс* 'Мы работаем до полудня'; *Мынаң Ағбанға читіре пір пирста* 'Отсюда до Абакана верста'; *Пір саасхан саасханға удур учух пари* 'Одна сорока летит навстречу сороке'; *Піске удура төрт чалаң кізі кили* 'К нам навстречу едет четыре человека верхом'; при послелогох *хада* 'вместо с', *пасха* 'кроме' употребляется творительный падеж: *Пістің нанчыбыстан хада пір кізі килген* 'С нашим другом прибыл некто'; *Мин кименен пасха пір дее ниле көрбеем* 'Я ничего не видел кроме лодки'.

Н. Ф. Катанов перечисляет некоторые глаголы, которые управляют дательным падежом. К ним относятся: *түзерге* 'спускаться, погружаться', *кірерге* 'входить', *көрінерге* 'быть видиму', *истілерге* 'быть слышаным', *киртикерге* 'верить, доверять, полагаться', *көбленерге* 'нравиться', *сөзирге* 'сказать', *полызарға* 'помогать', *ізерге* 'надеяться', *ызарға* 'посылать', *чидерге* 'доставаться', 'доезжать', *чарирға* 'быть годным', *пирерге* 'давать', *ачынарға* 'жалеть', 'сжалиться (над)', *тоғазарға* 'повидаться, видеться', *парарға* 'идти (за)', *ехать*, *сыдирға* 'справляться (с)', *переносить*, *преодолевать*.

чапсирга 'удивляться', *көртізерге* 'показывать', *айланарга* 'возвращаться (за кем, чем)', *паалирга* 'ценить (во что)', *сыйлирга* 'дарить', *уларга* 'лить (во что)' и др. Примеры: *Мин сагам суға кәрербін* 'Я сейчас буду купаться (букв. — войду в воду)'. На верхнем Абакане, Еси и отчасти в Аскизе вместо *суға кәрерге* 'купаться' говорят *суға сомарга* (букв. — 'нырять в воду'). *Мин сагаа тоғазарға* килдīm 'Я приехал повидаться с тобой'; *Tiǵi kiǵi piǵke айланған* 'Тот человек воротился за нами'; *Чолға тыхтандах* 'Собирайся-ка на дорогу'; *Миниң ниғеғим بازارға пари* 'Моя тетка едет на базар'. С дательным падежом употребляются некоторые прилагательные: *ачыныстығ* 'жалкий', 'внушающий сожаление'; *ізестіг* 'надежный', *кирек* 'нужный', *сидік* 'трудный', *таныс* 'знакомый', *төбй* 'подобный, похожий', *чағын* 'близкий': *Түбү чох көнек маа кирек чох* 'Бездонное ведро мне не нужно'; *Синиң оолғың сагаа тың төбй* 'Твой сын на тебя очень похож'.

Винительный падеж употребляется при переходных глаголах: *ізікті ас* 'отвори дверь', *ізікті аспа* 'не отворяй дверь'; *мин чылғыны көргем* 'я видел табун'; *Піс слерді тобинчабыс* 'Мы вас не слушаемся (вам не повинуюемся)' и т. д.

Далее сообщается, что местным падежом управляют глаголы, означающие действие, происходящее внутри предмета (в) или около него (у, при), или на нем (на), или направляется к нему, например: *Піс Асхыс пилтірінде полғабыс* 'Мы были в Аскизе'; *Tiǵi, сағам ибде-чатчатхан kiǵi, піреде пісте узидыр* 'Тот человек, который дежит сейчас в юрте, спит иногда у нас'; *Пір тас пастығ, сарсых харахтығ, тоғызон ікі частығ алчах туразар кір парыбысхан* 'Один плешивый, одноглазый, девяностодвухлетний старик вошел в избу'. *Чолда үс хонғам* 'В дороге я почевал три раза'.

Исходным падежом управляют глаголы, означающие отделение, удаление от чего-нибудь; этим падежом обозначается тот пункт, откуда начинается действие или тот предмет, от которого происходит какое-либо состояние. Его значение соответствует русским предлогам 'из, от, с'. Примеры: *Мин ибдең сых килдīm* 'Я вышел из юрты'. *Мин ибдең килдīm* 'Я пришел из дому'; *Чабал киректен чахсы кирек полбақаң* 'Из худого дела хорошего (дела) не бывает' и др.

В творительном падеже бывают имена существительные, означающие орудие или средство, при помощи которого совершается действие, например: *Таяхнаң сапхан* (саг.) 'Ударил палкой' и *Холбынаң сапхан* (койб.) 'Ударил рукой'; *Холнаң ит* (саг.) 'Делай рукой'. Этим падежом управляют глаголы: *тастирга* 'бросать' (например, камнями), *истерге* 'слушать', *көргерге* 'видеть, смотреть', *чунарға* 'мыться', *пазарға* 'писать', *сүрерге* 'гнать', *сабарға* 'бить' и др. Как было сказано, творительный падеж в сагайском диалекте иногда употребляется в сочетании с послелогом хада 'вместе, с',

например: *Илка синец хада пар полбас* 'Илька не может ехать с тобой'. *Мин синец хада килгем* 'Я пришел с тобою'. В койбальском диалекте этот падеж употребляется без указанного послелога: *Ол харындаспынаң килді* 'Он пришел с братом'.

По мнению Н. Ф. Катанова, творительным падежом управляет также послелог -ар/ер 'через', 'из-за', 'вследствие', прибавляемый к форме творительного падежа: *Мин синенер анда полбаам* 'Я из-за тебя там не был'. *Абыстанар хам халнабаан* 'Из-за священника шаман не шаманил'. *Сарысханнаңар пу кирек сайбал парған* 'Это дело произошло из-за спора'. *Мин Пиндеңер парған* 'Я поехал через Бею'.

В хакасском литературном языке -наңар (с вариантами) рассматривается как единая сложная форма, приближенная к падежу, но в современных грамматиках к числу падежей пока не относится. Она образована из двух форм: аффикса исходного падежа и -ар/-ер.

Как отмечает Н. Ф. Катанов, во всех наречиях (сагайском, койбальском, бельтирском и качинском) творительный падеж означает путь, по которому движется предмет, например: *Ол чолбынаң парды*. 'Он поехал дорогою' (койб.); *Мин суғнаң килдім*. 'Я прибыл водою' (саг.).

Творительный падеж иногда требуется при глаголах в страдательном залоге, например: *Синез пазылған пічік кичее чіт парған* 'Написанная тобою бумага (письмо) вчера потерялась'. Впрочем, замечает Н. Ф. Катанов, во всех абаканских наречиях подобные случаи встречаются редко. Вместо глагола (или причастия) в страдательном залоге и творительного падежа употребляются глагол в прямом залоге и имя в основном падеже: *Син пасхан пічік кичее чіт парған* 'Письмо, которое ты написал, вчера потерялось'.

В творительном падеже, по мнению автора, бывают имена в сравнительном значении, например: *Ікі нанчынаң пір иргі нанчы артың полар* 'Один старый друг лучше новых двух'; *Пістің хончығыбыстың оолғы адазынаң хыйға полған*. 'Сын нашего соседа был умнее своего отца'.

О некоторых падежных формах в хакасских диалектах сообщает и С. Д. Майнагашев. Он пишет, что в сагайском диалекте творительный падеж имеет формы -наң/-нең, а у качинцев — -бынаң/-бінең, -пынаң/-пінең; у шорцев — -была/-біле, -пыла/-піле. Далее автор замечает, что во всех случаях окончания родительного и винительного падежей сагайского наречия -дың, -ды у качинцев соответствуют -ның, -ны, например, формам *малдың, малды* (саг.) соответствуют *малның, малы* (кач.).¹³

¹³ Отчет по поездке к турецким племенам долины Абакана летом 1913 г. С. Д. Майнагашева. «Известия Русск. комитета для изучения Средней и Вост. Азии в историч., археологич., лингвист. и этнограф. отношениях», серия II, № 3. Петроград, 1914, с. 108—109, 121—122.

Падежные формы и их значения в современных диалектах в той или иной степени описаны в кандидатских диссертациях¹⁴ и в отдельных очерках.¹⁵ Так, по наблюдениям А. И. Инкижековой, в сагайском диалекте (его говорах) дополнительно к литературным формам встречаются варианты родительного падежа -дың/-дін, -дун/-дүн (после основ на согласные л, р, й, г, г), а также губные варианты -нун/-нүн, -тун/-түн. Соответственно—варианты винительного падежа -ды/-ді, -ну/-нү, -ту/-тү. Формами направительного падежа являются -зары/-зері, -зар/-зер, -сары/-сері, -сар/-сер, т. е. имеются варианты с конечными ы, і. Аффиксами творительного падежа являются -нан/-нең, но в отдельных говорах встречаются -бан/-бен, -пан/-пең, -ман/-мең (стр. 100—110). В остальных падежах диалектные формы совпадают с литературными.

Особенностью кызыльского диалекта, по данным Н. Г. Доможакова, является форма направительного падежа (-за/-зэ, -са/-сэ в лит. -зар, -сар и т. д.). Творительный падеж имеет формы -была/-білэ, -пыла/-пілэ, -ла/-лэ, -ман/-мэн. Родительный падеж, как и в сагайском, шорском, имеет дополнительные формы -дың/-дін, -дун/-дүн (стр. 62). Автор отмечает, что приводимые Н. Ф. Катановым формы дательного падежа -гө/-кө; местного -дө/-тө; исходного -дөн/-төн в современном диалекте не наблюдаются (стр. 63).

В качинском диалекте, по наблюдениям Д. Ф. Патачаковой, к словам, оканчивающимся на сонорные и звонкие согласные, прибавляются формы родительного и винительного падежей с начальным -н в отличие от -д в других диалектах. Например: *малның*, *малны* от *мал* 'скот'; *сугның*, *сугнуң*, *сугны*, *сугну* от *суг* 'вода' в отличие от *малдың*, *малды*, *сугдың*, *сугды* в других диалектах. Творительный падеж представлен формами -бынан/-бінен, -пынан/-пінен, -мынан/-мінен: *кізібінен* 'с человеком', *отпынаң* 'с огнем'. Но наряду с указанными формами, встречаются -дан/-ден, -таң/-тең, -нан/-нең. Аффикс направительного падежа в этом диалекте оканчивается на звук -р: -зар/-зер, -сар/-сер, т. е. также, как в литературном языке. В качинском диалекте слова с аффиксом принадлежности в дательном падеже принимают формы -а/-е в отличие от -ға/-ге, -а/-е в других диалектах. Ср.: *столыма* 'на мой стол', *аалыма* 'моему улусу', *көрізіне* 'его взгляду' вместо *столымға* (и *столыма*), *аалымға* и *аалыма*, *көрізінге* в других диалектах.¹⁶ В этом же

¹⁴ См.: А. И. Инкижекова. Сагайский диалект хакасского языка. М., 1948 (рукопись); Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948 (рукопись); Д. Ф. Патачакова. Качинский диалект хакасского языка. Новосибирск, 1965 (рукопись); Н. Н. Межекова. Описание шорского диалекта хакасского языка. М., 1969 (рукопись).

¹⁵ Сб. «Диалекты хакасского языка». Абакан, 1973.

¹⁶ См.: Д. Ф. Патачакова. Качинский диалект. В сб. «Диалекты хакасского языка». Абакан, 1973, с. 19—20.

диалекте личные местоимения *мин* 'я', *син* 'ты' в дательном падеже склоняются в виде *магаа*, *сагаа* вместо сагайского *мегее*, *сегее* (*мее*, *сее*).

Падежные формы шорского диалекта в основном совпадают с таковыми сагайского диалекта. Здесь чаще употребляется вариант родительного падежа *-дын/-дін*.¹⁷

Склонение в хакасских диалектах в целом единое. Падежные аффиксы, зафиксированные Кастреном, Радловым и Катановым, бытуют и в современных диалектах, не претерпев особых фонетических изменений. В настоящее время на диалектные формы заметное влияние оказывает литературный (письменный) язык.

III.

Необходимо отметить, что количество и названия падежей в литературном языке были определены в учебниках по хакасскому языку в 30—40-х годах, т. е. в период формирования литературного языка. Но в научной литературе 40-х годов были высказаны несколько иные соображения по количеству и правомерности существования отдельных падежей. Так, например, Н. П. Дыренкова пишет, что имя существительное в хакасском языке изменяется по 8-ми падежам и перечисляет их. При этом она указывает, что «послелог направительного падежа (*-зар/-зер*, *-сар/-сер*) согласуется с основой имени не только по линии гармонии гласных, но и по линии согласования согласных и, таким образом, может рассматриваться как аффикс».¹⁸ Но в отношении творительного падежа автор замечает, что он лишь условно может быть назван падежом, т. к. при присоединении падежных аффиксов хотя и наблюдается гармония гласных (*палтынаң* 'топором', *чүгеннең* 'уздой'), однако отсутствует согласование начального согласного аффикса с конечным звуком основы, напр., *мылтыхнаң* 'ружьём', с *ружьём'*, *атнаң* 'конем', с *конем'*, *тирекнең* 'тополом', с *тополом'* и т. д. Ожидалось бы *мылтыхтаң*, *аттаң*, *тиректаң* и т. д. В данном случае, по мнению Н. П. Дыренковой, формант *-наң/-нең* может быть рассматриваем как послелог-аффикс.¹⁹ Следует, однако, указать, что разбираемая форма, как и *-зар/-зер*, *-сар/-сер*, имеет все признаки падежа. В диалектах и разговорном языке имеется полное согласование аффикса с конечными гласными и согласными основы, т. е. вместо литературного *атнаң* употребляют *аттаң*, вместо *тирекнең* говорят *тиректаң* и т. д. Но поскольку при этом аффиксы исходного и тво-

¹⁷ См.: Н. Н. Межекова. Шорский диалект. «Диалекты хакасского языка», с. 57—58; О некоторых особенностях падежных форм белгирского говора сагайского диалекта см. в этом же сборнике, с. 94—95.

¹⁸ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, с. 21.

¹⁹ Там же, с. 20—21.

рительного падежей совпадают, в литературном языке в качестве творительного падежа принято употреблять только -наң/-нен.

Н. Г. Доможаков пишет, что в кызыльском диалекте, по его мнению, насчитывается девять падежных форм:

основной, притяжательный (родит.) с аффиксами -нын/-нің, -дың/-дің, -дуң/-дүң, -тын/-тің, -туң/-түң; дательного-направительный — -ға/-ге, -а/-э, -ха/-кә, -са/-сә, -за/-зә; винительный — -ны/-ні, -нү/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү; местный — -да/-дә, -та/-тә; исходный — -наң/-нәң, -дан/-дән, -таң/-тән; сравнительно-направительный, который имеет два значения: 1) величиной с чего?, с кого? 2) направляется по чему? аффиксы: -жа/-жә, -ча/-чә, -ча/-чә; при этом автор замечает, что в школьных грамматиках имена с этими аффиксами рассматриваются как наречия, что является неверным; орудный падеж — пыла/-пілә, -была/-білә, -ла/-лә и -маң/-мән, соответствующие литературному -наң/-нен; исходно-последовательный, состоящий из аффикса исходного падежа и аффикса -ар/-эр: -наңар/-ненер (с вариантами)²⁰; в литературном языке эта форма, как было указано, не рассматривается как самостоятельный падеж. В учебниках эта форма иногда рассматривается как послелог-аффикс, имеющий фонетические варианты.²¹

В других работах по хакасскому языку признается 8 падежей.²²

IV.

Несколько слов о функциях и значениях падежей в хакасском литературном языке.

Основной падеж отвечает на вопросы кем? 'кто?', ниме? 'что?'. Этот падеж, как было сказано, специального аффикса не имеет. В тюркских языках он известен своей многофункциональностью. В узбекском языке, например, он может выступать в функциях прямого и косвенного падежей, особенно часто функционально он соответствует родительному и винительному падежам, реже — дательному, местному, исходному.²³

В хакасском языке основным падежом обычно выражается подлежащее, но нередко он заменяет родительный и винительный падежи, например: Хар чаапча 'Снег идет'; Турналар учухча; таг

²⁰ См.: Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. А. к. д., Абакан, 1949, с. 9—10.

²¹ См., напр.: Д. Ф. Патачакова. Хакас тілі, 1 чардыгы. Педагогический учебник. Абакан, 1962, с. 219.

²² См.: «Грамматика хакасского языка». М., 1975, с. 66—80 (Здесь показаны также основные значения падежей); А. И. Инкижекова. Сагайский диалект хакасского языка. М., 1948, с. 100 (рукопись нанд. дисс.); сб. «Диалекты хакасского языка». Абакан, 1973.

²³ См.: А. Н. Кожонов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 93.

жирного молока получается много масла'; **Харахтан** *час сыхча* 'Из глаз течет слеза'; **Агбаннан** *брінігі хабар читкен* 'Из Абакана пришла радостная весть'; *Че, Самсон, піс синнең сурынчабыс: піске хайлап пир, чахсы нимахтан чоохтап пир* (Фольк.) 'Ну, Самсон, мы просим тебя рассказать нам из лучших сказок'; **Сазанаков** *арғы хара кічігден сығара хара тайғаның хойнында өскен* (Л. Ч.). 'Товарищ Сазанаков с малолетства рос в гуще тайги'; *Хара торааттың Хара Молат хатың наахтаң наарып ирткен* (Фольк.). Хара Молат, ездивший на черно-гнедом коне, по крепкой щеке (его) ударил'; *Кізі полары — кічігден, ат полары — хулуннан*. В последнем предложении нмя в исходном падеже выступает в качестве сказуемого. Другой пример: *Көбленген кізінің — көңнінең, көп ізернің — харныңаң* 'Поступают по желанию любящего, пьют соразмерно (объему) желудка'.

Направительный падеж отвечает на вопросы: кем з е р? 'кому?' по направлению к кому?', н и м з е р? 'по направлению к чему?' во что?', х а й д а р? 'куда?'. Имя в этом падеже означает предмет или лицо, по направлению которого совершается действие. В предложении оно выступает в функции дополнения или обстоятельства места: **Тайғазар** *наңмыр чаалча* 'В тайге идет дождь'; **Автобус** **Асхыссар** *парча* 'Автобус идет в Аскиз'; **Уғренцілер** **школазар** *маңзырапчалар* 'Учащиеся торопятся в школу'; **Күм** **тағ кистінзер** *кір парды* 'Солнце скрылось за гору'; **Хастар** **ибзер** *нан килгеннер* 'Гуси вернулись домой'; **Чабан** *хойларын чазызар сығарча* 'Чабан выводит овец (своих) в поле' и т. д.

Творительный падеж отвечает на вопросы: кем н е н? 'кем? с кем?', н и м е н е н? 'чем? с чем?'. Имя, оформленное творительным падежом, обозначает орудие (материал) или соучастника, при помощи которого или совместно с которым производится действие; в предложении оно выступает в функции дополнения и обстоятельства: **Хыраны** **тракторнаң** **тартчалар** 'Пашню обрабатывают трактором'; **Палыхты** **хармахнаң** **тутчабыс** 'Рыбу ловим удочкой'; **Пуйн** **синнең** **тоғазарбыс** 'Сегодня встретимся с тобой'; **Оолах** **пабазынаң** **хада** **чөргеге** **хынча** 'Мальчик любит ходить вместе с отцом'; **Хастар** **чолнаң** **килчелер** 'Гуси идут по дороге (дорогою)' и др.

ОСНОВНОЙ ПАДЕЖ

1. О наименованиях основного падежа

В тюркологической литературе, как известно, этот падеж назывался по-разному. Так, например, М. А. Казем-Бек называл его «именительным». «Винительный падеж заменяется именительным, — писал он, — когда предмет действия ничем не определен, и имя предмета непосредственно предшествует глаголу...»²⁴ Как видно, автор говорит о двух самостоятельных падежах (винит. и имен.), оформляющих прямое дополнение. Другие называли этот падеж «неопределенным».

Начиная, однако, с известной «Грамматики алтайского языка»,²⁵ для обозначения формы прямого дополнения или притяжательного определения, выраженной основой имени, в употребление вошли термины «винительный без приставки», «винительный без аффикса» или «винительный неоформленный».²⁶ Подобное название сохранилось и позднее. В. М. Насилов, например, писал, что «форма дополнения, выражающего определенный объект, отличается от дополнения, выражающего неопределенный объект, суффиксом -и... неопределенного — не имеет его. В обоих случаях это будет винительный падеж»²⁷. Но в последующих работах автор пересмотрел свою точку зрения и называет этот падеж **основным**. Так, в примере

²⁴ М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. П., Казань, 1846, стр. 382—383.

²⁵ «Грамматика алтайского языка». Составлена членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869, стр. 139 и сл.

²⁶ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. СПб, 1897, стр. 15; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, с. 784—785; Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903, стр. 211 и след. (§ 155); и в некоторых других работах.

²⁷ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 42.

кү эшидип... 'услышав сообщение (весть, слух, молву)' кү, по его мнению, стоит в основном падеже, является прямым дополнением при сказуемом эшидип и равнозначен семантически винительному падежу. Другой пример из памятника в честь Кюль-Тегина: Баз каганы балбал тикмиш 'Баз кагана' поставил (и) в качестве балбала (каменного изваяния). Балбал в этом предложении выражает, по мнению В. М. Насилова, объект действия в орудном значении, стоит в основном падеже (соответствует творительному падежу русского языка)²⁸.

Н. П. Дыренкова в этом вопросе также придерживалась традиционной точки зрения. Соответствующие параграфы одной из ее работ так и озаглавлены: «Дополнение в неоформленном винительном падеже» (§ 29) и «Дополнение в винительном оформленном падеже» (§ 30)²⁹. Однако в других работах автор называет его «неопределенным или неоформленным падежом», а не «неоформленным винительным». «Неопределенный или неоформленный падеж по форме совпадает с основным падежом, по значению соответствует винительному, притяжательному и в отдельных случаях местно-временному падежам»³⁰.

Е. И. Убрятова отмечала, что прямое дополнение в якутском языке может быть выражено, наряду с винительным, также неоформленным падежом,³¹ т. е. последний, по ее мнению, не является разновидностью винительного, а представляет, видимо, самостоятельный падеж. В последующих исследованиях автор пользуется термином «основной падеж». У него очень широкие синтаксические функции, замечает она. Имя существительное в этом падеже может употребляться в качестве подлежащего, сказуемого, определения и прямого дополнения.³²

Отметим, что выражение «неоформленные падежи» встречается и в некоторых современных грамматиках тюркских языков³³.

По мнению В. Г. Карпова, винительный и притяжательный па-

²⁸ В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 24—25; см. также его: Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 32—33 («Основной падеж также выражает и объект действия, будучи смысловым эквивалентом винительному падежу»).

²⁹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 244.

³⁰ Е. же. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, с. 59.

³¹ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, с. 118.

³² Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка. В кн. «Якутско-русский словарь (под ред. П. А. Слепцова)». М., 1972, с. 577; е. же. Задачи сравнительного изучения тюркских языков. «Тюркологический сборник, 1970». М., 1970, с. 75—76.

³³ См. н-р: «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962, с. 160; «Грамматика туркменского языка, ч. 1. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, с. 102—104, 111—112.

дежи в зависимости от определенности или неопределенности обладателя и объекта, которые они обозначают, могут быть оформленными и неоформленными³⁴. О «неоформленных» падежах писали и некоторые другие авторы.

С другой стороны, в трудах Н. К. Дмитриева, А. П. Поцелуевского, А. Н. Кононова, И. А. Батманова, Э. В. Севортяна, Л. Н. Харитоновой и др. вместо «винительного неоформленного» для обозначения формы неопределенного объекта использованы другие термины. А. П. Поцелуевский, например, писал, что «Прямое дополнение ставится в *винительном* падеже *либо в абсолютном*...»³⁵. Н. К. Дмитриев в своих известных грамматиках называет этот падеж «неопределенным». Свое отношение к термину «винительный неоформленный» высказывает А. Н. Кононов и предлагает называть этот падеж «**основным**», обладающим многофункциональностью³⁶.

В работах по киргизскому языку И. А. Батманов употребляет термин «основной падеж». Он указывает, что «категория основного падежа совмещает в себе функции прямого и косвенного падежей... Сама эта категория передается именной основой без специфических (падежных) аффиксов и послужила той базой (или основой), на которой возникли существующие сейчас в киргизском языке падежи. На этом основании,—пишет автор,—вопреки установившейся традиции именовать этот падеж именительным или бессуффиксальным, мы именуем его **основным падежом**»³⁷.

О выражении прямого дополнения основным падежом в якутском языке пишет Л. Н. Харитонов³⁸.

Основной падеж в фольклоре и древних памятниках тюркских языков, отмечает Э. В. Севортян, может замещать собой любой падеж, в числе их и винительный. По наблюдениям автора, основной падеж в развитых литературных языках не замещает или почти не замещает собой дательного-направительного и исходного падежей, а также местного падежа в пространственном значении. Зато замена основным падежом родительного и винительного широко распространена в литературно-письменных языках и наблю-

³⁴ В. Г. Карнов. Хакасский язык. В кн. «Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки». М., 1966, с. 433.

³⁵ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, с. 44.

³⁶ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, с. 280; его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 83—84; его же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 93.

³⁷ И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе—Казань, 1938, с. 13.

³⁸ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, ч. 1. Фонетика и морфология Якутск, 1947, с. 108—109.

дается при известных условиях³⁹. Далее, отметив многофункциональность основного падежа, Э. В. Севортян замечает, что поэтому применяемые иногда термины «именительный» или «абсолютный» для обозначения рассматриваемого падежа являются недостаточно мотивированными⁴⁰.

В одной из своих последних работ Н. К. Дмитриев уточнил свою точку зрения по этому вопросу. Он, в частности, указывает, что функции чувашского (и вообще тюркского) первого падежа гораздо шире, чем функции русского именительного. Чувашский «именительный» падеж может употребляться и параллельно родительному и параллельно винительному и другим падежам. Ср.: *Иван кенеке* (именит. падеж) *вулат*; с другой стороны: *Иван кенеке* (винит. п.) *вулат*. Традиционная точка зрения хочет видеть во всех этих случаях какой-то «родительный неоформленный», «винительный неоформленный» и т. д., а между тем несомненно, что всюду форма одна, а функции разные⁴¹. Каждый чувашский падеж, продолжает автор, есть прежде всего понятие морфологическое, которое характеризуется индивидуальным, свойственным ему аффиксом. Видеть же при тождественной падежной форме несуществующие при ней аффиксы только для того, чтобы назвать ее каждый раз по-разному, указывает на косность и схоластичность метода⁴². Далее Н. К. Дмитриев замечает, что сама теоретическая база старой трактовки, а именно учение об оформленных и неоформленных падежах, явно отжила свой век: с современной точки зрения в тюркском склонении все падежи оформлены, кроме первого, который, очевидно, более древний, чем остальные падежи склонения, и до тех пор, пока последние не оформились, мог выполнять все их синтаксические функции, отнюдь не меняя своей формы и не переставая быть единым, многофункциональным падежом⁴³. В другой своей работе, касаясь этого же падежа, Н. К. Дмитриев указывает: «Или возьмем такое выражение: *китап окуду 'он читал книгу'*. Какой падеж *китап*? Исходя из норм русского языка, говорят, что это — винительный падеж, тогда как для тюркских языков это — первый падеж склонения, имеющий много функций... Молчаливо приравнивать его к русскому именительному падежу нельзя. Его можно назвать «основным или неопределенным». Пусть даже на родном языке (напр., азерб.) он называется *адлыг хал*, т. е. име-

³⁹ Э. В. Севортян. Категория падежа. В кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология». М., 1956, с. 57..

⁴⁰ Там же, с. 58.

⁴¹ Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955, с. 117—118.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 118—119.

нительный, но на русском языке его нельзя так квалифицировать»⁴⁴.

Касаясь этого же вопроса, С. Н. Иванов замечает, что основной падеж в этой функции (примыкающего прямого дополнения — М. Б.) так же как и в функции определения, называли иногда не-оформленным. Это, по мнению автора, — проявление крайнего «синтаксизма», продиктованного внешними по отношению к тюркским языкам соображениями⁴⁵.

Киргизский языковед Х. Карасаев указывал, что некоторые авторы тюркских грамматик смешивают винительный падеж и основной (для обозначения неопределенного объекта). Автор заключает, что неопределенный объект выражается в предложении основным падежом, а не безаффиксальной разновидностью винительного падежа⁴⁶.

Критические замечания относительно встречающихся терминов «неоформленный родительный», «неоформленный винительный» высказывает А. Н. Кононов⁴⁷.

То, что прямое дополнение выражается разными падежами, а не разновидностью винительного, не является особенностью только тюркских языков.

Поэтому в отношении монгольских, например, языков Г. Д. Санжеев замечает, что синтаксические компоненты, лишенные морфологического уточнения, не могут считаться неоформленными, если соблюдается обязательный порядок этих компонентов, который и есть оформление. Равным образом основу имени, по форме отличающуюся от именительного падежа, нет никаких оснований считать «нулевой». Ведь важно, чтобы язык так или иначе отличал одно содержание от другого...⁴⁸

В связи с этим отметим, что мнение О. П. Суника о существовании в алтайских языках «нулевых окончаний», «нулевых аффиксов»⁴⁹ подвергнуто справедливой критике со стороны ряда ученых. Так, например, В. А. Аврорин убедительно обосновывает свое несогласие с утверждением о том, что слово может складываться из основы и «нулевого окончания», что оно может на

⁴⁴ Н. К. Дмитриев. Основы преподавания родного языка в национальной школе. «Изв. АПН РСФСР», вып. 39, М., 1952, с. 239.

⁴⁵ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Ташкент, 1969, с. 52.

⁴⁶ Х. Карасаев. Семантика падежей в киргизском языке. «Труды Института языка, литературы, истории (Киргизск. филиала АН СССР)», вып. 1, 1944, с. 30—31.

⁴⁷ А. Н. Кононов. А. Н. Самойлович — грамматист. «Сов. тюркология», 1973, № 5, с. 44—45.

⁴⁸ Г. Д. Санжеев. Проявление логики вещей в языке. В кн. «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969, с. 102—103.

⁴⁹ О. П. Суник. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории. В кн. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963.

них расчленяться, что в этих случаях речь идет не об отсутствии чего-то, а именно о присутствии «нулевого» форманта, что «нулевым аффиксам» свойственна омонимичность, что в состав слова может входить до десяти «нулевых аффиксов» и т. п. Автор против отождествления «нулевых» аффиксов с материально выраженными.⁵⁰ В связи с этим же Г. Д. Санжеев замечает, что нельзя говорить о неоформленном, напр., винительном падеже (винительный падеж — не единственное средство выражения прямого дополнения). К тому же здесь нельзя даже говорить об омонимии⁵¹.

Падеж — категория морфологическая, замечает Р. А. Будагов, но функция падежа — категория синтаксическая⁵².

Следовательно, по мнению многих тюркологов (шире, алтаистов), в оформлении прямого дополнения и притяжательного определения принимают участие разные падежи, а не «нулевые» разновидности винительного или родительного падежей. Причем, многофункциональность присуща не только основному падежу, но и некоторым другим падежам. Так, например, местный падеж в тюркских языках, кроме основной функции, может выполнять также функции исходного, творительного, направительного и других падежей⁵³. В тувинском языке, оказывается, подлежащее может быть выражено именем не только в основном, но и в исходном падеже⁵⁴ и т. д.

Справедливо поэтому замечание С. Н. Иванова о том, что совокупность значений основного падежа может быть понята только с учетом общих свойств тюркского имени существительного. Имя существительное в своей исходной форме совмещает в себе значения единичности предмета данного класса и обобщенного названия данного класса предметов⁵⁵.

Вслед за другими тюркологами, мы придерживаемся той точки зрения, что для тюркских грамматик наиболее приемлемым и оправданным является термин «основной падеж», получивший ныне широкое признание⁵⁶.

⁵⁰ В. А. Аврорин. Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963.

⁵¹ Г. Д. Санжеев. Несколько замечаний о структуре слова и его границах. Там же, с. 271. См. также: А. М. Щербак. О морфологической структуре слова в тюркских языках. Там же.

⁵² Р. А. Будагов. Человек и его язык. Из-во МГУ, 1974, с. 91.

⁵³ А. Т. Кайдаров. Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках. «Сов. тюркология», 1972, № 2, с. 19.

⁵⁴ А. Ч. Кунаа. Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970, с. 27.

⁵⁵ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Ташкент, 1969, с. 50.

⁵⁶ См. ин. «Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки». М., 1966.

2. Употребление основного падежа

Основной падеж — это, в первую очередь, падеж одного из главных членов предложения — подлежащего: *Тайга суулапча* 'Тайга шумит'; *Күн сылча* 'Солнце восходит'; *Адай үрче* 'Собака лает'; *Син килдиң* 'Ты пришел'; *Суу чайылча* 'Вода разливается'; *Книга хыгырылды* 'Книга прочитана' и др.

Наряду с этим, в основном падеже ставятся:

Простое определение: *агас тура* 'деревянный дом'; *тимір ізік* 'железная дверь'; *ікі чол* 'две дороги'; *Көлле онча өртектүс парган* 'В озеро опустилось около десяти уток' и т. д.

Притяжательное определение. Это определение в основном падеже вместо родительного стоит главным образом тогда, когда в его функции выступают имена нарицательные, когда они логически не подчеркиваются: *ат пазы* 'голова лошади', *чон кўзи* 'сила народа', *көл палыгы* 'озерная рыба', *наңмыр суғлары* 'дождевые воды', *агас салаазы* 'ветка дерева', *аба ізі* 'след медведя', а также при словах типа *сай*: *чыл сай* 'каждый год', 'ежегодно'; *ай сай* 'ежемесячно'; в то же время чаще употребляется *кўннің сай* (род. п.) 'ежедневно' вместо *кўн сай* (осн. п.).

Именная часть сказуемого: *Мин хакас полчам* 'Я хакас'; *Төрөөн чирім Тёё* 'Родина моя — река Тёя'; *Агбан — улуг суу* 'Абакан — большая река'; *Пу суу чарых* 'Эта река прозрачна'; *Позы харах-хулах ла* и т. д.

Прямое дополнение, отвечающее на вопрос *н и м е ?* 'что?', которое в хакасском языке, как и в других тюркских языках, должно было бы стоять в винительном падеже, например: *Пабазы ат көлча* 'Отец запрягает лошадь'; *Үгренчі книга хыгырча* 'Ученик читает книгу'; *Тура идерге* 'Строить дом'; *От сабарга* 'Косить сено'; *Чистек теерерге* 'Собирать ягоду' и т. д.

В тюркских языках, в том числе и в хакасском, в основном падеже ставится прямое дополнение в следующих случаях:

а) когда объект, на который распространяется действие глагола, не выделен из однородных ему предметов, не индивидуализирован или не известен говорящему: *Олганнар палых тутханнар* 'Ребята ловили рыбу';

б) когда содержание объекта включается в содержание глагола и образует с ним как бы лексическое целое, т. е. при так называемых «глаголах внутреннего объекта», например: *ыр ырларга*, *сарын сарнирга* 'петь песню'; *сан санирга* 'считать'; *сағыс сағынарга* 'думу думать'; *ойын ойнирга* 'играть' и т. д. Однако, при необходимости, эти объекты в этих же сочетаниях могут принимать и форму винительного падежа: *пу сарынны сарнирга* и т. д. Дополнения при глаголах движения: *чол чөрерге*, *чол парарга* и др.

Обстоятельство времени, выраженное существительным типа

кўн 'солнце', *иш* 'вечер', *чыл* 'год', *ай* 'месяц' и нек. др.: *Арғызым пу иш килерге полган* 'Товарищ (мой) в этот вечер должен был приехать'; *Пир кўн Митя чit парган* 'Однажды Митя потерялся'; *Аалларча пис кўн чордiм* 'Пять дней ездил (я) по улусам'; *Пир иш нис пазох чымысхабыс* 'В один вечер мы опять собирались' и т. д. Но при слове *иш* 'вечер' чаще употребляется местный падеж: *пу ишрде*, *пир ишрде*. *Бу йил* 'в этом году' в узбекском языке употребляется в основном падеже. В хакасском из этого словосочетания образовалось одно слово (наречие) — *пйўл* 'в этом году', 'ныне'. В фольклорных текстах основной падеж иногда встречается в следующих предложениях: *Кўн Арыг ам пiлче: палалары ир бс парган-нар* 'Кюн Арыг теперь знает: дети выросли мужчинами', где *ир* (осн. п.) является обстоятельством.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Об аффиксах родительного падежа

В хакасском литературном языке аффиксами этого падежа являются *-нын/-ниң*, *-тын/-тиң*, а также *-иң* у местоимений 1-го и 2-го лиц *мин* 'я', *син* 'ты' (*миниң* 'мой', *синиң* 'твой'). В диалектах встречаются еще *-нун/-нўн*, *-тун/-тўн*, *-дың/-диң*, *-дун/-дўн*, *-ың/-иң*, *-ун/-ўн*. В других тюркских языках: *-нын/-нин*, *-нун/-нўн*, *-тын/-тин*, *-тун/-тўн*, *-дың/-дин*, *-дун/-дўн*; *-нын/-нин*, *-нун/-нўн*, *-тын/-тин*, *-тун/-тўн*, *-дын/-дин*, *-дун/-дўн*; *-ын/-ин*, *-ун/-ўн*; *-ын/-ин*, *-ун/-ўн*.

Некоторые ученые считали, что исходной формой аффикса родительного падежа является *-ың* (*-ын*), а начальный *-н* в аффиксе *-ның* (*-нын*) объясняли морфологическим переразложением, в результате которого конечный *н* основы имени перешел к аффиксу родительного падежа. В связи с этим А. М. Щербак пишет, что эта гипотеза маловероятна. Начальный *н* в аффиксах родительного и винительного падежей, считает он, действительно вторичен, но связан он с формой принадлежности 3-го лица. В истории тюркских языков существовала такая ситуация, когда, по мнению автора, притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, и склонение многих слов, напр., терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому, и т. д. было исключительно притяжательным. Особое положение притяжательной парадигмы способствовало 'проникновению' *н* в падежные формы простого (непритяжательного) склонения: по аналогии начальный *н* стал употребляться в аффиксах родительного и винительного падежей, сначала — после основ на гласный (ср. *ташының* 'его камня', *баланың* 'ребенка'), а позднее — после любых основ, во всех тюркских языках,

кроме огузских и чувашского⁵⁷. А. М. Щербак склонен, как видно, рассматривать начальный **н** в аффиксах родительного и винительного падежей простого и притяжательного склонения и так называемый вставочный **н** в аффиксах локативных падежей притяжательного склонения как составную часть аффикса принадлежности 3-го лица, восходящего к лично-указательному местоимению ***ын**, ***ин**, присутствующего в наречиях **ынча** 'так, таким образом', **ында** 'там' и т. д.⁵⁸

Однако это последнее предположение вызывает сомнение из-за того, что начальный **н** в словах **ынча**, **ында** и т. д. мог возникнуть в результате чередования (или развития) **а > ы**: **анча**, **анда** > **ынча**, **ында**; древнетюрк. **Аны** (назв. реки) в карагасск. (тоф.) — **Ына**; ср. также: **Анас** и **Ынас** (назв. рек) и т. д.

В соответствии с точкой зрения Ф. Г. Исхакова, первичным является аффикс родительного падежа с начальным **н**.⁵⁹

Были и другие попытки объяснить происхождение аффикса родительного падежа. Так, например, Н. А. Баскаков, вслед за К. Грёнбеком, аффикс этого падежа выводит из слова **неңе** > **нең** 'тело' > 'сущность' > 'владение' > 'вещь' > 'что'. По мнению автора, развитие шло следующим образом: **неңе** > **нең** > $\frac{\text{ның}}{\text{ниң}} > \frac{\text{нын}}{\text{нин}} > \frac{\text{ны}}{\text{ни}}$ > **н**, т. е. от полной формы **-ның** до одного согласного **-н**.⁶⁰

В языке орхоно-енисейских памятников в качестве аффикса родительного падежа выступает **-ың/-иң**: **тюрк будуның** или 'племенной союз тюркского народа', **Мениң сабымын сымады** 'Они не изломали (не исказили) мое слово'; **Бизиң сў аты турук, азуқы йок эрти** 'Кони нашего войска тощие, корма у них не было'. В древнеуйгурском языке родительный падеж обозначается аффиксом **-ның, -ниң, -нун, -нўң** (или **нең** в «н» — диалекте).⁶¹ **Барсының ирбизниң мануның арсланның ббриниң тилкўниң ашы эрсэр, йалаңуз йинтэм исиг эт кан зрўр** 'Что касается пищи тигра, леопарда, гиены, льва, волка и лисицы, то она всегда только горячее (живое) мясо и кровь'; **Тўшәмиш ол тўләймнўң йавыз турур бәлгүси** 'Значение того моего сна, который приснился, дурное'. Однако в личных местон-

⁵⁷ А. М. Щербак. О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках. «Вопросы языкознания», 1971, I, стр. 86—87.

⁵⁸ Там же, стр. 88.

⁵⁹ Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 100.

⁶⁰ Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. «Доклады и сообщения Инст-та языкознания АН СССР», вып. I, 1951, стр. 138.

⁶¹ В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 40; С. Е. Мадлов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 174.

мениях 1-го и 2-го лиц ед. ч., как и в хакасском, родительный падеж обозначается аффиксом **-ин**: *мениң, сениң*; ср. в хакасском: *минің, синің*; аффиксы совпадают и в 3-ем л.: *аның и оларның* (древнеуйг. и хака.).

Здесь можно было бы допустить, что *нең* и *ең* могли когда-то сосуществовать, т. к. в тюркских языках подобное явление известно: *ниме* и *име* 'что', 'вещь'; *иң* и *ниң* 'самый (усилит. значение)'. *ниске* и *иске* 'тонкий', *нымырт* и *ымырт* 'черемуха' и т. д. Следовательно, из *нең* мог развиться аффикс с начальным **н**, а из *ең* — аффикс без **н**. Однако, более вероятно следующее. Аффикс родительного падежа без начального согласного характерен, как известно, для огузской (южной) группы тюркских языков, а с начальным согласным — для кыпчакской (северной) группы этих языков. Наличие или отсутствие начального согласного наблюдается и в других аффиксах указанных групп языков и их диалектов. Так, например, в сагайском диалекте хакасского языка, имеющем признаки огузского типа склонения (аффикс родительного падежа — **-ың -ің**) при основах на согласные **л, н, т** аффикс множественного числа оказывается без начального согласного, а в качинском диалекте, имеющем признаки кыпчакского типа склонения (аффикс родительного падежа — **-ның/-нің**), — с таким согласным, т. е. в первом случае образовавшийся двойной (долгий) согласный утрачивается, во втором — сохраняется: *кӧл* 'озеро' — *кӧлер* (саг.), *кӧллер* (кач.) 'озера'; *тон* 'шуба' — *тонар* (саг.), *тоннар* (кач.) 'шубы'; *күн* 'день' — *күнер* (саг.), *күннер* (кач.) 'дни'; *от* 'травы' — *отар* (саг.), *оттар* (кач.) 'травы'; *тыт* 'лиственница' — *тытар* (саг.), *тыттар* (кач.) 'лиственницы' и т. д. В этих случаях литературной нормой принято считать качинские варианты. В других случаях, когда основы оканчиваются на другие согласные, то в обоих диалектах прибавляется соответствующий аффикс с начальным согласным: *хастар* 'гуси', *пӱктер* 'луга', *тағлар* 'горы', *кӧглер* 'мелодии' и т. д.

То же самое наблюдается и с некоторыми аффиксами, образующими глаголы, и с аффиксом направительного падежа: *ин* 'метка' — *ине-*, *инирге* (саг.) и *инне-*, *иннирге* (кач.) 'делать метку на ком-чем-л.', 'метить кого-что-л.'; *сан* 'число' — *сана-*, *санирга* (саг.) и (кач.) 'считать'; *сас* 'болото' — *сасар* (саг.), *сассар* (кач.) 'в сторону болота'. (Аффикс **-сар** в хакасском языке возник сравнительно недавно из послеложного слова *сары* 'сторона').

Приведенные выше примеры свидетельствуют о наличии двух тенденций в тюркских языках: огузской (южной) группе присуще сокращение двойных (долгих) согласных, возникающих на стыке основы и аффикса; кыпчакской (северной) — сохранение подобных согласных.

Эти факты наводят на мысль, что первичным (исходным) аффиксом родительного падежа является **-нин**, а **-иң** представляет

собой его сокращенный вариант. Существует, видимо, фонетическое условие: если основа оканчивается на гласный, прибавляется полная падежная форма; если же основа оканчивается на согласный, может быть использован и сокращенный вариант аффикса: *сана* 'лыжа', *сананың* (род. п.), *сананы* (вин. п.), *санаға* или *санаа* (дат. п.) и т. д.; *хаңаа* 'телега', *хаңааның* (род. п.), *хаңааны* (вин. п.), *хаңааға* (дат. п.), *хаңаазар* (напр. п.); *син* 'ты', *синің* (род. п.), *сині* (вин. п.); *тағ* 'гора', *таға* (дат. п.) и т. д.

В тюркологической литературе высказано мнение, что родительный и винительный падежи имеют общее происхождение.⁶² Б. А. Серебренников, не соглашаясь с этим предположением, замечает, что между значениями родительного и винительного падежей в тюркских языках нет абсолютно никаких точек соприкосновения.⁶³

В. А. Богородицкий, однако, указывает на семасиологическое родство родительного и винительного падежей, заключающееся в том, что как родительный падеж ближе определяет или ограничивает именное представление указанием принадлежности (*дом отца*, *дом друга* и т. п., а не *дом* вообще), так винительный падеж служит для ограничения глагольного представления указанием на объект действия (*даю книгу*, *даю совет* и т. п., а не вообще *даю что-либо*).⁶⁴

Думается, что генетическое родство этих двух падежей вполне допустимо. Вероятно, исходным материалом для развития аффиксов отмеченных падежей могло послужить указанное слово *нең/ниң/* и его вариант *ең/иң/*. Первоначальное *нең/ең/* прибавлялось, очевидно, к именам людей (*лиц*), а далее распространялось постепенно и на другие одушевленные предметы. Значение *нең* в этом положении абстрагировалось, терялось его самостоятельность. В то же время как отдельное слово оно сохраняло свое лексическое значение и продолжало бытовать в языке. Но в сочетании с именами оно превратилось, с одной стороны, в аффикс принадлежности (3 л.), а с другой—в аффикс родительного и винительного падежей. Отголоском того, что *нең* в начальные периоды связывалось с именами одушевленных предметов, возможно, является то, что в хакасском и некоторых языках собственные имена таких предметов и личные местоимения 1-го, 2-го лиц (в положении определения и прямого дополнения) при послелогах обязательно требуют аффиксов родительного и винительного падежей, тогда как собственные

⁶² Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. «Уч. зап. Военного инст-та иностранных языков», 1948, 6, с. 94.

⁶³ Б. А. Серебренников. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии. В кн. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, с. 57.

⁶⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953, с. 154—155.

имена неодушевленных предметов в аналогичных случаях могут стоять и в основном падеже.

В диалектах хакасского языка имеются некоторые различия в аффиксе родительного падежа. Так, по данным Н. Ф. Катанова, в качинском и койбальском диалектах: *кырның* (кыр) 'хребта'; *аңның* (аң) 'зверя', *талайның* (талай) 'моря', *таскылның* (таскыл) 'горного хребта', *октың* (ок) 'стрелы', 'пули', *куштуң* (куш) 'птицы';

в кызыльском: *сынның* (сын) 'хребта', *таскылның* и *таскылдың* (таскыл) 'горного хребта', *адайның* и *адайдың* (адай) 'собаки', *тегірнің* и *тегірдің* (тегір) 'неба', *күннің* (күн) 'дня', *тағдың* (тағ) 'горы' *аалдың* (аал) 'селения', *пейдің* и *пейнің* (пей) 'кобылы' *элдің* и *элінің* (эл) 'народа', *пегдің* (пег) 'чиновника', *төлдің* (төл) 'потомства', *аттың* (ат) 'коня', *эптің* (эп) 'дома', *кустың* (кус) 'птицы';

в сагайском и бельтирском: *аңның* (аң) 'зверя'; *тағның* (тағ) 'горы' (саг.) и *тағның* (бельт.); *суғның* (суғ) 'вода' (саг.) и *сугның* (бельт.); *күннің* (күн) 'дня', 'солнца'; *чылдың* (чыл) 'года'; *чирдің* и *чирнің* (чир) 'земли' (саг.) и *чэрдің* (бельт.); *көлдің* 'озера'; *күлдің* 'лепла'; *канаттың* 'крыла'; *куштуң* 'птицы'. Примеры из бельтирских текстов: *паладың пазы* 'голова ребенка', *паладың ады* 'имя ребенка', *аалдың орны* 'место селения' и т. д.;

в шорском: *чонның* и *чоннуң* (чон) 'народа', *аңның* (аң) 'зверя', *кіжінің* (кіжі) 'человека', *бөрөкөннің* (бөрөкөн) 'старухи', *талайдың* 'моря', *малдың* 'скота', *алыптың* 'богатыря', *ергектің* 'большого пальца', *куштуң* 'птицы', *көктүң* 'неба'.⁶⁵

С. Д. Майнагашев, как известно, сообщал, что «во всех случаях окончаниям родительного и винительного падежей сагайского наречия *дың, ды* у качинцев соответствует *ның, ны*, например, формам *малдың, малды* (саг.) соответствуют *малның, малны* (кач.)». ⁶⁶ Но, как показывают примеры Н. Ф. Катанова, в сагайском диалекте, наряду с *дың, ды*, бытовали и *ның, ны*.

Аффиксы *-дың* (род.), *-ды* (вин.) встречаются в сагайском, кызыльском и шорском (*малдың, малды*); в качинском только *-ның, -ны* (*малның, малны*).

Еще в своем студенческом сочинении, посвященном сагайскому диалекту, Н. Ф. Катанов отмечает: «Родительный падеж образуется через прибавление к именительному следующих окончаний: *-тың* (в словах, кончающихся на твердый согласный), *-тиң* (в словах, оканчивающихся на твердый согласный со смягченными гласными).

⁶⁵ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань. 1903, с. 231, 236.

⁶⁶ Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губ. летом 1914 г. С. Д. Майнагашева, с. 122.

-дың (в словах, оканчивающихся на: й, р, г с предшествующим твердым гласным), -диң (в словах, имеющих на конце й, р, г с предшествующим смягченным гласным), -ның (в словах, оканчивающихся согласными л, м, н, ң и твердыми гласными), -нің (в словах, оканчивающихся на л, м, н, ң, и смягченными гласными, например, аттың, адайдың, адайлардың) и т. д.⁶⁷

В тюркских языках родительный падеж иногда встречается в сокращенной форме, т. е. начальный -н в положении между гласными иногда выпадает. Так; например, в шорском языке отмечена стяженная форма: Мен кайааң /<кайааның/ кажынаң түйтүм 'Я спустился с крутизны горы'; Кышкыың /<кышкының/ узак шири келча 'Наступает длинный зимний вечер'; Кара тайгааң /<тайганың/ үстүнде... 'Над черной тайгой'⁶⁸; в туркменском языке слова без аффикса принадлежности, оканчивающиеся гласным звуком, принимают как полную форму (-ның, -ниң и др.), так и краткую форму (-н) родительного падежа: обаның>обаң 'деревни'.⁶⁹

2. Употребление родительного падежа

Родительный падеж — это форма примененного притяжательно-го определения (определяемое стоит в форме принадлежности). Однако, известно, что в тюркских языках это определение не всегда оформляется родительным падежом. В каких же случаях требуется родительный падеж, а когда он не обязателен?

В хакасском языке родительный падеж нужен в следующих случаях:

1) Когда определение, выраженное именем существительным нарицательным, в свою очередь определяется указательными местоимениями пу 'этот', тігі, ол, 'тот', 'вон тот' в основном падеже или личными местоимениями мин 'я', син 'ты', ол 'он (а)' в родительном падеже—минің 'мой', синің 'твой', аның 'его': Пу кізінің ады кемдір? 'Как звать этого человека'; Тігі тайганың ағазы илбек 'Вон та тайга богата лесом'; Ол абаның табызы ам даа хулаамда истілче 'До сих пор слышится в ушах рев того медведя'; минің азаамның ізі 'след моей ноги', синің пабаңның чолы 'путь твоего отца', аның харындазының тогызы 'работа его брата' и т. д.

Однако, при указательном местоимении ол рассматриваемое определение не всегда оформляется родительным падежом. Иногда

⁶⁷ Н. Ф. Катанов. Татарский язык (сагайского наречия), ч. 1. Грамматика. Красноярск, 1882, с. 53 (рукопись).

⁶⁸ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, с. 41.

⁶⁹ Т. Тачмурадов. Категория принадлежности в современном туркменском языке. Ашхабад, 1959, с. 10 (Автореф. к. д.); А. Воржакон. Местоимения в современном туркменском языке. Ашхабад, 1964.

вместо него употребляется основной падеж, особенно когда в качестве определяемого члена служит служебное имя: *Ол чон аразында мин аны чидірібіскем* 'Среди того народа я потерял его'. *Ол тура хыринда піс турыбысхабыс* 'Около того дома мы остановились'. Следует отметить, что при служебных именах (*алкы, хыри, үстү, кисті, істі* и т. д.) определение может быть в основном падеже даже с указательным местоимением-определением *пу*: *пу тура* (осн. п.) *хыринда*, но чаще употребляется *пу туранын* (род. п.) *хыринда* 'около этого дома'. То же самое происходит с внимательным падежом при некоторых послелогах, о чем ниже. Но при личных местоимениях и здесь требуется родительный падеж: *минің хыримда* 'около меня', *синің хыриңда* 'около тебя', *аның хыринда* 'около него'; *пістің хыринда* 'около нас', *сірернің хыринда* 'около вас', *оларның хыринда* 'около них'.

2) Когда определение выражено собственными именами одушевленных предметов: *Зояның книгазы* 'книга Зои', *Маноктың ады* 'лошадь Манока', *Қанойның піші* 'письмо Каноя', *Ылананың чооғы* 'рассказ Илоны', *Аятынойның характары* 'глаза Алтыноя' и т. д. Фамилии часто бывают в родительном падеже: *Қапсаргиннің хойлары* 'овцы Капсаргина', *Чаптыковтың тракторы* 'трактор Чаптыкова', *Қарачаковтың тоғызы* 'работа Карачакова' и т. д.

3) Когда определение выражено личными местоимениями: *минің соорым* 'мой сани', *синің соорың* 'твой сани', *аның сооры* 'его сани'; *пістің соор* (или *соорыбыс*) 'наши сани', *сірернің соорыңар* 'ваши сани', *оларның сооры* 'их сани'.

4) Когда определение выражено указательными местоимениями: *мының тахпағы* 'тахпах (песня) этого (человека)', *тігінің тахпағы* 'тахпах той того (человека)', *аның тахпағы* 'тахпах того (человека)'; *пуларның үйнері* 'голоса этих (людей)', *тігілернің үйнері*, *оларның үйнері* 'голоса тех (людей)'.

5) Когда определение выражено вопросительными местоимениями кем 'кто', *нинче, ханча* 'сколько': *кемнің кимезі* 'чья лодка', *кемнің сарыны* 'чья песня', *нинченің имі* 'в какую цену лекарство', *ханчаның книгазы* 'в какую цену книга'.

6) Когда в качестве определения выступают субстантивированные имена прилагательные: *Ачығның харындазы*, *ачығох тіңең* (фольк.) 'Брат горю также горько говорит'; *Чахсының чахсызы* 'Хорошее из хороших', *Улуғның артығы нар* 'Есть преимущество у большого', *Сілігінің сіліші* 'Красивый из красивых', *Мындағыларның тоғызы* 'Работа здешних', *Чалаңнарның чолы* 'Дорога всадников', *Кішігінің кіші* 'Маленький из маленьких', *Көбленіктің көңі пос* (фольк.) 'У влюбчивого душа слабая'.

7) Когда в функции определения выступают числительные: *ікінің пірсі полар* 'одно из двух', *чүстің чарымы* 'половина сотни', *Үзінгізінің азағына теен парган* 'Третьему попала в ногу', *Паста-*

ызының палазы *чох полтыр* 'У первой не было детей' (Фольк.),
Пастагының паазы *аарлыс полцаң* 'первенец дорогим бывает (Пер-
вый дорого стоит)'.

8) Когда определением являются субстантивированные причас-
тия: *Тасхартын кіргеннернің сырайлары хызар партыр* 'Лица у во-
шедших покраснели'; *палыхтап чьргеннернің чоогы* 'Рассказ ездив-
ших на рыбалку'.

Подобные случаи часто встречаются в произведениях фольклора:

Итпестің тілі ачығ 'У бездельника — язык злой';

Час ағастың хастырың ник,

Палығлатханның палың кўс. (Фольк.)

'У молодого деревца кора крепкая,

У раненного рана чувствительная.'

Кьрбееннің кьрбеені чаза кьрген,

Чьбееннің чьбеені чаза чьен,

Киспееннің киспеені чаза кискен. (Фольк.)

'Не видевший ничего не заметит.

Не пробовавший вкусного вкусное не поест.

Не носивший хорошее хорошее не оденет'.

9) Когда определение само определяется причастием:

Уўктебеен кізінің уўзі тас ползын,

Махтабаан кізінің пазы тас ползын. (Фольк.)

«Кто не подбодрит, у того пусть горло окаменеет,

Кто не похвалит, у того пусть голова облысеет».

Кьбленген кізінің кьңнінең,

Кьп ізернің харынаң. (Фольк.)

'Поступают по желанию любящего,

Пьют соразмерно (объему) желудка'.

Аххан сугның кичи чох полбас,

Оскен ағастың игірі чох полбас. (Фольк.)

'Текущая вода без переправы не бывает,

Растущее дерево без кривизны не бывает'.

Притяжательное определение часто бывает в основном падеже.
Это отчасти связано с тем, что определение имеет закрепленное
место — перед определяемым словом. Но главным образом основ-
ной падеж употребляется тогда, когда в функции определения
выступают имена нарицательные и когда они логически не подчер-
киваются, ничем не определяется: *ат пазы* 'голова лошади', *чон па-
зы* 'глава народа', *аба чолы* 'медвежий след', *кьл палығы* 'озерная
рыба', *ағас салаазы* 'ветка дерева', *кізі хо́лы* 'рука человека', *нан-
мыр суглары* 'дождевые лужи', *совхоз малы* 'совхозный скот' и т. д.
Колхозта даа, совхозта даа, шахтада даа кьп чиністер саны
бесін (М. Арш.) 'Пусть умножатся победы и в колхозах, и в совхо-
зах, и в шахтах'.

Основной падеж бывает и в некоторых лексикализованных сочетаниях: *Обк пилтірінең ырах нимес Тобычах Толмат аалы полған* 'Недалеко от устья Уюка был улус Доможакова'; хол плады 'посовой платок', *хыра тоғызы* букв. 'работа на пашне', *часкы хыра тоғызы* 'весенняя полевая работа'.

Если притяжательное определение оказывается (в редких случаях) после определяемого, то употребляется только родительный падеж: *Пабазы оолахтың тоғысха кўс полған* 'Отец мальчика был работающим (человеком)'; *Кўзі алыптың тоозылыбысхан* 'Сила богатыря начала иссякать' и др.

Основной падеж употребляется вместо родительного и при посделогах: *чыл сай* 'ежегодно', *ай сай* 'ежемесячно', *кizi сай* 'каждый человек', но чаще говорят: *кўнниң сай* 'ежедневно'.

Притяжательное определение употреблялось в родительном и основном падежах еще в языке орхон-енисейских памятников. Примеры на родительный падеж: *мэниң будуным* 'мой народ', *мэниң сабымын* 'мою речь', *Чорың оглы* 'сын Чора', *тўрк будуның* или 'племенной союз тюркского народа', *каганың сабы* 'речь кагана'; *бизиң сў* 'наше войско'; *ол могоцларның* 'тех магов' и т. д.

Примеры на основной падеж: *каган иниси* 'младший брат кагана', *Көгмэн йолы* 'путь-дорога Когмэна', *эрдём үчүн* 'ради (монах) доблестей, он ок беглери' 'правители народа Десяти стрел' и т. д.

Двойное оформление притяжательного определения широко известно и в современных тюркских языках, кроме якутского, в котором нет родительного падежа.

Известно, например, что личные местоимения *мен, сен* в положении притяжательного определения оформляются только родительным падежом. Однако в языке желтых уйгуров и в этом случае возможно употребление основного падежа: *Анасы мен мла йулк калған деп-тро* 'Мать его сказала: мой (букв. 'я') ребенок уже умер'⁷⁰.

В основном падеже вместо родительного, что наблюдалось до недавнего времени, ставятся личные местоимения и перед послелогами *блан, учун, каби, сингари* в узбекском языке: *мен блан, сен учун, у каби* вместо *менинг блан* 'со мной'; *сенинг учун* 'ради тебя', 'для тебя', *униңг каби* 'подобно ему' и т. д.⁷¹ (Ср. хакасские *миниң үчүн* 'из-за меня', *синиң үчүн* 'из-за тебя' и т. д.).

Материал хакасского и других тюркских языков показывает, что родительный падеж притяжательного определения замещается основным падежом преимущественно в тех случаях, когда это определение выражает понятие, не требующее конкретизации.

⁷⁰ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 173.

⁷¹ А. Н. Кононов. Послелоги в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, стр. 14.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Об аффиксах винительного падежа

В большинстве тюркских языков аффиксом этого падежа является *-ны/-ни* (с вариантами). В некоторых языках огузской (южной) группы встречается *-(й)ы/- (й)и*. В якутском языке (частично) — *-ы*. В хакасском литературном языке аффиксами винительного падежа являются *-ны/-ні, -ты/-ті, -і* (в словах *мин, син, дини, сини*) и *-н* прибавляемый к именам в форме принадлежности 3-го лица.

В диалектах хакасского языка и тюркских языках Саяно-Алтая винительный падеж представлен в следующих вариантах (по Н. Ф. Катанову):⁷²

1. В сагайском вместе с бельтирским говором:

-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү, например: *чай* 'чай' — *чайны*, *кізі* 'человек' — *кізіні*, *кур* 'пояс' — *курну*, *пүүр* 'волк' — *пүүрнү* и *пүүрдү*, *көл* 'озеро' — *көлдү*, *күл* 'зола' — *күлдү*, *пас* 'голова' — *пасты*, *сөс* 'слово' — *сөсті*, *кус* 'птица' — *кусты*, *күмүс* 'серебро' — *күмүстү*;

2. В качинском и койбалском: *-ны/-ні, -ну/-нү, -ты/-ті, -ту/-тү*, например: *тубан* 'туман' — *тубанны*, *мал* 'скот' — *малны*, *им* 'декастерство' — *имні*, *кум* 'песок' — *кумну*, *күн* 'день' — *күннү*, *оолак* 'мальчик' — *оолакты*, *алып* 'богатырь' — *алыпты*, *ізеен* 'карман' — *ізеенті*, *куш* 'птица' — *куштү*, *күш* 'сила' — *күштү*;

3. В кызылском: *-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү*, например: *аң* 'зверь' — *аңны*, *сын* 'хребет' — *сынны*, *кічиг* 'маленький' — *кічигні*, *күн* 'день' — *күннү*, *той* 'пир' — *тойны* и *тойды*, *эл* 'народ' — *элді* и *элні*, *төл* 'поколение' — *төлдү*, *алып* 'богатырь' — *алыпты*, *кыс* 'девица' — *кысты*, *эл* 'дом' — *энті*, *кус* 'птица' — *кусту*, *көөк* 'кукушка' — *көөкті*;

4. В шорском: *-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү*, например: *аң* 'зверь' — *аңны*, *ін* 'берлога' — *інні*, *кускун* 'ворон' — *кускунну*, *өрөкөн* 'старуха' — *өрөкөннү*, *мал* 'скот' — *малды*, *таг* 'гора' — *тагды*, *кул* 'раб' — *кулду*, *ат* 'конь' — *атты*, *улус* 'люди' — *улусту*, *куш* 'птица' — *кушту*, *көк* 'небо' — *көктү*;

5. В кюэриксском: *-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү*, например: *кан* 'царь' — *канны*, *таг* 'гора' — *тагны*, *пэг* 'чиновник', 'начальник' — *пэгні*, *кум* 'песок' — *кумну*, *көг* 'мелодия' — *көгнү*, *аал* 'селение' — *аалды*, *йэр* 'земля' — *йэрдү*, *ат* 'конь' — *атты*, *оолак* 'мальчик' — *оолакты*, *эт* 'мясо' — *этті*, *эжік* 'дверь' — *эжікті*, *тоорсук* 'бурдюк' — *тоорсукту*, *өдүк* 'обувь' — *өдүктү*;

⁷² Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань. 1903, стр. 252, 254, 256, 257, 258, 260—261.

6. В камасинском: -ны/-ни, -ну/-нү, -ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү: *абакай* 'красавица' — *абакайны*; *мэрген* 'стрелок' — *мэргенни*, *пулуң* 'угол' — *пулуңну*, *күн* 'день' — *күннү*, *талай* 'море' — *талайды*, *канат* 'крыло' — *канатты* и т. д.;

7. В алтайском, его диалектах: -ны/-ни, -ну/-нү, -ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү;

8. В карагасском (тофа): -ны/-ни, -ну/-нү, -ты/-ти, -ту/-тү.

Следует отметить, что в хакасском языке, его диалектах, а также в северных диалектах алтайского языка гласный *i* в аффиксе винительного падежа является кратким (сокращенным).

О существующих толкованиях относительно происхождения аффиксов родительного и винительного падежей уже говорилось выше. Здесь отметим еще, что М. А. Кастрен, например, в своем «Опыте изучения койбальского и карагасского наречий» (СПб., 1857, на немецком языке) высказывался о возможном происхождении винительного падежа от родительного, а Р. Шоу выводил аффикс винительного падежа (*ни*) из слова *ни/не* 'вещь'.⁷³

По мнению В. А. Богородицкого, аффикс винительного падежа связан с родительным так: первичным является аффикс -ы/-и; в местоимениях 1-го и 2-го лица ед. ч. к этому окончанию путем морфологического переразложения отошло корневое *и* и, таким образом, получилось новое окончание -ны/-ни, затем переходящее *и* в именное склонение параллельно с таким же процессом в родительном падеже; в части юго-западной группы языков эти два окончания в именном склонении дифференцировались, так же как и аналогичные окончания в родительном падеже, т. е. -ы/-и стало применяться после согласного и -ны/-ни после гласного.⁷⁴ Однако, как было отмечено, другие тюркологи склоняются к тому, что родительный и винительный падежи генетически связаны между собой, т. е. имеют общий источник развития.

В древнетюркских языках, как известно, существовал аффикс винительного падежа на -(ы)ґ/-(и)ґ: *йэти бёри блүрдүм а барсыґ көкмәкиґ блүрмәдим а* 'Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей'.⁷⁵ В этом предложении три прямых дополнения, из них первое стоит в основном падеже, а два последних в винительном на -ыґ/-иґ. Еще пример с винительным падежом на -ыґ/-иґ: ...Аятун

⁷³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 96.

⁷⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953, стр. 155.

⁷⁵ С. Е. Малов. Вписанная письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 33. О знаке { }, обозначающем звук *a* в конце предложения, см.: М. И. Богояков. Об одной особенности сагайского диалекта. «Уч. зап. ХакНИИЯЛИ», 1960, вып. VIII, стр. 185—186.

йышыг аша Эртис үгүзиг кэчэ... '...Перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш...' ⁷⁶

По мнению А. Н. Кононова, вопрос о составе аффикса -ыг, имея в виду функциональную обратимость винительного и родительного падежей, решается следующим образом: -г/-г < н = аффикс родительного падежа: түрк будуныг /будуның аты 'имя тюркского народа'. Соответствия (может быть в результате разложения) заднеязычных носового н : н : г(й) давно зафиксированы: йаздың 'ты написал', йаздын (турецк.), йаздыг (орхонск.). ⁷⁷

Винительный падеж на -(ы)г/-(и)г, -(у)г/-(ү)г встречается в словаре М. Кашгарн (XI в.): Күн тонуг курыты 'Солнце высушило одежду'. ⁷⁸

Только при местоимениях этот аффикс не замечен. В современных тюркских языках он не встречается.

В монгольском языке аффиксом винительного падежа является -и (после согласных), -йи (после гласных): гар 'рука' — гари: ака 'старший брат' — акайи. По сообщению Г. И. Рамstedта, здесь, как и в родительном падеже, гласный аффикса на очень ранней стадии развития произносился как долгий, т. е. -ии, -йии. На ранней стадии произошло также удвоение аффикса: -ийи, -нийи, а в качестве соединительного согласного между гласными возник вставочный -г. Возможно, замечает автор, что принятое ныне произношение -ииги, -ниг, наряду с которым встречается еще и и- (произносимый кратко), является наиболее архаичным. Не исключено поэтому, что винительный падеж в древнетюркском: кағаныг 'хана', ебиг 'дом', сүг 'войско', тождественен монгольскому винительному падежу. ⁷⁹

Одним из вариантов аффикса винительного падежа в хакасском языке выступает, как уже указывалось, -н, прибавляемый к именам в форме принадлежности в 3 л. Этот вариант аффикса винительного падежа известен и в других тюркских языках: древних и современных. Часто встречается он в орхон-енисейских текстах. Так, например, в памятнике хану Могилян у употребляется параллельно с -ыг/-иг даже в одном предложении: ...танут будуныг буздым, оғлын йотузын (или йутузын) йылкысын барымын анта алтым 'Народ тангутов я победил, их юношей и девиц, их скот и имущество я тогда забрал'; ⁸⁰ Кағанын йаб(ғу)сын шадын анта блур-

⁷⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 17.

⁷⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 96.

⁷⁸ 'Девону луготит түрк. Индекс — лугат.' Ташкент, 1967, стр. 479.

⁷⁹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 37.

⁸⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 16.

тим, илин алтым 'Хана, его Ябгу и шада я там убил и покорил его народ (государство)'; Иылкысын барымын кызын кудузын кэлүртим 'Их табуны, их скот, их девиц и женщин я привез к себе'.⁸¹ В памятнике в честь Кюль-Тегина: Мэниң сабымын сымады... 'Мою речь не исказили...'; Кыргыз каганын бэлүртүмиз, илин алтымыз 'Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли'; Түрк будун, илинин төрүнін кем артаты? 'О тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз)?'⁸² В памятнике из Суджи («О сыне киргиза»): Эбледим оглумын, кызымын калың-сыз биртим 'Я сыновей своих наделил домохозяйствами (т. е. женил)'. 'Своих дочерей-девиц я выдал (замуж) без выкупа'; Йегинимин атымын көртим 'Я видел моих племянников и внуков'.⁸³ В другом памятнике: Эбин баркын йылкысын йулмадым 'Их юрты и дома, их табуны я не отнял' или: Бэргүмин битигимин анта йараттыдым 'Мои знаки (тамги) и мои письма я там приказал сочинить (и врезать в камень)';⁸⁴ и др.

Вариант -и особенно регулярно употребляется в древнеуйгурских текстах. В. В. Радлов первым обратил внимание на употребление руны (-и) в аффиксе винительного падежа, присоединяемом к форме принадлежности 3-го лица, независимо от характера вокализма основы, и высказал предположение, что -и аффикса принадлежности еще не подчиняется гласным основы и что древние тюрки произносили *каганы, кызы, сачи, суби* и винительный падеж от этих слов звучал *каганын, кызын, сачин, субин*.⁸⁵

Аффикс винительного падежа на -и встречается в материалах М. Кашгары (XI в.): *Ол кулын тепик* 'Он пнул своего раба'; *Урагүт йүзин бртүнди* 'Женщина открыла свое лицо'; *Бег сүзин бйүкди* 'Бек собрал свое войско'; *Ол атын арпалады* 'Он накормил свою лошадь ячменем'.⁸⁶

Винительный падеж на -и характерен и для других тюркских памятников X—XIII вв., например: *Огуз калканын* 'щит Огуза'; *кыатным ичэгүсин* 'внутренности чудовища'; *Эр атын сатынды* 'Человек, кажется, продал свою лошадь'. А. М. Щербак сообщает, что в позднейших памятниках преобладает другая разновидность этого

⁸¹ Там же, стр. 17, 35.

⁸² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32 и др.

⁸³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 84.

⁸⁴ Его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 35, 36.

⁸⁵ См.: А. М. Щербак. Радлов и изучение памятников рунической письменности. «Тюркологический сборник 1971». М., 1972, стр. 59.

⁸⁶ 'Девону луготит түрк. Индекс—лугат'. Ташкент, 1967, стр. 480.

падежа **-(ы)ны/-(-и)ни**, степень распространения которой увеличивается по мере продвижения на север.⁸⁷

Из современных тюркских языков этот аффикс наиболее часто встречается в языках Южной Сибири. Особенно распространен он в хакасском и шорском языках. Имя, снабженное аффиксом принадлежности **-ы/-і**, в функции прямого дополнения или обстоятельства принимает только сокращенный аффикс винительного падежа **н**, например: *адын* (ат + **ы** + **н**) 'его коня', *чоын* (чон + **ы** + **н**) 'его народ', *малын* (мал + **ы** + **н**) 'его скот', *күнн* (күн + **і** + **н**) 'его день', *чирн* (чир + **і** + **н**) 'его землю' и т. д.

В указанных языках данный аффикс употребляется и в том случае, когда в качестве прямого дополнения функционируют слова с аффиксом **-и, -ни**: *мини* (∠ минің + **гі**) 'мой' и *минин* 'моего'; *сини* (∠ синің + **гі**) 'твой' и *синин* 'твоего'; *ани* (∠ аның + **ғы**) 'его' и *анин* 'его'; *пістин*, *сірернин*, *оларнин*,⁸⁸ *пабамнин* (пабам + **ни** + **н**) 'моего отца'; *іземнин* (ізем + **ни** + **н**) 'моей матери'; *паламнин* 'моего ребенка'; *Колянин* (Коля + **ни** + **н**) 'Колин'; *хызыңнин* 'твоей дочери'; *хыстин* 'девушки' и т. д.

Усечение аффикса винительного падежа **-ны/-ні** до **-н** при словах в форме принадлежности в хакасском языке связано, вероятно, с тем, что гласные аффикса принадлежности **ы, і** являются краткими (редуцированными) и узкими. Об этом свидетельствует и то, что аффикс винительного падежа **-н** может быть употреблен не только при аффиксах принадлежности, но и при других аффиксах с краткими узкими гласными. Ср.: *миндегі* 'находящийся у меня', *синдегі* 'находящийся у тебя', *андағы* 'находящийся у него', которые в диалектах в функции прямого дополнения могут быть употреблены параллельно и в полной и усеченной формах: *миндегіні*, *синдегіні*, *андағыны* и *миндегін*, *синдегін*, *андағын*, наряду с *миндегізін*, *синдегізін*, *андағызын*. Однако в словах *ыраххы* 'далекое', 'дальнее', *чағынғы* 'близкое' требуется только полная форма **-ны**: **Ыраххыны** *чағын идін*, **чағынғыны** *ырах идін*... 'Дальное делая близким, близкое делая далеким'. Но когда они оказываются в форме принадлежности, требуется только усеченный винительный **ырағын чағын идін**, **чағынын ырах идін...**

Случаи параллельного употребления полного и усеченного аффикса винительного падежа отмечены и в других тюркских языках, например: *устүйн* и *үстүйни* 'его верх', *ернин* и *ернини* 'его гу-

⁸⁷ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X — XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 79.

⁸⁸ См. 'Ханакско-русский словарь'. М., 1953, стр. 417.

бы', *сѡзин* и *сѡзини* 'его речь' — в куманском;⁸⁰ *сачыны* 'ее волосы', но *сѡба пилин* 'утренний ветер' и *улуф тѡзриниң атын* 'имя великого бога', что Э. Н. Наджиб связывает исключительно с требованиями аруза⁸⁰; *пүригини* алды (северный диалект алтайского языка) и *бөрүгини* алды (его южный диалект) 'он взял свою шапку'⁸¹ и т. д. В хакасском языке в приведенных словах возможен только усеченный аффикс. Замечено также, что при посессивных аффиксах винительный на -н чаще используется в языках кыпчакской (северной) группы, а на -ны/-ни — в языках огузской (южной) группы.

В связи с интересующим нас усеченным аффиксом винительного падежа -н остановимся на так называемом древнем «инструментальном» падеже -(ы)н/- (и)н, который якобы совершенно исчез в современных тюркских языках.

В тюркологической литературе уже обращалось внимание на совпадение аффиксов этих двух падежей. Так, И. А. Батманов, не отрицая наличия инструментального падежа в древнетюркских языках, указывает на совпадение в них аффиксов винительного и инструментального падежей. По его мнению, слова *кышын* 'зимой', *кѡзин* 'глазами' и т. п. выражают прямое дополнение и, значит, соответствуют винительному, а не инструментальному падежу.⁸² Близость винительного и инструментального падежей, служащих для выражения объективных отношений, проявляется и в их форме. После аффикса принадлежности аффикс винительного падежа совпадает с аффиксом инструментального падежа.⁸³ Отдельные тюркологи вообще не признают существования древнего инструментального падежа. Так, К. Дыйканов, например, пишет только об аффиксах винительного падежа, указывая, что если основа содержала притяжательный аффикс 3-го лица -ы, -сы, то употреблялся -н: *сабын* 'его слова' (саб + ы + н), *агын* 'его драгоценности' (аг + ы + н). При наличии притяжательного аффикса 1, 2 лиц употреблялся -ын: *сабымын* 'мою речь'.⁸⁴

Принято считать, что инструментальный падеж содержится в словах *кышын* 'зимой', *йазын* 'весной', *йайын* 'летом' и др., встре-

⁸⁰ А. Курышжанов. Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. «Кодекс Куманикус». «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. I. Алма-Ата, 1958, стр. 67—68.

⁸¹ 'Хорезми Мухаббат-Наме' (Перев., исследования Э. Н. Наджиба). М., 1961, стр. 112.

⁸² И. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 95—96.

⁸³ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 107—108.

⁸⁴ А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 48.

⁸⁵ К. Дыйканов. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 86—87; см. также: Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971, стр. 156.

чающихся еще в орхонских текстах. Однако данные современных языков свидетельствуют в пользу винительного (-и) падежа в подобных словах. В якутском предложении *Кысыны үбүрэнэрбит сайыны биэрээ сыһыанарбыт* 'Зимой учились мы, бывало, летом вместе отдыхали мы, бывало', по предположению Е. И. Убрятовой, выступают форма и значение винительного падежа лично-притяжательного склонения для 3 л. ед. ч.⁹⁵

По сообщению В. М. Насилова, в уйгурских памятниках орудно-творительный падеж на -и, -ын/-ин теряет свои морфологические свойства как словоизменительная категория, лексикализуется и служит главным образом для выражения обстоятельственно-временных значений. Примеры употребления этого падежа как орудно-творительного довольно редки.⁹⁶

В хакасском языке, как и в некоторых других тюркских языках, имеются застывшие формы, в которых можно усмотреть винительный падеж на -и, а не аффикс древнего инструментального падежа. Такими являются, например, известные слова *хысхызын* 'зимой', *часхызын* 'весной', *чайгызын* 'летом', *күскүзүн* 'осенью', *хараазын* 'ночью' и др., в которых -зы — аффикс принадлежности 3-го лица, -и — усеченный аффикс винительного падежа: *Алында хакастар хысхызын хыстагда чуртачаңнар, чайгызын чайлагда чуртачаңнар*. 'В прошлом хакасы зимой жили в зимнике, летом — в летнике'. Ср.: *Пу хысхызын хыстирга кирек и Пу хысхыны хыстирга кирек* 'Надо перезимовать эту зиму'. В первом предложении мы видим усеченную форму винительного падежа, во втором — полную. *Хысхызын хыстирга* (винительный падеж) — допустимо, но *хысхызы хыстагга* (основной падеж) — нет, в данном случае прямое дополнение оформляется только винительным падежом; когда же это слово употребляется в функции подлежащего, оно бывает в основном падеже: *хысхызы чидиң одыр* 'наступает (или приближается) зима'.

Винительный падеж на -и содержится и в одном из компонентов словосочетаний типа: *идерин* (идер + и + н) *иткебис* 'делать-то (мы) делали'; *наңмыр чагчаан* (∠ чагчаң + ы + н) *на чаапчаткан* 'дождь лил да лил'; *тигир күзүречен* (∠ күзүречен + и + н) *не күзүречен* 'гром гремел да гремел'; *чил полчаан на полган* 'ветер дул да дул'; *агастар бсчеен не бсче* 'деревья растут да растут'; *сугахчаан на ахча* 'вода течет да течет'; *сыдырын* (или *сыдаазын*) *сыдирзың* 'осилить-то осилишь'; *чадын чатпас хылыхтыг кизи* 'человек с беспокойным характером'; *парарын* (парар + ы + н) *парчыбыс* 'пойти-то (мы) пошли' и др.

Также же типы сочетаний с винительным падежом отмечены в

⁹⁵ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 159.

⁹⁶ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 35.

алтайском и тувинском языках. Так, например, авторы известной грамматики алтайского языка замечают: «В оборотах, подобных следующим русским *видать-то я видал* или *хорош-то ты хорош*, алтайцы при глаголе ставят причастие настояще-будущее первое в винительном падеже, всегда с притяжательной приставкой 3 л.; а при имени повторяют его же и также в винительном падеже, всегда с притяжательной приставкой 3 л. Например: *Угарын угааны-быс* 'Слышать-то слышали'⁹⁷ и т. д.

То же самое и в тувинском языке: «Средние и действительные глаголы в урянхайском наречии могут иметь перед собою в винительном падеже дополнение и из причастия будущего времени, поставленного с местоименным аффиксом 3 л. ед. ч. и произведенного от одного с этим глаголом корня: *Ырларын ырлады* 'Петь-то он пел'; *Пагай полурун полды* 'Дурным-то быть он был'; *Парарын парды* 'Пойти-то он пошел'; *Кэстимни алырын алырсэн* 'Нож мой взять-то возьмешь'.⁹⁸

Очевидно, подобные же типы сочетаний мы встречаем в текстах М. Кашгари. Только здесь вместо усеченного аффикса *-и* употребляется, видимо, древний вариант (афф.) винительного падежа *-ыг, -иг*. Ср.: *барыг барды* 'ушел', 'отправился'; *бэзиг бэзди* 'сильно задрожал', *уруг урды* 'ударил', *качыг качды* 'убежал', *титиг титти* 'заныл', 'заболел'; *тэпиг тэпти* 'толкнул', *битиг битиди* 'письмо написал'.⁹⁹

Аффикс винительного падежа на *-и* содержится и в следующих хакасских словах: *пастагызын* 'первый', *ікінгізін* 'второй', *үзінгізін* 'третий', *түгөнгүзін* 'последний', *көбізін* 'большинство', *нимезін* 'что, нечто его'.

Каждое из перечисленных и им подобных слов в предложении в зависимости от значения глагола или «лексического контекста» может быть употреблено как в функции прямого дополнения, так и в функции обстоятельства, например: *Нимезін тимненербіс, — чоохтан сыккан паядаң тапсабинчатхан Маша* (С. Ч.) 'А зачем мы будем готовиться, — стала говорить Маша, давеча молчавшая'; *Мян аны ікінгізін көрчөм* (М. Киль.) 'Я ее второй раз вижу'; *ікінгізін (ікінгізі) калди* 'вторым пришел или второй раз пришел'; *Күскүзін көбізін тубаның күннер турганнар* 'Осенью в большей части стояли туманные дни'. В этих предложениях слова *нимезін, ікінгізін, күскүзін, көбізін* имеют обстоятельственные значения.

Но в словах *пүйүгізін* 'сегодняшнее (что-то)', *күгөгүзін* 'вче-

⁹⁷ 'Грамматика алтайского языка'. Казань, 1869, стр. 139.

⁹⁸ Н. Ф. Катаров. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 782—783.

⁹⁹ См.: А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифма в тюркском стихосложении. В ж. «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 146.

рашнее' таңдағызын 'завтрашнее', иртенгізін 'утреннее' и им подобных винительный падеж чаще обозначает прямое дополнение: *Сың мағаа пўйнгізін пир, кичеегізін кўзітпе* дее 'Ты мне дай сегодняшнее (что-то), вчерашнее даже не показывай'. В предложении *Ол хараағызын хонып алып, иртенгізін тоғысха сыххабыс* (С. Ч.) 'Переночевав ту ночь, утром мы вышли на работу' слово *хараағызын* может быть рассмотрено как прямое дополнение, *иртенгізін* — как обстоятельство, а в предложении *Мында пизіңкізі кўнін чуртап парибыс* 'Пятый день мы живем здесь' слово *кўнін* (*кўн + i + н*) употреблено в значении обстоятельства времени.

Разбираемые слова в винительном падеже встречаются и в других тюркских языках. Ср., например, в казахском языке: *Кўздигүни мен де Москваға келем* (Г. Мусрепов) 'Осенью я тоже приеду в Москву'. В якутском языке, по словам Л. Н. Харитонова, аффикс *-ын* (инстр. п.) утратил свое обстоятельственное значение в словах *кысын, сайын, кўсүн*, что дает этим словам возможность выступать в качестве существительных наравне со словом *саас* 'весна' (Л. Н. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск. 1943, стр. 11). Как видно, автор рассматривает этот эффикс как архаический инструментальный падеж. Другие исследователи, как указывалось выше, сближают его с винительным падежом. А в говорах якутского языка встречаются: *кўсүңүйн* 'осенью, кўнүсүң 'днем' (по П. С. Афанасьеву).

В хакасском языке слова *чайғызын, хысхызын, кўскүзін, чакхызын* чаще всего бытуют как наречия, а слова типа *иртенгізін* 'утренняя и утром', *хараазын, кўнбркізін* в зависимости от значения глагола могут выступать и как обстоятельство (наречие) и как дополнение (существительное).

Приведем дополнительные примеры из хакасского языка: *Пораан ікінчі кўнін тохтабинчатхан* (И. К.) 'Буран не стихал второй день'. Здесь *кўнін* (*кўн + i + н*) употреблено в значении обстоятельства, хотя по форме это прямое дополнение. *Ол хонығын хонғанда, иртенінде іцелері, алғай-хазанын турғыс салып, «тўрче анхус харап килим» тіп, парибысхан* (фольк.) 'Тогда (ту ночевку) ночевав, на утро их мать поставила котелок и ушла искать дичь'. В этом предложении оба члена являются прямыми дополнениями: *таға сығабас, аңның симізін, хустың улии таллап аттыпчалар таға сығабас, аңның симізін, хустың улии таллап аттыпчалар* (фольк.) 'Поднявшись на гору Ызых, они стреляют дичь, выбирая самых жирных зверей, самых крупных птиц'.

Усеченный винительный падеж часто употребляется и в произведениях фольклора, и в произведениях хакасских писателей. Примеры из фольклора:

Ах чазызар сыгып, көрзем —
 Ах от пазы чайхалча.
 Арға чоинның чобаан көрзем —
 Ала хараамнаң час ахча
 'Если выйду в белую степь и посмотрю,
 Головки белых цветов качаются.
 Когда увижу страдания труженников,
 Из пестрых глаз моих слезы льются'.
 Тимін тимнебіскеннер,
 Сүмін сүмнебіскеннер.
 Аарлығ торғы киптерін кизібіскеннер,
 Хада-пірге сых парғаннар
 'Снаряжение свое приготовили,
 Самн себя снарядили,
 Одежду из дорогого шелка надели,
 Вместе-в купе вышли'.
 Ағаа тоғазарға тіп,
 Халхалиин хазыра сазып,
 Иркениин іде сазып,
 Ах ой ахсырзар үкүс салды
 'Намеренный с ним встретиться,
 Настежь открыл он ворота,
 Напрочь толкнув дверь,
 К бело-буланому жеребцу побежал'.
 Кіңіглері, улуғларын улуғлап,
 Амыр чөрөңнер 'Младшне уважали
 старших, держались смирно'.

Примеры из хакасского литературного языка: Ағаа төстөһіп, хакас ипчһің сын омазын, аын аар үлүзһің, алындағы иреелестіг, сидік чуртазын паза Совет үлгүзі ағаа нһме ағыл пиргенһің чарых көзһітчеткен поэма нас салар оңдай пар полган (М. Чеб.) На основе этого была возможность создать поэму, в которой бы был ярко показан правдивый образ хакасской женщины, ее тяжелая доля, ее страдания, трудная жизнь в прошлом и что принесла ей Советская власть. Кемһің паза хайдаһың пілбеенде, хайдаң табар-зың? (И. Кот.) 'Как найти, если не знать, кто он и откуда'.

Усеченный аффикс -и, как было сказано, прибавляется к именам, снабженным аффиксом принадлежности 3 л., поэтому, видимо, было высказано мнение о том, что исторически этот аффикс может быть отнесен к аффиксу принадлежности. Можно согласиться с А. М. Щербаком о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, когда склонение многих слов, например, терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому и т. д.,

было исключительно притяжательным. (А. М. Щербак. О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках. «Вопросы языкознания», 1971, 1, стр. 86.).

Но как можно полагать, аффикс **-н** является сокращенной формой родительно-винительного падежа, которая, очевидно, генетически связана с аффиксом принадлежности. Эта форма иногда «затвердевала», переходя к основе имени, и теряя свою значимость. Таким образом подобные слова с конечным **-н** оказываются в основном падеже. Подобные типологические случаи известны и из истории других языков. Так, например, факты различных славянских языков (в меньшей мере — восточно-славянских) совершенно ясно показывают, что в довольно большом количестве случаев имела место индукция винительного падежа ед. ч. на именительный. Ср. русск. *свекровь* вм. *свекры*, *любовь* вм. *любы*; для *ер.* — основ устар. = книжн. *матерь* вм. *мати* и др. Ее результаты отчетливо выражены также в склонении бывших *ен* — основ муж. р. (старослав. тип именит. п., ед. ч. *камы*, винительного падежа *камень*). (См.: Л. А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении. «Вопросы языкознания», 1957, 3, стр. 3.). Таким образом, современные русские слова *любовь*, *свекровь*, *церковь*, *кровь*, *камень*, стоящие ныне в именительном падеже, раньше бытовали в виде *любы*, *свекры*, *церкы*, *кры*, *камы*. Винительный падеж в результате индукции превратился в именительный. Возможно, такого же происхождения так называемый «именительный падеж» в некоторых монгольских языках. Ср.: халхасск. *мор явна*, бурят-морин *ябана*, ойрат. *мөрн йовна* 'лошадь идет'. В тюркских языках в этих примерах подлежащее всюду будет стоять в основном падеже (*ат* 'лошадь'). Ср. ещё: монг. *байан*, тюрк. *бай* (*най*) 'богатый, богач'; монг. *насун*, тюрк. *йаш*, *час* 'весна', 'возраст'; монг. *давусун*, тюрк. *туз* 'соль'; монг. *усун*, хак. (кач.) *ус* 'вода', 'река' и т. д. Очевидно, это явление в тюркских языках менее распространено, чем в монгольских. Однако и здесь встречаются некоторые имена (в небольшом количестве), которые в одних тюркских языках бытуют с конечным **-ын**, **-ин**, а в других — без него. Ср.: в хак. *тоозын*, тув. *доозун*, но в туркм. *тоз* и *тозан*, древнетюрк. *тооз* 'пыль'; хак. *чилін*, тув. *чел*, туркм. *йал*, древнетюрк. *йил* 'грива'; хак. *хой*, древнетюрк. *гой* и *гоин* 'овца'; хак. *мойын*, азерб. *бойун*, якут. *моой*, чув. *май* 'шея'; хак. *хат* 'баба', 'женщина'; тув. *кадын* 'жена', 'женщина'; якут. *ис*, в других — *иш* и *ич*, тув. *ижин* 'живот' (в пам. Моюн — Чуру сказано: *Кыргыз каны Қоғмен ичинте* 'Киргизский хан в Кюгмене (внутри Когмена)'; *күч* 'сила' и *күчүн* 'богатырь'; *ирен* или *эрен* и *ир* или *эр* 'мужчина'. По предположению учёных, в древности подобных слов было в большом количестве, в современных же тюркских языках они сократились, т. е. конечные **-ын**, **-ин** отпали. А в монгольских языках их гораздо больше. Однако

говорить, что в тюркских языках слова (с конечным -ын) стоят в «именительном» падеже нет оснований. Они стоят в основном падеже.

Ф. Г. Исхаков полагал, что этот аффикс (-ын, -ин), употребляемый сейчас в составе некоторых существительных, обозначающих части тела, абстрактные, пространственные и временные понятия вроде: *бурун* 'нос', *мойун* 'шея', *койун* 'пазуха', *орун* 'место' и т. п., вполне может являться древней формой аффикса принадлежности 3 л., который утратил уже свое конечное -н и употребляется сейчас в формах -у, -ў, -ы, -и. (Ф. Г. Исхаков. Некоторые предположения о происхождении конечных т и д в словах *аст*, *ўст*, *алд*, *арт* и т. п. В кн. «Акад. Вл. Александр. Гордлевскому к его 75-летию. Сборник статей». М., 1953, стр. 132 и др.). Происхождение разбираемого аффикса, по-видимому окончательно не установлено. Некоторые тюркологи полагают даже, что он является рудиментом, восходящим к более отдаленной фазе словообразования (образование имен от именных слов): *эрен* от *эр* 'муж, герой'; *оглан* от *огул* 'сын'; *örtэн* от *ört* 'пожар', (В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских пам., стр. 17—18).

Но, как уже говорилось, можно допустить, что в хакасских словах типа *тоозын*, *чилін*, *мойын* и т. д. содержится «застывшая форма» винительного падежа или древний аффикс принадлежности. Падежное значение здесь совершенно незаметно. И эти слова бытуют теперь как имена существительные в основном падеже. В словах же типа *чайгызын*, *хысхызын* и т. д. еще ощутимы значения аффиксов принадлежности и винительного падежа, которые в хакасском превращаются в наречия, а в якутском — частично в существительные.

Ср. ещё: *Ол хысхызын үгренчең, чайгызын тоғынчаң* 'Он зимой учился, летом работал'. Но то же значение можно выразить и так: *Ол хысхыда үгренчең, чайгыда тоғынчаң*. Как видим, в данном случае винительный на -н заменен местным на -да. Следует отметить, что в хакасском языке винительный падеж может быть заменен и другими падежами, в частности творительным, например: *Оларны син устанчазың ма?* и *Оларнаң син устанчазың ма?* 'Имн ты руководишь?'; *Ол сегірібіскен, ханаттарың сабын сыххан* и *Ол сегірібіскен, ханаттарынаң сабын сыххан* 'Она прыгнула, начала махать крыльями'; *холын пулғаан* и *холынаң пулғаан* 'махал рукой'; *наңмыр чагчаан на чаапча* и *наңмыр чагчааннаң чаапча* 'дождь идет да идет'; *чил үбүрчөөн не үбүрче* и *чил үбүрчөөннөң үбүрче* 'ветер дует да дует' и т. д. Замена винительного падежа творительным в подобных случаях наиболее характерна для современного, в первую очередь — литературного языка.

Случаи замены винительного падежа творительным или их параллельного употребления в одних и тех же значениях подтвержда-

ют мнение о том, что аффикс *-(ы)н/-(и)н*, рассматриваемый рядом исследователей как древний «инструментальный падеж», является ничем иным, как формой винительного падежа, где *-ы/-и* — аффикс принадлежности.

В связи с разбором усеченного винительного *(-н)* падежа остановимся еще на одном вопросе, а именно на вопросе о так называемом «вставочном» *н*, появляющемся при притяжательном склонении в косвенных падежах. Для примера возьмем слова *сағызы* (сағыс + ы) 'его мысль, дума' и *школазы* (школа + ы) 'его школа'.

Осн. п.	<i>сағызы, школазы</i>
Род.	<i>сағызының, школазының</i>
Дат.	<i>сағызына/сағызынға, школазына/школазынға</i>
Вин.	<i>сағызын, школазын</i>
Местн.	<i>сағызында, школазында</i>
Иск.	<i>сағызынаң, школазынаң</i>
Напр.	<i>сағызынзар, школазынзар</i>
Твор.	<i>сағызынаң, школазынаң.</i>

В литературе существует мнение, что этот *н* является «вставочным» звуком. В связи с этим интересно замечание А. Н. Кононова о том, что в косвенных падежах имен, снабженных аффиксом принадлежности 3 л. (*кардеши* 'его брат' — *кардешине* 'его брату', *бабасы* 'его отец' — *бабасына* 'его отцу'), а также имен прилагательных особого разряда (*евдеки* 'находящийся дома' — *евдекине* 'находящемся дома', *кардешиминки* 'принадлежащий моему брату' — *кардешиминкини* 'принадлежащее моему брату') согласный *н* не вставляется, а восстанавливается, т. е. аффикс принадлежности 3 л. *-си* и аффикс *-ки*, имевшие первоначально форму *-син* и соответственно *-кин*, в прямом (основном) падеже утратили конечный согласный *н*, а в косвенных под воздействием следующих аффиксов — сохраняют его.¹⁰⁰

Близкого мнения о происхождении рассматриваемого *н* в косвенных падежах придерживаются и некоторые другие тюркологи. Однако, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с восстанавливаемой усеченной формой родительно-винительного падежа, которая, возможно, по происхождению связана с аффиксом принадлежности 3 л. Так, например, считается, что в чувашском языке при посессивном типе склонения имен формы местного и исходного падежей образуются на основе родительного падежа:

¹⁰⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 49; см. также: Н. Н. Дмитриев. Категория принадлежности. В кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II М., 1956, стр. 33.

уру 'твоя нога', род. п. *уру-н*, мест. п. *уру-н-га*, исх. п. *уру-н-тан*;
ури 'его нога', род. п. *ури-н*, мест. п. *ури-н-че*, исх. п. *ури-н-чен*.¹⁰¹

По мнению Г. Ф. Благовой, в якутском языке при посессивном типе склонения имен аффикс местного падежа также присоединяется не прямо к основе слова, а к форме родительно-винительного падежа на *-ын*, что вскрывается путем историко-этимологического анализа. Таким образом, как полагает автор, так называемый «вставной» *н* является ни чем иным, как родительно-винительным падежом. Чувашское *шкуланне* 'тому, что принадлежит школе' соответствуют, очевидно, хакасскому *шкулани*. Для выражения подобного значения в других тюркских языках к форме родительного падежа обычно наращивается словообразовательный формант *-ки*, а затем уже присоединяется показатель соответствующего падежа.¹⁰²

В языке желтых уйгуров отчетливо выступает полная форма, состоящая из аффикса родительного падежа и аффикса *-ки*, напр.: *меныңкы-дин* 'от меня', *сениңкы-дин* 'от тебя', *гоныңкы-дан* 'от него'. В хакасском языке эта форма (*-ныңки/-ниңки*) подверглась стяжению и бытует в усеченной форме: *мини* < *миниң-гэ* 'мой', *сини* < *синиң-гэ* 'твой', *ани* < *аның-гы* 'его'; ср. также: *пабамни* < *паба-+м+ның=гы* 'отцов, отцовский' и т. д. К последней форме, как и к уйгурскому *-ныңки*, прибавляются падежные-аффиксы:

Озн.	<i>мини, сини, ани; пабамни</i>
Род.	<i>миниңың, синиңың, аниңың; пабамниңың</i>
Дат.	<i>миниңге, синиңге, аниңге; пабамниңге</i>
Вин.	<i>миниң, синиң, аниң; пабамниң</i>
Местн.	<i>миниңде, синиңде, аниңда; пабамниңда</i>
Исх.	<i>миниңең, синиңең, аниңаң; пабамниңаң</i>
Нпр.	<i>миниңизер, синиңизер, аниңизар; пабамниңизар</i>
Тюр.	<i>миниңең, синиңең, аниңаң; пабамниңаң</i>

Аффикс *-н*, появляющийся при склонении имен в форме принадлежности 3 л., служит как бы основой для образования косвенных падежей, подобно тому, как при спряжении глагола форма времени 3 л. служит основой для форм 1 и 2 лиц: *пар-ча* 'он идет', *пар-ча-м* 'я иду', *пар-ча-зың* 'ты идешь' и т. д.

Приведенные примеры наводят на мысль о том, что основной, родительный и винительный падежи являются более древними, первичными по отношению к косвенным и что первые послужили базой для вторых.

¹⁰¹ Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (опыт сравнительно-типологического изучения). «Вопросы языковедения», 1970, 1, стр. 64.

¹⁰² Там же, стр. 64—65.

2. Употребление винительного падежа

Винительный падеж — это, главным образом, падеж прямого дополнения. Однако, последнее может быть обозначено при определенных условиях и основным падежом. Как известно, двойное оформление прямого дополнения связано с комплексом причин, и наиболее важными из них являются категории определенности и неопределенности.¹⁰³

С новой позицией подошел к рассмотрению интересующего нас явления С. Н. Иванов. По его мнению, разграничение значений определенности-неопределенности находится в известном соответствии с противопоставлением конкретно-предметных и ствлеченно-предметных значений имени существительного. Колебания падежной формы прямого дополнения, хотя и имеют место, тем не менее в большинстве случаев они предстают как отклонения от четкого разграничения значений основного и винительного падежей в позиции прямого дополнения: первый из них — это форма отвлеченно-предметного дополнения, второй — конкретно-предметного дополнения.¹⁰⁴

Это положение может быть подтверждено материалом конкретных языков.

Вопроса об употреблении винительного и основного падежей в функции форм прямого дополнения в хакасском языке частично мы уже касались.¹⁰⁵

¹⁰³ О категории определенности и неопределенности см. в работах: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 97—101; С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. «Академику В. А. Гордлевскому», М., 1953; его же. Категория уникальности и множественности в турецком языке. «Труды Московского института Востоковедения», вып. IV, 1947; его же. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; Н. К. Дмитриев. Грамматика кумынского языка. М.—Л., 1940; Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. «Вестник Московского университета», № 12, 1948; М. Б. Балакаев. Прямое дополнение в казахском языке. «Вестник АН Каз. ССР», №№ 10, 12, 1948; Дж. Г. Клекбаев. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности-неопределенности. «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований», Уфа, 1966; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков. Ташкент, 1969, стр. 31—113; В. Г. Гузев. Д. М. Насилов. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности. «Советская тюркология», 1971, 5, стр. 21—25; А. А. Беглярьбекова. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова **бир** в современном азербайджанском языке. А. к. д. М., 1971 и др.

¹⁰⁴ С. Н. Иванов. Указ. соч., стр. 64—65.

¹⁰⁵ См.: О прямом дополнении в хакасском языке. «Зап. ХакНИИЯЛИ», вып. V. Абакан, 1957. Здесь же дан обзор тюркологической литературы по этому вопросу.

Рассмотрим его теперь более подробно.

Многочисленные примеры, выявленные из разных источников и из современного разговорного языка, позволяют установить следующие случаи употребления винительного падежа:

1. Винительный падеж обязателен в том случае, если в качестве прямого дополнения выступает собственное имя одушевленного предмета (имена людей, их прозвища, клички животных).

Собственные имена обозначают, как правило, единичный предмет в определенном кругу общества. Они даются предмету для выделения его от других однородных предметов. В связи с этим датский лингвист О. Есперсен замечал, что первостепенное значение имеет самое употребление имен собственных говорящими и понимание их слушающими. Всякий раз, когда имя собственное употребляется в живой речи, и для говорящего и для слушателя оно обозначает лишь одно конкретное лицо и ограничивается только им. Сегодня в компании своих друзей я могу употребить имя Джон применительно к определенному человеку, носящего такое имя. Но это не помешает мне, отмечает автор, завтра в другой компании употребить то же имя по отношению к иному лицу; в обоих случаях, однако, имя собственное выполняет одну и ту же роль: оно вызывает в сознании слушателя именно то значение, которое я имею в виду.¹⁰⁶

Таким образом, собственные имена всегда являются конкретными и определенными: *Кобежиков Сораны исчеңиз м?* (И. Кот.) 'Слышал ли ты про Кобежикова Сорана?'; *Кнайны алыстааннар* 'Благодарили Кная'; *Пирее нине полганох полар, се чоохтадах Ольканы сала тынныг позытханыңны* (М. К.) 'Что-нибудь да было, наверное; ну-ка расскажи, как Ольку чуть живого отпустил'; *Сыгда Охчыны кэр салган* (С. Ч.) 'Сыгда увидел старика Охчына'; *Хачаа Карачаковты тапханнар* 'Секретарем избрали Карачакова' и др. В винительном падеже в большинстве случаев употребляются также собственные имена неодушевленных предметов (географических объектов, книг, журналов и т. д.): *Чир-чалбахтагы иң улур горобтарның аразында Москваны адапчалар, иң сіліглерниң аразында — Ленинградты* (Л. ч.) 'Среди самых крупных городов мира называют Москву, среди самых красивых — Ленинград'; *Совет чоны Сибирьни алыстырча* 'Советский народ преобразует Сибирь'.

Винительный падеж требуется также в том случае, когда нарицательное имя определяется собственным именем, которое уточняет, конкретизирует и делает прямой объект определенным: *Син Ким суғны көргезиң ме, аргыс?* 'Видел ли ты реку Енисей, товарищ?'; *Пістиң театр Акун пьесаны тиктепче* (Л. ч.) 'Наш театр готовит к постановке пьесу «Акун» и др.

¹⁰⁶ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 71.

Иногда, однако, собственные имена неодушевленных предметов вместо винительного падежа оказываются в основном. Это случается, главным образом, при глагольных послелогах, например, «**Ленин чолы**» *пастыра* 'через (газету) «Ленин чолы»'; ср. то же название при глаголе — «**Ленин чолын**» *хыгырдым* 'Я читал «Ленин чолы»', где чаще употребляется винительный падеж. (В узбекском языке в данном случае может быть и основной падеж: *Мен бугун «Кизил Узбекистан» укимадым* 'Я сегодня газету «Красный Узбекистан» не читал').¹⁰⁷ И еще примеры: **Агбан кизіре** 'через Абакан' или **Агбан суғ кизіре** 'через реку Абакан'; **Агбан суғ пастыра** 'по реке Абакан (через реку Абакан)'; **Асхыс ибіре** 'вокруг Аскиза'. Если же прямое дополнение выражается собственным именем одушевленного предмета, то винительный падеж обязателен и здесь: **Кораны ибіре** 'вокруг Кору', **Мамышев арғысты пастыра** 'через товарища Мамышева' и т. д.

Аналогичное положение наблюдается и в оформлении притяжательного определения при служебных именах: **Агбан хыринда** и **Агбанның хыринда** 'около Абакана', **Ким хазында** и **Кимнің хазында** 'на берегу Енисея' (основной и родительный падежи), но: **Кораның хыринда** 'около Кору', **Мамышев арғыстың хыринда** 'около товарища Мамышева' и т. д. (только родительный падеж).

Исходя из рассмотренных фактов, можно прийти к выводу, что порядок оформления винительным и основным падежами прямого дополнения, выражаемого именами собственными, как и порядок оформления родительным и основным падежами притяжательного определения, выражаемого теми же именами, первоначально был связан с категорией одушевленности-неодушевленности, базирующейся на понятиях «лицо» — «нелицо», «класс лиц» — «класс (нелиц) вещей», а не с определенностью-неопределенностью, т. е. любое имя собственное уже есть что-то определенное и конкретизированное: категория определенности-неопределенности начинает играть важную роль в дальнейшем в связи с развитием письменного языка.

2. В винительном падеже может стоять прямое дополнение, выраженное нарицательным именем, без каких-либо определяющих и конкретизирующих его слов, если речь идет о хорошо известном в данной обстановке и для говорящего и для слушающего предмете, например: **Сігер аттарны көліңер, мин, тізең, Гришазар пар килим, тынағ аттар ал килим** (С. Ч.) 'Вы запрягайте лошадей, а я схожу к Грише, приведу отдохнувших лошадей'. В этом предложении первое дополнение «аттарны» стоит в винительном падеже, потому что речь идет об известных лошадях: у кого-то были лошади, специ-

¹⁰⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 95.

ально им выделенные и находящиеся вместе с ними на работе; второе дополнение «тынаг аттар» стоит в основном падеже, потому что речь идет о неопределенных, пока конкретно не известных, только ожидаемых лошадях, которые еще находятся в общем табуне.

Предмет, представление об единичности, определенности и конкретности которого постоянно наличествует в нашем сознании, в речи может быть логически подчеркнут. Это достигается, как известно, отрывом имени, обозначающего указанный предмет и выражающего прямое дополнение, от следующего за ним глагола и перемещением его (имени-прямого дополнения) на передний план предложения, что и вызывает необходимость постановки данного имени в форме винительного падежа для «защиты нужного смысла предложения».¹⁰⁸

Мы знаем, что бывают предметы общеизвестные и предметы, известные лишь определенному кругу людей. В каком-нибудь доме (квартире), например, конкретно известны книжный шкаф, письменный стол, радиоприемник и другие предметы; для обитателей этого дома указанные предметы всегда мыслятся определенно, ибо они в этом доме единичны. Для жителей какой-нибудь маленькой деревни всегда будут конкретно известными клуб и школа, ибо они у них единственны по всей деревне. В пределах района и области конкретно известны райком и обком КПСС и т. д. Подобные предметы, естественно, имеются в пределах республик и государств, а во всемирном масштабе ими окажутся солнце, луна, небо, земля и т. д.

Представление об единичности и конкретности тех или иных предметов у определенного коллектива людей сближает имена нарицательные, обозначающие эти предметы, с именами собственными, о которых говорилось выше. Разница между ними заключается лишь в степени конкретности и определенности их значений: у имен собственных она, естественно, будет большей, у имен нарицательных — меньшей. Поэтому последние принимают аффикс винительного падежа только при логическом подчеркивании, с которым, как уже указывалось, непосредственно связано передвижение прямого дополнения в начало предложения: *Илона клуб арыгланча* 'Илона убирает клуб' (прямое дополнение перед глаголом, поэтому основной падеж, хотя и речь идет об определенном предмете) и *Илона клубты кўннің сай асча* 'Илона каждый день открывает клуб' (прямое дополнение логически подчеркнуто и поэтому продвинуто вперед и снабжено аффиксом винительного падежа).

Следует подчеркнуть, что если такое имя обозначает одуше-

¹⁰⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 403—404.

ленный предмет (лицо), то винительный падеж обязателен так же, как и при именах собственных, например: **Макайны алғыстааннар** 'Благодарили Макая' и **Председательні алғыстааннар** 'Благодарили председателя'.

Известность и определенность предмета-объекта, обозначенною нарицательным именем без определяющих слов, устанавливается реальной обстановкой и контекстом речи. Без этого, т. е. только при первом упоминании (если раньше об объекте совершенно ничего не было известно), прямое дополнение, выражающее этот объект, не может быть употреблено в винительном падеже.

3. Винительный падеж требуется, когда имя-прямое дополнение определяется качественным именем прилагательным с усилительной частицей **иң**. Объект в таких случаях выделяется из круга однородных предметов своим отличительным признаком — наивысшей степенью качества, например: **Иң симіс хойлары саханнар** 'Продавали самых упитанных овец'; **Иң майых аттары тынандырганнар** 'Давали отдых самым обессилившим коням'; **Иң чүгүрі тайны ырахталчазың** (М. Од.) 'В конюшне вылавливалшь самого быстрого коня'.

Винительный падеж может быть употреблен иногда и в том случае, когда прямое дополнение определено качественными прилагательными без частицы **иң**: **Чабал кізіні киң чазаң; Чабал атты чаң чазаң** (фольк.) 'Плохого человека одежда украшает; Худого коня сало украшает'; но **Хомай киптіг кізі көрзең, кибінең чоохтаба; Кізідең кинек кізі көрзең, кинесең чоохтаба** (фольк.) 'Плохо одетого увидишь, из-за одежды не осуждай; Калеку увидишь, за увечье не унижай'.

4. Материалы показывают, что если в качестве определения к имени (прямому дополнению) служат прилагательные с аффиксами **-дағы/-дегі, -ғы/-гі**, показывающие точное местонахождение предмета или же его временное значение, то винительный падеж обязателен: **Мытығын көдіріп, атарға чөргенде, Акун, стенадағы іздікті аза ідібізін, сығара чүгүрібісче** (М. К.) 'В тот момент, когда он хотел выстрелить, подняв ружье, Акун, открыв дверь на стене, выбегает'; **Аалдағы чох-чоостарны піріктіріп, ырыңыны аалның істінең сабарға** (М. К.) 'Объединив всех бедняков в улусе, изгнать врага из улуса'; **Абакандағы педагогической институтты чыбарың сай чүзер кізі тоозып, пістің областьтың наза крайның аюладарында тоғынарға парчалар** (Л. ч.) 'Каждый год сотни человек кончат Абаканский педагогический институт и едет работать в школы нашей области и края'; **Паяғы оолны хаңаага одыртып алып, ол кізі чөрібіскен** (фольк.) 'Давешнего парня посадив на телегу, этот человек уехал'; **Пүйүңгі тоғысты таңдаа халдырба** 'Сегодняшнюю работу на завтра не оставляй'.

5. Винительный падеж нужен также тогда, когда имя (прямое

дополнение) имеет перед собой глагольное определение (причастие): *Күн таг пазына кӧлөніп, аның чарии пӧзік турган пулуттарны хызарта сусталдырган* (С. Саг.) 'Солнце скрылось за вершину горы, а его свет докрасна освещал облака, стоящие в вышине'; *Хайдагзың, Ольга нанчы, наа пала пирген асты ізерге чаксы полар ба, алай ба мин пиргенни бе?* (М. К.) 'Ну, как, друг Ольга, лучше тебе пить вино, поданное невестой или мной?'; *Хызыххан кизіні хыйыхтаба* (фольк.) 'Живущего в нужде не притесняй (не обижай)'; *Тутхан холны салбачаңмын, тузаан азахты сиспеченмӧн* (фольк.) 'Схваченные руки не отпускаю, спутанные ноги не развязываю'; *Мин миннең тудылган киректі ит салдым* (М. К.) 'Дело, которое зависело от меня, я выполнил'; *Магазинзер ниле садын аларға килген кизілерні садыгчылар чаксы паза табырах позытчалар* (Л. Ч.) 'Людей, пришедших в магазин для покупки вещей, продавцы хорошо и быстро обслуживают'; *Тогынчатхан кизіні нора позымның хыринда тутчазың?* — *тіпче мағаа* (С. Ч.) 'Почему держишь около себя человека, который работает? — говорит мне'.

Но иногда и в данном случае прямое дополнение может стоять в основном падеже: *Че амды чоохтаан чоофың толдырарзың ма?* (Фольк.) 'Ну, а теперь исполнишь ли свое (сказанное — данное) обещание?'

6. Винительный падеж обязателен для имени (прямого дополнения), имеющего при себе определения, выраженные указательными местоимениями *пу* 'этот', *тігі* 'вон тот', *ол* 'тот' и некоторыми другими: *Пу кӱнні мин хаңан даа умдубаспын*, — *чоохтан салған Аркас* (С. Ч.) 'Этого дня я никогда не забуду, — проговорил Аркас'; *Пу сӧстерні Сыгда иетӱдӱре чоохтаныбысхан* (С. Ч.) 'Эти слова Сыгда проговорил громко'; — *Іең, суур пир мағаа тігі хузычакты, олох таа позып полбинча. Мин аны сугарам, іең* (Н. Дом.) 'Мама, сними мне вон эту птичку, все равно она не может освободиться. Я ее палю, мама'; *Тігі тӧсті сыгарып, пӱрліг хазың ағасты киріңер* (М. К.) 'Изгнав те духи, занесите березу с листьями'; *Ол чуртасты кӧріп аларға сағынчам, позымның харағымнаң кӧріп аларға* (М. Киль.) 'Эту жизнь я мечтала посмотреть, своими глазами посмотреть'; *Чылаң игірін піліне чоғыл. Игірзің тіп тӱздеде тартса, олох кизіні сағыбызадыр* (М. Киль.) 'Змея не знает, что она кривая. Если человек пробует ее выпрямить, она того же человека жалит'.

Имя — прямое дополнение (неодушевленный предмет), имеющее в качестве определения местоимения *пу*, *тігі*, *ол*, может быть в редких случаях поставлено в основном падеже только при причастиях и глагольных послелогах, например: *Пу улуг чоох апарарында прай. нилени чаксаан санга аларға кирек* (Л. ч.); *Ол план хоостыра, совет электростанцияларының кӱзі уламох тың бзер* (Л. ч.) 'Согласно этому плану мощь советских электростанций еще сильнее возрастет'. Можно также сказать: *пу план хоостыра, тігі план*

хоостыра, пу пічік хоостыра, ол пічік хоостыра и т. д. Смысл сохраняется.

То же самое наблюдается и в древнетюркских текстах: *Токуз огуз бэглэри будумы бу сабымын... тыңда* '(Вы) начальники и народ «девяти огузов», эту речь мою... слушайте' (памятник в честь Кюль-Тегина); *Ол сабыг эсидиш...* 'Услышав эти слова...' (памятник в честь Тольюкука); *Бу сүг элт...* 'Веди это войско...' (там же) и т. д.

Указательные местоимения *ол, пу* в хакасском языке очень широко применяются в качестве определителя к имени. При повторном употреблении одного и того же имени всегда запрашивают местоимения *ол* и *пу*. Если же они в соответствующем месте не употреблены, то сила определенности имени (предмета) несколько ослабевает.

7. Винительный падеж требуется и при тех именах, выражающих прямое дополнение, которые определены местоимениями *прай* 'все', *полган* на 'каждый, всякий', например: *Пір-ікі минутаның аразында прай хабарны хах пиреге тимде* (С. Ч.) 'Она готова за одну-две минуты выложить все новости'; *Че полган на кізіні пір синче синебечен* (М. К.) 'Но всех людей не меряй одной меркой'; *Семен күй тооза полысчык піске, прай нимені чоохталча, көзітче, бригадирібіс полган на нимені хатап-хатап сура-лапча* (С. Ч.) 'Семен целый день нам помогает, все рассказывает, показывает, наш бригадир обо всем расспрашивает вновь и вновь'.

Местоимения *прай* и *полган на* являются такими определениями, которые указывают на индивидуальный признак предмета или же совокупность предметов. Благодаря этому предмет (объект) выделяется из общего фона однородных предметов и представляется более конкретно. При помощи этих, а также указательных и других местоимений, у слушателя или читателя создается индивидуализированный образ объекта и таким образом достигается наибольшая выразительность.

Следует, однако, отметить, что в фольклорных материалах иногда аффикс винительного падежа отсутствует и при тех именах (прямых дополнениях), которые определены местоимением *прай*, например: *Прай хабар хах пирем* 'Все новости выложу'; *Прай хайым хайлим* 'Все песни спою'; *Прай нымаам ызам* 'Все сказки (свои) расскажу'. Но это только в фольклоре, т. к. в устной речи роль играет и интонация. В современном литературном (письменном) языке подобные случаи не встречаются.

8. Винительный падеж обязателен в том случае, когда имя — прямое дополнение сочетается (в виде приложения) с определенными местоимениями *прайзы, тоозазы* 'все', *позы* 'сам', при этом в винительном падеже ставятся оба слова: *Олар прай аалларны өртееннер, анда чуртаан чонны прайзын хыраарга иткеннер*

(фольк.) 'Они сожгли все улусы, хотели уничтожить весь народ, который жил там'; *Че кізілерні прайзын чох ит полбааннар* (фольк.) 'Но не смогли истребить всех людей'; *Олғаннарны прайзын санға алғаннар* 'Всех ребят брали на учет'; *Сергей Ефимович позынзар килген кізілерні тоозазын чылығ удурлаңаң* (С. Мам.) 'Сергей Ефимович тепло встречал всех людей, приходивших к нему'.

9. В винительном падеже употребляются также имена (прямые дополнения), имеющие в качестве определения местоимения *андағ* 'такой', *мындағ* 'такой, этакий', а также слова *синдеғ*, *син осхас* 'подобный тебе', 'такой как ты', например: *Андағ урожайны піс амға теере көрбеебіс!* (Г. Топ.) 'Такого урожая мы до сих пор не видели'; *Андағ өрністігі нимені искенде, нимедір зе, чон хорылыбысхан* (М. К.) 'Когда услышали такую радость, что же, народ зашумел'; *Мындағ алыпты аарлағлығ тоғысха ызары уядыстығ нимес* (Л. ч.) 'Такого героя послать на почетную работу не стыдно'; *Арғыстар, пістің улугларыбыс, пабаларыбыс мындағ улуг киректі идер алнында, кїрезігде махачы полардаңар удур-төдір сөс піріс-чең доптырлар* (М. К.) 'Товарщи! Наши предки, наши отцы перед тем, как начинать такое большое дело, друг другу обещали быть мужественным в борьбе'; *Мындағ чуртасты көргенче, тайгада аңнар аразында чуртирчынын* (М. Киль.) 'Чем видеть такую жизнь, лучше бы жила в тайге среди зверей'; *Син осхас кізіні көрбедім* 'Такого человека, как ты, я не видел'; *Синдеғ айнаны айырға кирек!* (М. К.) 'Такого черта, как ты, жалеть еще!'

В фольклорном материале и в разговорном языке прямое дополнение с указанными местоимениями может быть иногда и в основном падеже: *Мындағ ниме көрмезің ме?* 'Видел ли такого?' Ср.: *Пудымнаң насхали, пурнымнаң тыңғали, мындағ нимені көрбеем полғам* (фольк.) 'С тех пор, как на ногах хожу, носом дышу, такого не видел'.

Исключительное употребление прямых дополнений с местоименными определениями только в винительном падеже — явление более позднее и связано с возникновением и развитием литературного языка.

Выше рассматривались случаи, когда винительный падеж употреблен по той причине, что прямое дополнение имеет определенные слова. Однако следует сказать, что не всякое определение указывает на реальную конкретность предмета и что это зависит от характера определения. Например, в предложении *Сағам полған на тоғынчы радиодаң пістің странаның істіндегі хабарларны паза хынығ концерттер истіңче* (Л. ч.) 'Теперь каждый труженик слушает по радио о новостях в нашей стране и интересные концерты' — два прямых дополнения и оба имеют определения, однако первое из них — *хабарларны* — выражено винительным, а второе — *концерттер* — основным падежом. Это объясняется тем, что *хабарлар-*

ны определено словом *ісіндегі*, которое и делает объект конкретным, а *концерттер* не конкретизировано, ибо слово *хынығ* указывает лишь на качество предмета, не выделяя его из круга однородных предметов с такими же качествами.

10. В винительном падеже ставятся имена (прямые дополнения), скабженные аффиксом принадлежности. В данном случае сама принадлежность одного предмета другому выделяет его из круга подобных предметов и тем самым вызывает винительный падеж: *Оолах ұр дее турбаан, азахтарың тың-тың пазыл, мылтығың иңініне чүйкеніп, азағың ат алтынаң суур полбикчатхан ирензер нас килген* (М. К.) 'Мальчик и не стоял долго; твердо шагая, повесив ружье на плечо, он подошел к мужчине, который не мог вытащить ногу из-под лошади'; *Холынаң мыхтызың таянып, көксін чарыдып, нискечек үнін арах тудып, өкпелен парған поэзы чоохтанды...* (М. К.) 'Подбоченясь, закашляв, сделав грозным свой тонкий голос, разгоряченный он сказал...'; *Иргілернің оңдайынаң прайзы оң устугына турып, сол холын устухха салып, оң холын чүрегіне салып, пазын мөкейтп, Акунның соонча чоохтанчалар* (М. К.) 'Согласно обычаю старых (прежних), все, встав на правое колено, левую руку положив на него, правую на сердце, наклонив голову, повторяют за Акуном'.

В хакаском языке, однако, значение принадлежности не является обязательным для употребления винительного падежа. Имя (прямое дополнение) с аффиксом принадлежности может стоять и в основном падеже, например: *Хара асхырым таап ирген кізее аттаң чазар полза, ат пирерчікпін...* (фольк.) 'Человеку, который найдет моего черного жеребца, дал бы коня, если у него его нет...'; *Турам тыхтап аларға полыс піріңер, — сурынған ол директордан* (С. Ч.) 'Помогите отремонтировать мой дом, — просил он директора'; *Айран арагазы іскенче, абыртхы іс чөр* (фольк.) 'Чем араку из айрана пить, лучше пей абыртхы (напиток)'; *Амды пістің сый-нибыс көр халыңар* (фольк.) 'Теперь примите наш подарок'; *Хан сірернің атызыңар пілерге итче* (фольк.) 'Хан хочет знать мастерство вашей стрельбы'; *Мылтығым ухтаам* (разг.) 'Я заряжал свое ружье'; *Ізігің чап* 'Закрой свою дверь'; *Хазығың хайраллан* 'Береги свое здоровье' и др. Здесь роль играет семантика объектного и субъектного слов. Предмет (объект), который обычно не способен произвести то же самое действие, что и предмет (субъект), может иногда стоять в основном падеже; и наоборот, объект, способный совершить то, что делает субъект, обязательно принимает винительный падеж: *Палаң көр* 'Смотри за своим ребенком (в смысле ухаживания)', но *Іңең көр* — уже нельзя, надо обязательно *Іңені көр* 'Смотри за своей матерью'; можно: *Пічігің нас* 'Пиши свое письмо', но нельзя *Пабам нас*; надо: *Пабамны нас* 'Запиши моего отца' и др.

Винительный падеж не обязателен также: *Адым тіледім* 'Я искал своего коня'; *Чолынч чазырба* 'Не прячь свой путь'; *Тоғызын тоос*; *Адайын тут*; *Машинаң чөргіс*; *Тоңың суур*; *Чоным көр* и т. д.

Мы здесь приводили лишь такие примеры, в которых прямые дополнения снабжены аффиксами принадлежности только первого и второго лиц. Имя с аффиксом принадлежности 3-го лица в функции прямого дополнения тоже может стоять в основном падеже. Причем, основной падеж появляется преимущественно тогда, когда определяющее слово стоит также в основном (а не в родительном) падеже: *Түзінде ол күгүрт табызы исчеткен* (Н. Дом.) 'Во сне он слышал гром'; *Олғаннар хус палалары тударға чөргеннер* 'Ребята ходили ловить птенцов'. Если же мы поставим определение *хус* в родительном падеже, то и определяемое — прямое дополнение обязательно примет аффикс винительного падежа: *олғаннар хустың палаларын тударға чөргеннер*, т. к. объект здесь более конкретизирован.

Пример вышеприведенного типа встречается в тувинском языке: *Орээл ишти чүдетпе* 'Не сори в комнате', т. е. *ишти* (прям. доп.) стоит в основном падеже вместо винительного *иштин*.

В турецком и в некоторых других тюркских языках прямое дополнение с аффиксом принадлежности употребляется, как известно, только в винительном падеже. В хакасском языке, как это видно из примеров, такого постоянства нет.

11. Винительный падеж обязателен во всех случаях, когда имя (прямой объект) в форме принадлежности определяется местоимением *пос* 'свой': *позымның, позыңның, позының*; *Мин адым суғарғам* и *Мин позымның адын суғарғам* 'Я поил свою лошадь'. В данном случае для избежания двусмыслия слово *позымның* обязательно: *син позыңның адын суғарғазың*.

12. Винительным падежом может быть оформлено имя (прямое дополнение), определенное вопросительным местоимением *ниме* 'что': *Ниме табызы ис салдың?* и *Ниме табызын ис салдың?*; *Нимең табызын ис салдың?* 'Ты что услышал?; досл. Звук чего ты услышал?'.
Однако винительный падеж обязателен, если имя (прямое дополнение) определено вопросительным местоимением *кем* 'кто': *Кемнің табызын ис салдың?* 'Чей ты голос услышал?'; *Кемнің малың хадарчазың?* 'Ты чей скот пасешь?' и т. д.

В различном оформлении имени (прямого дополнения) при определении *кем* 'кто' (одушевленный предмет — лицо и, поэтому, обязательно винительный падеж) и *ниме* 'что' (неодушевленный предмет — нелицо, поэтому, и винительный, и основной падеж) мы видим еще одно проявление изначального признака лицо — нелицо, о котором говорилось выше.

13. Винительный падеж у прямого дополнения обязателен тогда,

когда это дополнение и подлежащее выражены одним и тем же именем. (Подлежащее в лакасском, как и в других тюркских языках, может стоять только в основном падеже; прямое дополнение — в винительном и в основном; поэтому, чтобы отличить первое от второго, последнее, т. е. прямое дополнение, необходимо поставить в этих случаях в винительном падеже): *Аңчы аңчыны танидыр* и *Аңчыны аңчы танидыр* 'Охотник охотника узнает'; *Чон чонны пазыммас кирек* 'Народ не должен угнетать народ' или *Чонны чон пазыммас* 'Народ не будет угнетать народ'; *Соохты соох тибин* 'Несмотря на мороз'; *Ізігні ізіг тибин* 'Несмотря на жару'; *Чыл чылны алыстырча, чиит улуз, теєніп, чонга хозылып одырча* (Л. ч.) 'Тод сменяет год, молодежь, вырастая, прибавляется к народу' и т. д.

14. Винительный падеж требуется при именах прилагательных, числительных и причастиях, когда они употребляются в качестве прямого дополнения, например: *Пай хорыгып тіпче: — Мин сині білімнең арачылап халғам. Ноб ниме йүңн чахсыны чабалнаң нандырарға сағынчазың? — Син чи, кемнең искезің, пайның чахсыны чахсынаң нандырчатханың? — тіпче чылан* (фольк.) 'Бай боясь говорит: — Я тебя спас от смерти. Из-за чего хочешь на добро злом ответить? — А ты от кого слышал, что бай на добро добром отвечает? — сказала змея'; *Улугны улутпа, кічігні кістетпе* (фольк.) 'Не принуждай жаловаться старых, не заставляй плакать младших'; *Киптігні чалаас идер, аттыгны казаг идер* (фольк.) 'Одетого раздеет, верхового пешим сделает'; *Чахсыны сағынзаң, чахсаа хозыларзың; чабалны сағынзаң, чабалга хозыларзың* (фольк.) 'О хорошем будешь думать, к хорошему и примкнешь, о плохом будешь думать к плохому и присоединишься'; *Хулах хысха даа полза ыраххыны истедір* (В. Коб.) 'Уши хоть и коротки, но далеко слышат'; *Өкісті өөр тартчаң, чабысты чарыхха тартчаң* (фольк.) 'С рот нужно вверх тянуть, униженных на свет тянуть'; *Чігібесті чігі полбас, тыспасты тыс полбас* (фольк.) 'То, что не точится, не заостришь; непослушного не уговоришь'; *Ікіні ікее хатаза, төрт 'Дважды два четыре'*; ср.: *Писке пис хосса* 'Если прибавить к пяти пять'.

15. Винительный падеж обязателен в том случае, если в качестве прямого дополнения выступают личные местоимения: *Олар мині сүрізіп килилер* (М. К.) 'Они преследуют меня'; *Че мин аны чазарбын, ай-күнім* (М. К.) 'Но я его вылечу, дорогая'; *Мин оларны хомай даа көрзем, сині чахсы көрербін, хурайым* (М. К.) 'Хотя я к ним плохо отношусь, зато тебя буду любить и беречь' и т. д.

В винительном падеже ставятся также прямые дополнения, выраженные местоимениями *пу* 'этот', *ол* 'тот', *тігі, тігізі* 'вон тот', *мынзы* 'вот этот'; *анзы* 'вон тот', *позы* 'сам', *прайзы* 'все', *мынча* 'с этого, столько', *анча* 'с того, столько', *хайзы* 'который', *нинче* 'ханча

Вопросительное местоимение кем 'кто' в функции прямого дополнения всегда оформляется аффиксом винительного падежа, ибо оно в хакасском языке относится только к определенному лицу (человеку): *Кемни сыйыхтирга чаратханнар?* (Л. ч.) 'Кого решили премировать?'; *Кнеске кемни тапханнар?* (Л. ч.) 'Кого избрали председателем?'

Так же ведет себя и местоимение кем-ди 'кто-то'. Однако вопросительное местоимение нима 'что', как относящееся ко всем предметам (одушевленным и неодушевленным), кроме человека, может быть употреблено и в винительном, и в основном падежах в зависимости от общих условий.

Как уже отмечалось, в хакасском языке употребление винительного падежа первоначально было связано с категориями одушевленности и неодушевленности, базирующимися на понятиях «класс лиц» и «класс вещей». К классу «лиц» относились предметы, «мыслимые» как живые существа, способные произвести какое-либо действие над объектом; к классу «вещей» — предметы, «мыслимые» как неодушевленные, над которыми обычно совершается действие. Поэтому в тех случаях, когда в качестве прямого объекта выступает предмет-лицо, требуется особое оформление — аффикс винительного падежа. Если же прямым объектом является предмет-вещь, то здесь уже винительный падеж не обязателен. Иногда могут «мыслиться» как «лица» и неодушевленные предметы, поэтому они также оформляются винительным падежом: *Төртүнчү күнінде ай-күннү иткен, чылыстарны идібискез* (фольк.) 'На четвертый день сотворил луну с солнцем и звезды'; *Айны көрзе, ир кизи ба парча* (фольк.) 'Если приснится луна, умирает мужчина'; но здесь же: *Күн көрзе, ичи кизи ба парча* 'Если приснится солнце, умирает женщина'.

Мы уже говорили, что в тюркских языках для «защиты нужного смысла предложения» прямое дополнение ставится в винительном падеже. В других языках для отличия объекта от субъекта используются другие падежи или иные средства. Так, А. А. Шахматов писал, что в русском языке употребление родительного падежа вместо винительного в словах мужского рода восходит еще к общеславянской эпохе. Причину этого он, вслед за другими исследователями, видел в совпадении в одной форме именительного и винительного падежей мужского рода, после того как оба первоначальные окончания -ос и -от перешли одинаково в ъ. В языке, отмечал автор, явилось стремление яснее отличить форму объекта (дополнения) от формы субъекта (подлежащего), а так как особенное затруднение представляли фразы, где и субъект и объект составляли имена одушевленные (н-р, *отць любить сынъ, аче мужъ убить мужъ*) то различение объекта от субъекта началось именно в таких именах и уже в общеславянском винительный падеж имен

мужского рода одушевленных стал заменяться родительным (*отца любить сына*).¹⁰⁹

Примерно так же толковал это явление А. Мейе, который писал, что совпадение именительного и винительного падежей создавало потребность различать оба падежа в названиях одушевленных предметов. Подобная потребность в некоторых языках индоевропейского происхождения, а именно, в испанском и современном армянском, привела к различию формы, выражающей прямое дополнение, у одушевленных и неодушевленных предметов.¹¹⁰

Э. Сепир, разбирая предложение «Фермер убивает утенка», пишет, что основные синтаксические отношения должны быть выражены с ясностью, не допускающей перетолкований. Можно умолчать, замечает он, о времени, месте и числе и о множестве других понятий всякого рода, но нельзя увернуться от вопроса, *кто кого убивает*. Ни один из известных языков не может от этого увернуться...¹¹¹ Это явление носит универсальный характер.

В монгольских языках, по Г. Д. Санжееву, различение подлежащего и прямого дополнения при отсутствии морфологических показателей или возможности их факультативного использования достигается порядком соответствующих слов — предшествованием подлежащего или логикой вещей (лексическим контекстом): *Морь бух айлгав* 'Лошадь напугала быка' и *Бух морь айлгав* 'Бык напугал лошадь'; *Морь ногоо иднэ* 'Лошадь ест сено' и *Ногоо морь иднэ* 'Траву ест лошадь'.¹¹² Как видим, в приведенных примерах подлежащее и прямое дополнение стоят в одинаковых формах, но различаются они в первом случае с помощью порядка слов, во втором — «логикой вещей». В хакасском языке, однако, в первом случае прямое дополнение обязательно приобретает аффикс винительного падежа, независимо от порядка слов: *Ат пуганы хорыхтырыбысхан* 'Лошадь напугала быка' и *Пуга атты хорыхтырыбысхан* 'Бык напугал лошадь'; во втором же случае допустима одинаковая форма подлежащего и прямого дополнения: *Ат от чипче* 'Лошадь ест сено'; но если прямое дополнение окажется впереди подлежащего, то оно также обязательно приобретает аффикс винительного падежа: *Отты ат чипче* 'Траву ест лошадь'.

Далее Г. Д. Санжеев ставит вопрос, почему в монгольском языке нельзя, например, вместо *ангууч адуучийт харав* 'охотник увидел табунщика' сказать *ангууч адууч харав*, т. е. почему нельзя вместо винительного падежа объекта *адуучийг* употребить основу

¹⁰⁹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 220.

¹¹⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 325.

¹¹¹ Э. Сепир. Язык. Отиз, 1934, стр. 73.

¹¹² Г. Д. Санжеев. Проявление логики вещей. В сб. «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969, стр. 100.

имени, выражающего этот объект, *адууч* в значении 'табушника', и отвечает: потому что здесь возможна субъектно-объектная обратимость, т. е. действует логика вещей.¹¹³ Но ведь и в первом случае ('лошадь напугала быка') по идее должна действовать «логика вещей», однако там допускается одинаковая форма подлежащего и дополнения; и порядок слов одинаковый, и в обоих случаях речь идет об одушевленных предметах (лошадь, бык и охотник, табушник). Очевидно, здесь дополнительную роль играет то, что в первом случае субъектом и объектом выступают «животные», во втором — «человек-личность», который по своей сути еще в древности мыслился как субъект, а не как объект, и поэтому, когда все же оказывался в роли объекта, требовал отличительного признака, т. е. морфологического показателя.

Г. Д. Санжеев сообщает также, что часто в монгольских языках основа может быть употреблена вместо винительного объекта и в случае субъектно-объектной обратимости, если она, основа имени, по форме не совпадает с «именительным» падежом, поскольку важно не смешивать прямое дополнение с подлежащим: бурятское *Аха шубуу хараба* 'Брат увидел птицу' (*шубуу* — основа в значении 'птицу', тогда как это слово в именительном падеже имеет вид *шубуун* 'птица').¹¹⁴ Как видим, в монгольских языках основа и именительный падеж не всегда совпадают по форме и это несовпадение иногда служит средством отличия прямого дополнения от подлежащего. В хакасском языке этого не происходит, т. к. здесь основной падеж обычно совпадает с основой имени.

Перечисленные выше случаи употребления винительного падежа в хакасском языке наблюдаются уже в древнетюркских текстах: *Токуз огуз бэглэри будуны бу сабымын... тыңла* ' (Вы) начальники и народ «девяти огузов», эту речь мою хорошенько слушайте...'¹¹⁵; *Ол сабы эсидил...* 'Услышав эти слова...'; *Ол сүг анта йоккышдымыз* 'То войско мы там уничтожили'; *Бу сүг элт, — тіді* 'Веди это войско, — сказал'; *Могочлар ол ташы алып...* 'Маги взяли этот камень...'; *Ол битигни бэгимкэ биртим* 'Я то письмо моему начальнику дал'; *Түрк билгэ каган түрк сир будунуг огуз будунуг игидү олурур* 'Тюркский Билгя-каган тюрк сир будунуг огуз будунуг игидү и народ огузов'; *Башлайу кыргыз каганын балбал тикдим. Түрк будунун аты кўси йок болмазун тийин, каңым каганын, бгім катуны кәтүрмиш тәңри...* 'Я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана. (Тогда) Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун...'; *Түрк бэглэр будун, буны эсидиң!*

¹¹³ Там же, стр. 101.

¹¹⁴ Там же, стр. 101.

¹¹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951. Остальные примеры взяты из этой же книги.

‘О тюркские начальники и народ, слушайте это!’; *буны кёрү, билиң* ‘Знайτε, смотря на него (т. е. на памятник)’; *Муны билиши к(ä)ргәк...* ‘Это надо знать...’; *Муны титиләр* ‘Они это сказали’; *Аны көрип, анча билиң...* ‘Смотря на него, так знайте...’; *Ол бизни* ‘Он нас’; *Бизни дәүртәчи күк, — тимиз* ‘Он нас возможно погубит, — говорит он’; *Ол эки киси бар эрсәр, сини Табгачың оләүртәчи...* ‘Пока существуют эти два человека, то вас (букв.: тебя) табгачей они убьют...’

Как и в хакасском языке, в древнетюркских текстах прямое дополнение в форме принадлежности может стоять также в основном падеже. *Кызыл каным төкти, кара тәрим йүгүрти...* ‘Проливалою красную кровь, заставил течь мой черный пот...’ Ср. в хакасском: *Хызыл ханым төкті, хара тирім чүгүртти* (перевод такой же).

Как видно из примеров, условия употребления винительного падежа в древнетюркских текстах и в хакасском языке примерно одинаковы.

В заключение отметим, что любое прямое дополнение, стоящее в основном падеже, при необходимости может принять винительный падеж. Но не каждое прямое дополнение, оформленное винительным падежом, может стоять в основном падеже (собственные имена одушевленных предметов, личные, указательные местоимения и нек. др.). Когда «грамматические условия» позволяют обходиться без винительного и родительного падежей и когда прямой объект и притяжательное определение логически не подчеркиваются, соответствующее имя может стоять в основном падеже.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Аффиксами этого падежа являются *-ға/-ге*, *-ха/-ке*, *-а/-е*; отвечает на вопросы: кем же? ‘кому?’ и нимее? ‘чему?’, хайға? ‘куда?’, ниңчеге? (или ниңчее?) и ханчаға? (или ханчаа?) ‘за сколько?’, *чонға* ‘народу’, *чилге* ‘ветру’, *азахха* ‘ноге’, *көзенекке* ‘окну’, *таға* ‘горе’, *сiлiге* ‘красивому’, *санаа* ‘лыже’, *кимее* ‘лодке’ и т. д.

Если слово оканчивается на гласный, то могут быть аффиксы *-ға/-ге* или *-а/-е*; в последнем случае получается долгий гласный, например: *тура* ‘дом’ — *тураға* (или *тураа*) ‘дому’; *йе* ‘мать’ — *йеге* (или *йее*) ‘матери’; если слово оканчивается на долгий гласный, то обязательно прибавляется аффикс с начальным гласным *-ға/-ге*: *салаа* ‘ветка (дерева)’ — *салааға*; *хазаа* ‘двор’ — *хазааға*, *хаңаа* ‘телега’ — *хаңааға*, *кiрее* ‘ножовка’ — *кiрееге*, *көзее* ‘надмогильная каменная плита (стоящая)’ *көзееге* и т. д.

В бельтирском говоре сагайского диалекта вместо литератур-

ного -ке (дат. п.) иногда употребляется -ки: *пiски* вместо *пiске* «нам».

В некоторых тюркских языках, как известно, дательный падеж представлен после основ на согласный вариантом -а/-е, а после основ на гласный вариантом -йа/йе: *ат* 'лошадь' — *ата* 'лошади', *ана* 'мать' — *анайа* 'матери' (азерб.); *пасар* 'базар' — *пазара* 'базару' (чув.); *оба* 'деревня' — *обаа* 'в деревню', *Ленинграда* 'в Ленинград' (туркм.); *денизе* 'в море' — *дениз* 'море' (турецк.) и т. д.

Особенностью аффикса данного падежа в хакасском языке является то, что в некоторых его диалектах он произносится с долгим гласным. Еще Н. Ф. Катанов отмечал, что «окончание дательного падежа (-ка, -кэ, -га, -гэ) в сагайском и бельтирском наречиях произносится протяжнее, чем в качинском (в котором этот падеж не имеет почти ударения): саг., бельт. — *аткаа мiндi* 'он сел верхом на коня' = качин. *атка мiндi*».¹¹⁶

Этот признак дательного падежа сохраняется и поныне. Так, по наблюдениям Д. Ф. Патачаковой, гласные аффиксов -га/-ге, -ха/-ке произносятся: в качинском диалекте — с нормальной долготой, а в некоторых говорах сагайского диалекта и в кызыльском, по аналогии с *палаа* 'ребенку', *кiзее* 'человеку', — так же, как обычные долгие гласные. Например, качинские *столга* 'столу', *атха* 'лошади' в сагайском — *столгаа*, *атхаа*, *палаа*, *кiзее*. В кызыльском могут появиться повторные аффиксы этого же падежа: *палаага* 'ребенку', *кiзееге* 'человеку' и т. д.¹¹⁷ Ср. еще примеры из кызыльского диалекта: *сана* 'лыжа', *киме* 'лодка' — *санаага* 'лыже', *кимеге* 'лодке'. Двойной дательный иногда встречается и в шорском диалекте: *магага* 'мне', *агага* 'ему' и т. д. Здесь же можно наблюдать и двойной местный падеж: *мындада* 'здесь', *андада* 'тогда'. Аффиксальный плеоназм уже отмечен в литературе по тюркским языкам.¹¹⁸

Личные местоимения ед. ч. *мин*, *син*, *ол* в дательном падеже в литературном языке имеют формы *магаа* 'мне', *сагаа* 'тебе', *агаа* 'ему'. Возникновение долгот в указанных формах, по-видимому, связаны с известными случаями стяжения гласных в середине и конце слов.

Особенности оформления слов дательным падежом в хакас-

¹¹⁶ Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897, стр. 102.

¹¹⁷ Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте. «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV, Баку, 1966, стр. 158.

¹¹⁸ Г. Ф. Благова. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. «Вопросы языкознания», 1968, 6.

ском языке сближаются с таковыми в орхон-енисейских текстах. В последних дательный падеж представлен аффиксами **-ка/-кэ, -а/-э**. В енисейских надписях дополнительно встречаются **-ға/-ге**. Исследователи языка енисейских памятников отмечали колебания в использовании вариантов дательного падежа: наряду с **-ка/-кэ** употребляется **-а/-э** (С. Е. Малов полагал, что это диалектные варианты),¹¹⁹ причем это происходит иногда в одном и том же тексте, даже в одном и том же предложении. Приведем некоторые примеры¹²⁰: *Сиз элимэ кунчуйума огланьма будунума, сизимэ алтымйишымда (адырылым)* 'От вас, мое государство, мои господа (принцессы), мои сыновья, мой народ, от вас моих в шестьдесят лет (я отделился, т. е. умер)' (1). Однако уже во второй строке этого же памятника слово *будун* 'народ' стоит в форме **-ка**: *алты баг будунка бэз эртим* 'Я был князем (бэз) шестисоставному народу'. Ср. также: *йашымға* (45) и *йашыма* (29, 37, 42) 'моему возрасту'; *будунымка* (29) и *будуныма* (42, 43) 'моему народу'; *оглумка* (7, 14, 29) и *оглума, огланьма* (16, 11, 43) 'моему сыну'; *кунчуйымка* (8), *кунчуйымға* (6) и *кунчуйыма* (1, 14) 'моей принцессе' или *имкэ* и *иммэ* (27) 'моему государству'; *элимэ, каныма* (11) 'моему государству', 'моему хану'; *элимкэ, бэгимкэ* (16) 'моему государству, моему бегу' и др.

Следует отметить, что в некоторых памятниках в аффиксе дательного падежа **г** и **к** чередуются: *кунчуйымға* (6) и *кунчуйымка* (8) 'к принцессе, моей'; *канға* (11) и *канка* (29, 30) 'к моему хану'; *йашымға* (45) и *йашымка* (3) 'к моему возрасту'; *Орызға аңызка бёкмедим* (48) 'Я не наслаждался счастьем и полями'; а в памятнике (7) в одном слове использованы оба варианта аффикса дательного падежа: *куйда кунчуйымғака бэде оглымка адырым* 'В отношении принцесс моих из терема и в отношении сыновей я разлучился (т. е. умер)'.

Аффикс **-ға/-ге** в орхонских текстах не встречается, а в енисейских, как показано, есть. Ср. еще: (в памятнике 41) *агымға* 'казне своей', *артымға* 'за собой', *агышға* 'к восхождению' *эдгүгэ* 'хорошему, доброму'. В. М. Насилов полагал, что и в орхонских памятниках существовали, должно быть, формы **-ға/-гэ**, исходя при этом из двухэлементного аффикса направительного падежа **-гару/-гэрү** и сочетания падежных форм после аффикса принадлежности, например: *күн батсыкыңа* = *күн батсыкым* + *ға*, *оглымка*

¹¹⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 13; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 108 — 109; В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 27.

¹²⁰ Примеры берутся из указ. кн. С. Е. Малова (цифры в скобках указывают номер памятника).

= *оҕаһын* + *ға*, *илиңэ* = *илин* + *гэ*,¹²¹ где после основ на *м*, *н* начальный согласный аффикса дательного падежа *к*, *ғ* выпадает.

В орхоно-енисейских текстах, когда слово оканчивалось на *ц*, *к* нему прибавлялся сокращенный вариант аффикса дательного падежа = *а*, например: *будуныца* (32) 'народу твоему', *бег оҕлыца* (32) 'твоему сыну—бегу', *эл чэригиңэ* (41) 'государственному войску'; *илиңе* 'твоему государству', *сбзиңе* 'твоему слову'; *эбимэ* 'моему дому', *инимэ* 'моему младшему брату', *илиңэ* 'твоему племенному союзу'. В этих же случаях аффиксом направительного падежа является также сокращенный вариант *-ару/-ерү*, например: *субыңару* 'к твоей воде', *йериңерү* 'к твоей земле'. В орхонских памятниках, а также в тюркских текстах X—XIII вв. из Восточного Туркестана в приведенных случаях обычно употребляется сокращенный вариант аффикса дательного падежа *-а/-е*.

То же самое наблюдается и в хакасском языке: *ооҕыңа* 'твоему сыну', *чоңыңа* 'твоему народу', *ханыңа* 'твоему хану', *адыңа* 'твоему коню (или имени)', *сбзиңе* 'твоему слову' и т. д.

Если в этих случаях в древнетюркском и хакасском языках бытует только усеченный вариант аффикса дательного падежа *-а/-е*, то в шорском языке еще употребляются параллельные формы *-ға/-ге*, *-а/-е*, например: *шанаңа* и *шанаңа* 'твоей лыже', *шаналарыңа* и *шаналарыңа* 'твоим лыжам'; *колыңа* и *колыңа* 'твоей руке'. В связи с этим Н. П. Дыренкова отмечала, что в шорском языке направительно-дательный падеж основы с аффиксом принадлежности 2 л. ед. ч. имеет две формы: *кебеңе* наряду с *кебеңге* 'лодке твоей' (в письменном языке: *кебеңе*, *шанаңа*).¹²²

В древних надписях сокращенный вариант получается иногда и в тех случаях, когда слово оканчивается на *к*: *күн соруғым* *күн тоғсу(к)а батсы(к)а тэгди* (47) 'Слухи и расспросы обо мне достигли до восхода и захода солнца'. Ср. хак. *тағ* (кач.), *тағ* (сак.) 'гора' — *таға*, *таға* — 'к горе'; *суғ* 'вода' — *суға* 'к воде'. В шорском наблюдается параллельные формы: *суғ* — *суғга* и *суға*, *тағ* — *тағга* и *таға*.

Начальные *ғ* (*г*), *к* аффикса дательного падежа не опускаются, как правило, тогда, когда основа имени оканчивается на *н*. Это характерно и для языка орхоно-енисейских текстов и для современного хакасского языка. Ср.: *күнкэ* 'солнцу' (7), *канга* и *канка* 'хану' (11); хак. *күнге* 'солнцу', *ханга* 'хану' и т. д. Это явление возможно связано с тем, что при сокращенном варианте аффикса дательного падежа *ня*, *к* которому этот вариант присоединяется,

¹²¹ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 27.

¹²² Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 50 — 52.

может быть понято как глагол. Так, если к слову *күн* 'солнце' прибавить сокращенный вариант дательного падежа, то получится глагол *күне-* 'ревновать'; *хан* 'царь' и 'кровь' — *хана-* (сак. д.) 'окровавить'; *сын* 'правда' и 'хребет' — *сына* 'проверить', *сан* 'число' — *сана-* 'считать' и т. д. Для избежания двойственности, видимо, в этих случаях обязателен полный вариант дательного падежа: *күнге*, *ханга*, *санга*. В турецком языке дат. п. на -а/-е в аналогичных случаях бытует, возможно, по той причине, что здесь глаголообразующий аффикс -а/-е является непродуктивным.¹²³

В енисейских памятниках к именам в форме принадлежности I лица ед. ч. присоединяются аффиксы -га, -ка/-ке, -а/-э: *йашымга* (45), *йашымка* (3), *йашыма* (29) 'моему возрасту'; 'в возрасте', *элимке* (13), *элимэ* (11) 'моему государству' и т. д.; в хакасском языке — аффиксы -га/-ге, -а/-е: *адымга* и *адыма* 'моему коню или моему имени', *малымга* и *малыма* 'моему скоту'; но когда на *м* оканчивается основа имени, то возможен только -га/-ге: *хумга* 'песку' (*хума* не допустимо), *Кимге* 'Енисею', *тимге* 'к сроку'. В шорском языке, однако, и в данном случае наблюдаются параллельные формы: *торума* и *торумга* 'кедровой шишке', *корума* и *корумга* 'россыли'. В письме обычно употребляли: *торумга*, *корумга*.¹²⁴

Приведенный выше материал показывает, что употребление вариантов аффикса дательного падежа (с начальным согласным и без него) в языке енисейских надписей и в хакасском совпадают. Разница здесь только в том, что после согласных *м*, *н* в хакасском прибавляется -га/-ге, а в надписях, кроме -га, -а/-э, еще и -ка/-ке.

Параллельное употребление вариантов аффикса дательного падежа с начальным согласным и без него в хакасском языке, как и в енисейских надписях, не связаны с их семантическими или синтаксическими значениями. Причины подобной двойственности в енисейских надписях, по мнению А. М. Щербака, пока не ясны¹²⁵, однако, можно полагать, что она является лишь переходным этапом в развитии этих форм (-ка/-ке, -га/-ге > -а/-е) при именах в категории принадлежности, который продолжается и сейчас в тюркских языках Саяно-Алтая, в частности, в хакасском, шорском и диалектах алтайского, тувинского и киргизского языков.¹²⁶

¹²³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 260.

¹²⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 43.

¹²⁵ А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. В кн. «Тюркологический сборник 1970». М., 1970, стр. 130.

¹²⁶ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, стр. 50—51; Н. А. Васкаков. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, стр. 62—64; его же. Диалект ку-

В указанных языках в склонении имен в форме принадлежности имеются некоторые различия. Если для 1 и 2 л. ед. ч. в енисейских надписях и в хакасском, шорском, алтайском и тувинском сохраняется сходство (-га/-ге, а/-е), то для 3 л. в тувинском употребляется только -га/-ге, а в других — параллельно -га/-ге, -а/-е. Различие имеется и в склонении имени во 2 л. в тувинском литературном языке. Здесь дательный падеж представлен формой -га/-ге: *ырыңга* 'к твоей песне', *кижиңге* 'к твоему человеку'; в хакасском, как было сказано, только формой -а/-е: *ырыңа*, *кизиңе*, т. е. так же, как и в енисейских надписях; в шорском и северных диалектах алтайского языка допускается параллельное употребление форм -га/-ге, -а/-е: *адаңга* и *адаңа* 'твоему отцу', *энеңге* и *энеңе* 'твоей матери'. В шорском языке параллельность наблюдается вообще после основ на н: *одуңга* и *одуңа* 'дровам', *аңга* и *аңа* 'зверю'; в шорском письменном употребляется форма -а/-е: *одуңа*, *аңа*, т. е. так же, как и в енисейских памятниках и в хакасском языке.

В киргизском литературном языке и в большинстве его говоров укоренился вариант -а/-е (в притяжательном склонении). В южных говорах встречается также -м/-га, -м/-ге. Это явление, по мнению И. А. Батманова, может быть сопоставлено с узбекским и уйгурским языками, где оно вполне закономерно (там не выделяется склонение имен с притяжательными аффиксами: *тошге* и *тошимге* 'к камню' и 'к моему камню'.¹²⁷ В языке желтых уйгуров при именах в притяжательной форме используются -га/-га/-ге: *анасыныңга*, *анасыныңга*, *анасыңга* 'его матери'; *ачасыныңга*, *ачасыңга* 'его отцу'; *атынга* 'его имени', *пачынгга* 'на его голову', *огулынга* 'его сыну', *пеіікінге* 'старшему из них', *ййісінге* 'в его дом', *перісінге* (Зпер + і + сі + н + ге) 'одному из'.¹²⁸ Характерными чертами языка саларов, как сообщает Э. Р. Тенишев, являются: дательный падеж на -а/-е и -га/-ге, прошедш. вр. на -ган и -мыш, т. е. смешение примет северных и южных тюркских языков.¹²⁹

Отметим еще, что в шорском языке после основ на заднеязычные г (ґ) два заднеязычных (основы и аффикса) факультативно сокращаются до одного г (воспринимается в быстрой речи как одно г); аффикс дательно-направительного падежа (-га/-ге) как бы теряет свой согласный: *тага*, *суга*, наряду с *тагга*, *сугга*, 'горе', 'во-

мандицев (куманды-кизи). М., 1972, стр. 87—88; И. А. Батманов, З. В. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 167, 170—172. В дальнейшем примеры для сравнения берутся из этих работ.

¹²⁷ И. А. Батманов, З. В. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 170.

¹²⁸ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 177.

¹²⁹ Э. Р. Тенишев. Саларские тексты. М., 1964, стр. 5.

де'. После основ на *к* в быстрой речи двойное *к* факультативно сокращается до одного: *пöрүке* 'шапке', *көрүке* 'бурундуку', *карака* 'глазу', *таяка* 'посоху'. В письме: *пөрүкке*, *көрүкке*, *каракка*, *таякка*.¹³⁰ То же самое в хакасском языке: *тага* 'горе', *суга* 'воде', *сиріге* 'войску', *пиге* 'начальнику', т. е. явление, сходное с основами на *-н*: *чүн* (сag.), *чүг* (кач.) 'перо' и *чүңе*, *чүге* 'перу'; *чиң*, *чиге* 'сырой' и *чиңе*, *чиге* 'сырым'; *чаг* 'жир' — *чага* 'жиру' и т. д. Однако при основах на *-к*, *-х* в литературном языке принято писать двойные согласные: *пöрикке* 'шапке', *кöрикке* 'бурундуку', *харахха* 'глазу' *таяхха* 'палке' и т. д.

Существуют различные точки зрения о происхождении дательного падежа. Так, Ф. Г. Исхаков полагал, что аффикс дательного падежа *-га* происходит от слова *гар*, означающего направление, которое в современных тюркских языках самостоятельно не употребляется. В качестве аффиксальной морфемы *-гар* встречается в современных тюркских языках также редко.¹³¹

Исходным для аффикса *-га*, по мнению А. М. Щербака, является аффикс *-гару*, значительно изменившийся вследствие ряда фонетических преобразований, которые можно охарактеризовать в целом как утрату одного из слогов или последнего гласного звука. По его же мнению, к указанному аффиксу восходит и аффикс *-ару*, встречающийся главным образом в текстах южного (огузского) происхождения: *канчару* 'куда', *йокару* 'вверх', *ичэрү* 'внутри', *аңару* 'туда', *канйару* 'куда', 'докуда'; *илэрү* 'вперед'. При этом автор полагает, что аффикс *-ра/-рэ*, сохраняющийся в составе служебных слов и наречий типа *асра*, *ичрэ*, *ташра* имеет особое происхождение. Аффикс *-ра/-рэ* передавал только направительные значения, в то время как содержание аффикса *-гару* было несколько шире. После распада *-гару* на *-га/-гар* и *-ру* последний компонент его контаминировался с аффиксом *-ра* и сузил значение. Напротив, первый компонент расширил свои функции.¹³²

По данным А. М. Щербака, первоначальное (направительное) значение древней формы дательного падежа прослеживается преимущественно в манихейских текстах: *күнбатсыкыңгару* 'на запад', *сизингэрү* 'вам', *кутуңузгару* 'вашей святости', *бзүңүзгэрү* 'самим вам' *бзүтгэрү* 'к душе', *хангару* 'к хану', *ордусынгару* 'в ставку (правителя)', *уйгургару* 'к уйгурам', *биргэрү бап* 'связав в одно (воедино)'. Аффикс *-га/-гэ*, *-ка/кэ* у местоимений (в единст-

¹³⁰ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 43.

¹³¹ Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 103.

¹³² А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 85—86.

венном числе) часто сохраняет конечный **р** (**-гар/-гэр, -кар/-кэр**) например: *мэңэр* [мэ—гэр] 'мне', *муңар* 'на это', *аңар* 'ему'.¹³³

По мнению А. Н. Кононова, в аффиксе **-гару/** /**га** / дат. п. / **+ ру** / второй компонент является аффиксом-последелогом, означавшим направление и уточнявшим значение дательного падежа: аффикс **-гару** имел значение «вдоль до...»; аффикс **-ра/-рэ** имел не только направительное, но и локативное значение.¹³⁴

Форму дательно-направительного падежа **-гару/-гэрү** в языке орхонских текстов С. Е. Малов рассматривал как «двойное окончание дательного падежа (**-га** и **-ру**)». ¹³⁵ После аффикса принадлежности на **-ың/-иң** дательно-направительный падеж будет **-ару/-ерү**: *йериңерү, субыңару конты* 'расположился близ их земли и воды (страны)',¹³⁶ т. е. также, как после аффикса 2 л.: *каныңа, сөзиңе, илиңе*; ср. хак.: *чоныңа* 'твоему народу', *чолыңа* 'твоей дороге' и т. д.

Г. Ф. Благова пишет, что направительный падеж на **-гару/-гэрү, -кару/-кэрү**, характерный для языка орхонских памятников, составлен из показателей дательного падежа **-га** и локативно-направительного падежа **-ру/-рү**... Историческая форма на **-гару** в опрощенном виде внедрилась в местоименное склонение кыпчакского «сибирского» диалектного типа. Именно эта форма вычленяется путем анализа в алт., хак. *анаартын* 'оттуда', *мынаартын* 'отсюда'.¹³⁷

По мнению указанного автора, в башкирских говорах сохранились почти все ступени развития данной формы:

- 1 л. ед. ч. — *минеңэ, минегэ, миңэ*;
- 2 л. — *синеңэ, синегэ, сиңэ*;
- 3 л. — *аныңа, аныға (уныға), аға (уға)*; указат. местом. — *мыныңа, мыныға, быға, шуныңа, шуныға, шуга*.¹³⁸ Ср.: в языке желтых уйгуров — *соңгар*, в тувинском — *соңғаар* 'назад', в поло-

¹³³ А. М. Щербак. Там же, стр. 84, 86.

¹³⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 295—296. (Здесь же указаны существующие точки зрения о происхождении афф. **-ра/-рэ**); его же. (Рецензия на указанное сочинение А. М. Щербана) «Вопросы языкознания», 1963, 5; см. также: Ф. Д. Ашнин. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа бура «это место». «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 95—105. (Здесь приводится также литература по этому вопросу).

¹³⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 45.

¹³⁶ Его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 18.

¹³⁷ Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения). «Вопросы языкознания», 1970, 1, стр. 68.

¹³⁸ Там же, стр. 64.

вещных текстах XVI в. — сонгра 'после', в хак. — соонзар (< сон-ы-н-зар) 'после'.

О дательном падеже Г. И. Рамстедт писал, что во всех языках (алтайских), кроме тунгусского, отчетливо распознается падеж с окончанием **-аи** (или **-а**) и его вариантом **-гаи** (или **-га**), имеющий значение дательного падежа. Автор отмечал, что в тюркском этот дательный падеж общеупотребителен с давних пор: древнетюрк. *каганка* 'кагану', *каганыма* 'моему кагану', *каганыңа* 'твоему кагану', *каганыңга* 'его кагану'; тат., казах., кирг., телеут. — *тауга*, тур. — *дага* 'к горе'.¹³⁹

Подробно остановился на происхождении аффикса дательного падежа в тюркских языках Б. А. Серебренников.¹⁴⁰

Дательный падеж на **-кэ**, **-гэ**, **-ка**, **-га** и т. д. обычно является характерной отличительной особенностью кыпчакских языков. Однако, по его мнению, и в этих языках сохраняется реликт дательного падежа, лишённого элемента **к**, ср. тат. *кулым-а* 'моей руке' и т. д. Следы дательного на **-а** сохраняются и в монгольском. Элемент **к** в окончании дательного падежа имеет какой-то источник, который необходимо определить. Дательно-направительный падеж на **-ка**, **-га** представляет собой соединение двух падежных суффиксов **-к** и **-а** (**-е**). Из истории языков известно, что нередко контаминируются между собой суффиксы близкие или тождественные по значению. Можно предположить, что в тюркских языках древнейшей поры, помимо направительного падежа на **-ра/-ре**, **-рі**, **-р**, существовали два самостоятельных дательно-направительных падежа. Один из них имел окончание **-к**, другой — окончание **-а** (**-е**). Следы некогда самостоятельного дательно-направительного падежа на **-к** до сих пор прослеживаются в окончаниях инфинитива на **-мак**, **-мек** в некоторых тюркских языках. Ср. алмак (турецк.) 'брат', *отурмак* (туркм.) 'сидеть' и т. д. В формировании инфинитивов различных языков наблюдается одна очень интересная закономерность: часто инфинитивы представляют собой форму направительного падежа, ср., например инфинитивы в татарском языке: *алырга* 'брат', *укурга* 'читать', *килергэ* 'приходить' и т. д., где окончание **-га**, **-гэ** фактически является окончанием направительного падежа. Окончание инфинитива на **-мак**, **-мек** в некоторых тюркских языках содержит окончание древнего латива на **-к**, **-г**. Можно предположить, что инфинитивы на **-мак**, **-мек** были когда-то инфинитивами цели или супинами. Супин обычно означает

¹³⁹ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 39.

¹⁴⁰ Б. А. Серебренников. К вопросу о происхождении элемента **к** (г, ғ) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. «Краткие сообщения Института народов Азии», 83, М., 1964, стр. 69 — 71.

действие, проецируемое в план будущего, и наиболее подходящим средством для грамматического выражения этой проекции мог явиться направительный падеж на -к, -г, присоединяемый к отглагольному имени существительному на -ма, -ме.

Б. А. Серебренников полагает также, что суффикс направительного падежа -к, -г участвовал в образовании будущего времени на -чаг, -чек, -жак, -жек, распространенного в некоторых тюркских языках. Элемент -чак в данном случае представляет собой результат контаминации двух окончаний направительных падежей — направительного на -ча, -че и направительного на -к, -г. Причем, направительный на -ча, -че, по мнению автора, до сих пор сохраняется в тувинском языке: *хөлчө* 'к озеру' *хоорайже* 'в город' и т. д. Особый направительный падеж, характеризующийся окончанием -к, -г, не чужд был и монгольским языкам. Реликтом этого падежа является окончание инфинитивов в халха-монг., калм., бурятском языках: *идэх* 'есть', *бэхлэх* 'укреплять', *гаргах* 'выносить', *мэдэх* 'знать' и т. д. При этом инфинитивы в вышеупомянутых монгольских языках полностью совпадают по форме с так называемым причастием будущего времени.

Автор вносит некоторые коррективы и в выводы Г. И. Рамстеда. В частности, по его мнению, в алтайских языках было не два варианта окончания дательного падежа -а и -га, а несколько окончаний дательно-направительных падежей; что дательный на -а, -е и дательный на -к, -г были двумя самостоятельными падежами. В языках кыпчакской группы возникла новая форма дательного падежа, представляющая собой контаминацию двух форм дательного падежа — дательного на -к, -г и дательного на -а, -е (стр. 69—71).

Гипотеза Н. К. Дмитриева, Б. А. Серебренникова, К. Г. Менгеса о существовании в тюркском языке особого дательного падежа на -к, по мнению А. М. Щербака, не подтверждается материалами туркменского языка, на который обычно ссылались. Тем не менее, указанная гипотеза заслуживает всесторонней проверки. Пока же традиционный взгляд на развитие аффикса дат. п. -а из афф. -га, -ка путем выпадения согласного остается непоколебленным.¹⁴¹

Приведенные нами выше материалы подтверждают правомерность той точки зрения, что аффиксы -а и -га являются вариантами, восходящими к одному источнику, и что вариант -а возник, видимо, еще в древности, т. к. в орхоно-енисейских текстах он уже был.

¹⁴¹ А. М. Щербак. Существовал ли в тюркском языке дательно-направительный падеж на -к? «Советская тюркология», 1973, 3, стр. 59 — 62.

Со значением дательного падежа непосредственно связано значение направительного падежа, который бытовал в языке древнетюркских памятников и имеется в некоторых современных тюркских языках. Его аффиксами в древнетюркском были *-гару/-гэрү, -ару/-эрү* и выражал он направленность одного предмета к другому. Например: *огузгару* 'к огузам', *йиргэру* 'к земле', *Йириңэру субыңару конты* 'Поселился по направлению той земли и воды (т. е. Родине и Отечестве)'.¹⁴²

Направительный падеж *-гару* встречается в текстах М. Кашгари (XI в.): *Кыш йайгару сүйленйр* 'Зима шепчет лету'; *Йағыкару кириш кылдым* 'Я напал на врага'; в отдельных словах встречается афф. *-ра/-рэ*: *Ол аны башра кактурды* 'Он заставил его ударить (кого-то) по голове'; *Татыр көзге, тикениң түбре...* 'Ударь тата по его глазам (по его слабому месту)', 'вытащи шип вместе с корнем'; *Аны башра какты* 'Он ударил его по голове'; *Ол мениң табару келди* 'Он подошел ко мне'; *Ол аның табару келди* 'Он подошел к нему' и т. д.¹⁴³

По мнению В. М. Насилова, направительный падеж в языке орхоно-енисейских текстов представляет собой аффиксальное развитие дательного падежа. Элемент *-ру, -рү*, по его предположению, представляет собой локативно-направительный аффикс (ср. локативный аффикс *-ра/-рэ*, ныне сохранившийся в качестве аффикса местного падежа в чувашском языке).¹⁴⁴ Элемент *-ру/-рү* сохранился в наречиях языка древних памятников: *тиригрю* 'к жизни', *йагру* 'близко', 'в близком направлении'. Ср. древнеуйгурские *эбирю* 'ко мне домой', *бэрю* 'сюда', *ынару* 'туда' с направительными значениями, тогда как в словах *ташра* 'вне', 'снаружи', *ичрэ* 'внутри', *оңрэ* 'прежде', *асра* 'внизу' выражены локальные значения.¹⁴⁵

Г. И. Рамstedт отмечает, что в корейском языке мы имеем *-ру* + окончание дательного падежа, а в тюркском — в обратном порядке: *-га + -ру*.¹⁴⁶

Следует отметить, что в языке орхоно-енисейских памятников некоторые слова в направительном падеже уже адвербиализовались: *илгэрю* 'вперед', *бэригэрю* 'направо, на юг', *курыгару* 'назад'.

¹⁴² 'Девону луготит турк. Индекс — лугат'. Ташкент, 1967, стр. 480 — 481.

¹⁴³ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 28.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 46.

'на юг', *дыргару* 'налево', 'на север' и т. д. То же самое мы наблюдаем почти во всех современных тюркских языках:¹⁴⁶

а) в хакасском: *чогар* 'верх, вверху', *тасхар* 'вне, наружу', *искер* 'восток, на восток';

б) в шорском: *тышкара, тышкаара* 'наружу', *кедере* 'в сторону' *кайдара, кайдаара* 'куда';

в) в тувинском: *бурунгаар* 'вперед', *соңгаар* 'назад', *ташкаар* 'наружу', 'вне', *ёзугаар* 'согласно, по';

г) в татарском: *югары* 'верх, вверх, вверху'; в татарских диалектах: *тышкары* 'вне, наружу', *эчкере* 'внутри, во внутрь, внутри', *элгере* 'раньше', *суңгары* 'потом', *тискере* 'обратно, наизнанку';

д) в казахском: *жогары* 'верх, вверх, вверху', *ілгери* 'вперед, впереди';

е) в киргизском: *жогору* 'верх, вверх, вверху', *ілгери* 'вперед, впереди';

ж) в узбекском: *юкори* 'верх, вверх, вверху', *ташкари* 'вне, наружу', *ичкари* 'внутри, во внутрь', *тескари* 'обратно, наизнанку, верх дном';

з) в туркменском: *ёкары* 'верх, вверх, вверху', *ичери* 'внутри, во внутрь, внутри', *дашары* 'вне, наружу', *илери* 'вперед';

и) в азербайджанском: *юхары* 'верх, вверх, вверху', *ичери* 'внутри, во внутрь, внутри', *ирели* / *илери* / *илгери* 'вперед';

к) в турецком: *илери* / *илгери* 'вперед', *йукары* 'верх, вверх, вверху', *ичери* 'внутри, во внутрь, внутри', *дышары* 'вне, наружу' и т. п.

В тувинском, хакасском и шорском языках аффикс *-гар* употребляется с долгим гласным (тув. *соңгаар*, хак. *тасхаар, часхаар* и т. д.). Долгота в данном случае объясняется, очевидно, тем что широкие гласные (а также узкий *и*) перед слогом с узкими редуцированными *ы, і, у, ү* удлиняются. Ср. хак. (саг. д.) *чогаары* 'верх', *пиргеери* 'в сторону', 'в другом направлении' и т. п. В литературном языке конечный редуцированный гласный выпадает, но долгота в предыдущем слове сохраняется *чогаар, пиргеер* и т. д. Ср.: в тоджинском диалекте тувинского языка: *аткаары* 'назад', *бурунгаары* 'вперед, на юг', *дашкаары* 'наружу', *часкаары* 'к весне' *ынаары* 'туда', *мынаары* 'сюда'. В литературном языке наблюдается выпадение конечного гласного *ы* этого аффикса: *аткаар, бурунгаар, дашкаар* и т. д., т. е. то же самое, что и в хакасском языке.¹⁴⁷

¹⁴⁶ Примеры берутся из работы: Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. Морфология». М., 1956, стр. 104.

¹⁴⁷ М. И. Боргояков. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. «Уч. зап. ХакНИИЯЛИ», вып. XII. Абакан, 1966, стр. 82 и сл.; З. В. Чадamba. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, стр. 98.

В хакасском языке, как известно, имеется еще послелог-аффикс **-ар**, вместе с исходным падежом образующий сложный аффикс **-наңар/-неңер** (с вариантами); слова с этим аффиксом отвечают на вопросы: о ком? о чем? и почему? по какой причине? например: *пабамнаңар* 'об отце' или 'из-за отца', *хорыхханнаңар* 'из-за испуга', *соохтаңар* 'из-за холода' и т. д.

Рассматривая подобные примеры, Ф. Г. Исхаков пишет: «не является ли **-га** $\angle$ **гаар** $\angle$ **га** + **ар**, т. е. сложным аффиксом, образованным от слияния аффикса дательного падежа с послелогом **ар**? В таком случае мнение о том, что **-га** $\angle$ **га**р, должно отпасть и приведенные выше примеры могут быть объяснены лишь следующим образом:

а) тувинские: *бурунгаар* = *бурун* + **га** + **ар**, *дашкаар* = *даш* + **ка** + **ар**;

б) татарские: *тышкары* $\angle$ *тыш* + **ка** + **ар** + **ы** *эчкере* $\angle$ *эч* + **ке** + **ар** + **ы**;

в) туркменские: *ичери* $\angle$ *ич* + **е** + **ар** + **ы**, *дашары* $\angle$ *даш* + **а** + **ар** + **ы** и т. д.¹⁴⁸

Приводя примеры на наречия с аффиксом **-гары/-гере, -кары/-кере**, Н. К. Дмитриев отмечает, что в основе этих образований лежат именные категории. Самый аффикс, по его мнению, состоит из аффикса дательного падежа, после которого следует архаичный аффикс направленности **-ры, -ре**. Поэтому наречия данного типа первоначально отвечали на вопрос *куда* и могли стоять при глаголах движения в своей неизменной форме. Далее он замечает, что имеющиеся в татарском языке наречия *ары* 'туда', *бире* 'сюда', *кере* 'назад', *элгере* 'прежде, вперед' составлены по такому же типу. В частности, наречие *элгере* восходит к архаическому слову *эл/ил* 'вперед' и первоначально должно было означать именно 'вперед', впоследствии же оно приобрело значение 'прежде', т. к. наречия, выражающие понятие места, постепенно начинают выражать также и понятие времени.¹⁴⁹

Направительный падеж на **-гару** бытовал, видимо, еще в древности, т. е. во времена возможного тюркского праязыка, поскольку в письменных памятниках этот падеж уже есть. При этом следует отметить, что наречия часто сохраняют следы прошлого склонения, а в письменно засвидетельствованных древних памятниках уже существовали наречия, образованные при помощи направительного падежа **-гару**: *йоғару*, *ілгері* и т. д. Можно полагать, что в разговорных языках (диалектах) того же времени также имелись подобные наречия.

¹⁴⁸ Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 105.

¹⁴⁹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 49.

С. Е. Малов отметил особую форму направительного падежа: *барийа* 'на юг', *йырайа* 'на север', *курийа* 'на запад'.¹⁵⁰

Как уже говорилось, афф. -*гару* мог быть образован в результате стечения двух самостоятельных аффиксов: дательного -*га* и -*ру/-ра*, имевшего направительное значение. Последний, по мнению Г. И. Рамstedта, особенно отчетливо выявляется в тюркском, монгольском и корейском языках. Оно имеет значение указания направления («куда») и могло бы быть названо «направительным падежом» (латив, пролатив или директив).¹⁵¹ Как отмечает далее автор, в тюркском уже на древнем этапе имелось: древнетюркск. *эбимрю* '(по направлению) к моему дому' (*эбим* 'мой дом'); архаичны также *ару* 'туда'. Это окончание стало общеупотребительным в положении дательного падежа, а -*гару* даже стало применяться в качестве продуктивного суффикса: *кагангару* 'к кагану' и т. д. По Г. И. Рамstedту, употреблявшийся в уйгурском языке и в диалектах (языках) более позднего происхождения в качестве дательного падежа *аңар*, *муңар* ('ему', 'этому'), в одном ряду с которым стоят как диалектные проявления и более поздние казах. *оңан* (*оған*), *муңан* 'этому', *маған* 'мне', *саған* 'тебе', должен быть возведен к древнему -*гару*.¹⁵² Комментируя данное предположение, Н. А. Баскаков пишет, что формы дательного падежа личных и указательных местоимений *маған* 'мне', *саған* 'тебе', *муңан* 'этому', *оңан*, *оған* 'тому' и т. д., по-видимому, представляют собой более позднее образование из форм: *маңга* 'мне', *саңга* 'тебе' и пр.¹⁵³

Происхождение конечного *н* в казахских *маған*, *саған*, *оған*, по мнению Ф. Г. Исхакова, может быть объяснено трояко: 1) -*ган* / -*гар*; 2) *оған* 'ему' < **оңга*: *н* и *г* путем метатезы поменялись местами; 3) *оған* 'ему' < *оға* < **оғар*.¹⁵⁴

Как известно, личные местоимения единственного числа в дательном падеже в тюркских языках видоизменяются. Поскольку для нашей темы этот факт представляет значительный интерес, рассмотрим его подробнее. Формы дательного падежа местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. в общенародном и литературном татарском языке, например, представлены в виде *миңа*, *сиңа*, которые подобно туркменским *маңа*, *саңа* имеют в конце основы *н*, являющийся результатом былого влияния утраченного *г* падежного аффикса. Но татарские *миңа*, *сиңа*, по Ф. Г. Исхакову, в отличие от

¹⁵⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 45.
¹⁵¹ Г. И. Рамstedт. Указ. соч., стр. 44.
¹⁵² Там же, стр. 45.
¹⁵³ Там же, стр. 229.
¹⁵⁴ Ф. Г. Исхаков. Местоимение. В кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. Морфология», М., 1956, стр. 223.

туркменских *маңа, саңа*, образуются от «живых» основ *мин, син*.
 Надо полагать, пишет автор, что татарские *миңа* $\angle$ **миңға*
 $\angle$ *минға* $\angle$ **минғар*; *сиңа* $\angle$ **сиңға* $\angle$ **синға* $\angle$ **синғар*; *аңа*
 $\angle$ **аңға* $\angle$ **анға* $\angle$ **анғар*.¹⁵⁶ В говорах татарского языка встреча-
 ются *миңе, сиңе, 'мне', 'тебе'; аңа, аңар, аңғар, аңғарға 'ему'*. В
 узбекском: *менга 'мне', сенга 'тебе', унга 'ему'*; в киргизском: *ма-
 га, сага, ага*; в азербайджан.: *мене, сене, она*; в башкирском: *ми-
 ңе, сиңе, уға*; в уйгурском: *маңа, саңа, униңға*; в шорском: *мага,
 маа; сага, саа; ага, аа*, разившиеся, по мнению Ф. Г. Исхакова,
 следующим образом: *мага* $\angle$ **ман* + *ға*, *сага* $\angle$ **сан* + *ға*, *ага*
 $\angle$ **ан* + *ға*; ср. алт. *меге, сего, ого* (которые, очевидно, происхо-
 дят от *менге, сенге, онго*).¹⁵⁶ В тувинском: *меңээ, мээ; сеңээ, сээ;*
аңаа, аа, которые, как полагает этот же автор, происходят следую-
 щим образом: *меңээ* $\angle$ *мең* + *гээ* $\angle$ *мен* + *гээ*; *сеңээ* $\angle$ *сең* + *гээ*
 $\angle$ *сен* + *гээ*, *аңаа* $\angle$ *аң* + *гаа* $\angle$ *ан* + *ға* (однако, почему в аф-
 фиксе -*гээ, -гаа*, соответствующем аффиксу *гэ, -га* или -*ге, -га* дру-
 гих тюркских языков, мы имеем в тувинском языке долгое *ээ* или
аа — пока не известно). Формы же *мээ, сээ, аа* являются резуль-
 татом дальнейшего фонетического развития этих местоимений: *мээ*
 $\angle$ **меңээ, сээ* $\angle$ **сеңээ, аа* $\angle$ **аңаа* (в тувинск. яз. по выпадении на-
 ходившегося между гласными *ң* из оставшихся двух соседних глас-
 ных звуков обычно образуется один долгий, но поскольку в наших
 примерах второй гласный является и без этого долгим, возможно,
 что здесь первый гласный просто выпал и получилось *мээ* вместо
мэээ, сээ вместо *сэээ, аа* вместо *ааа*), но может быть и другое объ-
 яснение происхождения форм *мээ, сээ, аа*, заключающееся в том,
 что они происходят от форм, аналогичных алтайским *меге, сего,
 ого*, а именно: *мен* + *ге* $\angle$ **ме* + *ге* $\angle$ *мээ* /*ме*/, *сен* + *ге* $\angle$ **се* + *ге*
 $\angle$ *сээ* (*се*), *ан* + *ға* $\angle$ **а* + *ға* $\angle$ *аа* (*а*).¹⁵⁷ В чулымских гово-
 рах: *маа 'мне', саа 'тебе', аары 'ему'*; в барабинском: *манга 'мне',
 санга 'тебе'*; татар. *минга 'мне', синга 'тебе'*.¹⁵⁸ По данным А. П.
 Дульзона, в чулымских говорах встречаются: *маа 'мне', саа 'тебе',
 эрэ, аға 'ему'*.¹⁵⁹ В караймском (по К. М. Мусаеву): *анар 'ему'*.¹⁶⁰
 В качинском диалекте хакасского языка: *магаа, сагаа, агаа*; в са-
 гайском: *мегее, сегее, агаа*; а также: *маа* (*маа пир 'дай мне'*), *аа*
вм. агаа.

¹⁵⁶ Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 221.

¹⁵⁶ Там же, стр. 228.

¹⁵⁷ Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 230.

¹⁵⁸ Р. А. Ураев. Говор чулымских тюрков дер. Ежи. «Уч. зап. Томского госпединститута», т. XIII. Томск, 1955, стр. 364.

¹⁵⁹ См.: «Языки народов СССР, т. II Тюркские языки». М., 1966, стр. 451.

¹⁶⁰ Там же, стр. 268.

Как видим, в тувинском и хакасском дательный падеж при личных местоимениях ед. ч. содержит долгие гласные *ээ* и *аа*: *меңээ, сеңээ* (тув.); *мегее, сегее, агаа* (саг.) и *магаа, сагаа, агаа* (кач.). Эта долгота может быть объяснена отпадением конечного *р* падежного аффикса. В тув.: *мен + гэр > меңээр > меңээ*; *сенгэр > сеңээр > сеңээ*, ан + *гар > аңар > аңаа, агаа*.

Конечный *р* аффикса при этих местоимениях сохранялся в средневековых уйгурских текстах: *маңа, маңар* 'мне'; *саңа, саңар* 'тебе'; *муңа, муңар* 'этому'; *аңа, аңар, аңға* 'ему'.¹⁶¹ Конечный *р* аффикса сохраняется также и в диалектах современных тюркских языков. Ср., напр., *аары* 'ему' в чулымском говоре.

Приведенный материал показывает, что в тюркских языках личные местоимения единственного числа в форме дательного падежа подвергаются двоякого рода изменениям: в одних языках и диалектах под влиянием прогрессивной ассимиляции изменяется гласный аффикса: *менға > менге > меңе, меге > мее* 'мне', *сенға > сенге > сеңе, сеге > сее* 'тебе'; в других языках и диалектах сильнее оказывается регрессивная ассимиляция и под ее влиянием изменяется гласный основы слова: *менға > манға > маңа, маға > маа* 'мне', *сенға > санға > саңа, саға > саа* 'тебе' (ср. в чувашском: *эп* 'я', *эс* 'ты' и *мана* 'мне', *сана* 'тебе'; *манра, санра* (местн. п.), *манла, санла* (твор. п.)).¹⁶² В сагайском диалекте хакасского языка действует первый тип ассимиляции (*мегее, сегее*), в качинском — второй (*магаа, сагаа*), а в татарском литературном языке — ни тот, ни другой: *миңа, сиңа*.

Таким образом, в тюркских языках личные местоимения ед. ч. в дательном падеже оказались на разных ступенях развития, при этом явление регрессивной ассимиляции позволяет думать, что первоначальной формой дательного падежа в этих случаях мог быть аффикс *-ға* (< *-гару*).

Можно предположить, что в первом тысячелетии н. э. направительный падеж на *-гару* имел более широкое распространение в тюркских языках Южной Сибири и Центральной Азии. Впоследствии в разговорных языках он подвергся сокращению (стяжению) и совпал с дательным падежом, но образовавшаяся при этом долгота гласной в аффиксе сохранилась в хакаском языке, частично в тувинском и некоторых других языках. Таким образом, долгота гласного в дательном падеже в хакасском языке может свидетельствовать о том, что языки (диалекты) — предки современных тюркских языков Южной Сибири имели самостоятельный направительный падеж на *-гару*, состоявший из двух аффиксов *-ға + -ру*. Двойные падежные аффиксы известны не только в современных

¹⁶¹ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 45 — 46.

¹⁶² См.: «Языки народов СССР», т. II, стр. 51.

тюркских языках, но и в древних, ср.: *кунчуйымгака*, в котором два аффикса дательного падежа.¹⁶³ После того, как старый направительный падеж (-*гару*) в результате сокращения совпал с дательным падежом, в хакасском, шорском, алтайском и тувинском языках взамен появились другие падежные аффиксы, выполняющие функцию направительного, т. е. возникли новые направительные падежи.

Следы древнего направительного падежа сохраняются также в лично-притяжательном склонении якутского языка, в котором современный дательный падеж представлен аффиксом -*гар*: *алпар* 'моему коню', *аккар* 'твоему коню', *атыгар* 'его коню'; *алпытыгар* 'нашему коню', *аккытыгар* 'вашему коню', *аттарыгар* 'их коню'; *аттарбар* 'моим коням', *аттаргар* 'твоим коням', *аттарыгар* 'его коням'; *аттарбытыгар* 'нашим коням', *аттаргытыгар* 'вашим коням', *аттарыгар* 'их коням'.¹⁶⁴ Другие примеры:

Уолугар 'сыну—его', *бэс ыйыгар* 'в июне'. Ср. другой пример: *Ийэгин диэн, уолгар буруйун билиннэр* 'Ты же мать, заставь сына признать вину (букв. дат. п. *уолгар* 'сыну')'. (по М. А. Черосову).

Таким образом, как можно заметить, в лично-притяжательном склонении, в местоимениях и наречиях наиболее заметно сохранились следы древнего направительного п. (-*гару*). В связи с этим Г. И. Рамstedт склонен был полагать даже, что в древнетюркском -*гару* применялось как раз к местоимениям, ср. древнетюрк. *баңару* 'мое', 'ко мне' (стр. 39.).

В современных тюркских языках, как уже было указано, эта форма сохраняется в личном и указательном местоимениях ед. ч. Приведем еще дополнительные примеры: алт. *ангар* 'ему', *мунгар* 'этому'; в кумыкск. *бугар* 'этому' (ср. хак. *пуга, лага* и т. д.), *шугар* 'этому', *шоғар* 'тому', *оғар* 'тому', 'ему'. Эта форма встречается и в более ранних памятниках. Ср. *аңар* 'ему', *ағар* 'ему'. В орхонских текстах: *Аңар көрү билиңи* 'Смотря на него, знайте!'; *Аңар адынчыг барк йара туртым* 'Им я поручил устроить особое здание' (по С. Е. Малову). Дательно-направительный падеж личных местоимений в караханидских памятниках имеет две формы — *маңа*, *маңар* 'мне', *саңа*, *саңар* 'тебе' (по В. М. Насилову). В словаре М. Кашгарского — *Мен аңар сёз айыттым* 'Я ему слово сказал'. *Мен муңар айдым* 'Я этому сказал' (по С. Ахаллы). В некоторых древнеуйгурских текстах: *мэңэр* 'мне', *муңар* 'на это'. Здесь также афф. дательно-направительного падежа -*ар*, -*ер* по большей части присоединяется к местоимениям. *Аңар* 'ему' других тюркских язы-

¹⁶³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 22.

¹⁶⁴ Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка. «Якутско-русский словарь». М., 1972, стр. 576—577.

ков в чулымском развилось в *аары* 'ему' в результате выпадения интервокального согласного.

Отметим, что сокращенные варианты древнего направительного на *-гару* встречаются и в современных примерах (в диалектах и говорах) и при этом сохраняется также долгота гласного в усеченном аффиксе. Ср. в хакасских диалектах: *Тасхаа парим* в.м. литер. *Тасхар парим* 'Я ухожу на улицу'; *Пис андаа парбаспыс* (в.м. литер. андар) 'Мы туда не пойдем'. Очевидно, также образуется долгота гласного аффикса дательного падежа в хакасских (диал.) примерах: *малгаа* 'скоту', *чалгаа* 'в наём', *сырайгаа* 'лицу', *хараххаа* 'глазу', *күнгее* (Ср. *күнгеер*) 'солнцу', *чилгее* 'ветру', *чйрекее* 'сердцу' и т. д. В приведенных примерах долгота аффикса приблизительно равна таковой в словах *санаа* (*сана + га*) 'лыжи' (дат. п.), *кимее* (*ките + ге*) 'лодке' и т. д.

Образование долгого гласного в аффиксах из-за выпадения конечного *-р* — явление общеизвестное. Ср., например, аффикс настоящего времени *-чадыр* ($\angle$ *чат-*) в хакасском литературном сократился в *-ча/-чаа* ($\angle$ *чаар* $\angle$ *чадыр*): *ойнапча* 'играет', но в говорах до сих пор встречаются *ойнапчадыр* и *ойнапчаар*. Согласно орфографии долгота в афф. *-ча* не обозначается. Или же в словах *хайд-дар* 'куда' в говорах конечный *р* иногда выпадает: *хайдаа паризың* (в.м. *хайдар*) 'Куда направился (ты)'. Ср. также в башкирском: *кайза* 'куда'. Хак. *соонзар* ($\angle$ *соңынзар*) 'назад', 'потом' в говорах оказывается *соонзаа*: *Соонзаа көрбе* 'Не смотри назад (не оглядывайся)'.

Таким образом, частично можно полагать, что удлиненный гласный содержащийся в хакасских, тувинских, шорских аффиксах дат. п., образовался в результате сокращения (стяжения) древнего направительного п. на *-гару*.

Отметим также, что древний направительный падеж сохранился в слове *күнгээр* (*күн* 'солнце' + *геер*), употребляемого в хакасском языке для обозначения направления движения (т. е. по направлению движения солнца). Оно чаще встречается в обрядовых текстах: *Ебидең келбейнең не пырай чон блген кизінің черін күнгээр ебіре үс катан ебіріп нанчалар* 'Как только придут из дома, все люди трижды кругом обходят могилу покойника по направлению движения солнца (*күнгээр*), (затем) возвращаются домой'. (по Н. Ф. Катанову).

Древнетюркская форма *-гару* (или ее сокращенные варианты *-ары/-ері*, *-ар/-ер*) отражены, видимо, в хакасских наречиях: *анда-ры/андар* 'туда', *мындары/мындар* 'сюда', *хайдары/хайдар* и *хая* 'куда', в которых содержатся два аффикса: местного падежа *-да* и *-(а)ры*, *-(а)р*, имевшие направительное значение. В среднечулымском диалекте мы имеем: *мынар* 'сюда', *анар* 'туда', *кайнар* 'куда'. В других говорах Чулыма встречаются: *мыни* 'по направлению

сюда', *ан'и* 'туда', *кан'и* 'куда'. В нижнечулымском диалекте наблюдается переход *-ыр* или *-ир* в *-и*: *пулт'и* 'в прошлом году' (ср. хак. *пылтыр*) и т. д. Возможно сюда же следует отнести *мын'и* 'по направлению сюда', *ан'и* 'туда', *кан'и* 'куда'; в среднечулымском диалекте они соответственно звучат: *мынар*, *анар*, *кайнар*, причем конечное *а* в этих словах обычно является передним. Эта *а* в нижнечулымском диалекте чередуется факультативно со звуком *ы*, что даёт А. П. Дульзону возможность возвести нижнечулымские формы *мын'и*, *ан'и*, *кан'и* к *мыныр* или *муныр*, *аныр* и *кайныр*.¹⁶⁵ Последние, очевидно, развились из *мынар*, *анар*, *кайнар*. А. П. Дульзон допускает, что эти формы могли быть получены из местного падежа путем присоединения направительного аффикса *-ар* (*мында+ар* и т. д., где должен был возникнуть удлинённый гласный в конечном слоге), что и подтверждают соответствующие тувинские формы (*мынаар* и т. д.). Вместе с тем автор замечает, что в хакасских *мындар*, *андар*, *хайдар* в ожидаемом слоге удлинённый гласный отсутствует. Однако, укажем, что в перечисленных наречиях (как и в некоторых других случаях) долгота гласного не обозначается согласно орфографии литературного языка. В диалектах же в этих словах в ожидаемом месте звучит удлинённый гласный. Поэтому допущение А. П. Дульзона следует признать закономерным.

Как уже отмечалось, в хакасском, шорском и тувинском языках развились новые самостоятельные направительные падежи.

В тувинском, например, языке этот падеж представлен двумя аффиксами *-же/-че* и *-дыва/-дыве* (с вариантами): *дагже* 'к горе', *оолче* 'к сыну'; *хемдыве* 'к реке', *хоорайдыва* 'к городу'. Тувинскому *-дыва*, *-дыве*... в шорском соответствует послеложная форма *-дебе/-тебе*: *тагдебе* 'к горе' и т. д. Подобную форму мы встречаем в тюркоких текстах XI в. Ср. у М. Кашгары: *Иайлыг таба эмити* '(Они) отправились в сторону летовки'; *Авчы йашыб тузак таба менге бакар* ('Ворона), не заметив охотника, смотрит в сторону западни'; *Бизни таба не элук* 'Каким образом ты (перешел) на нашу сторону'; *Арслан таба эмитти* 'Направились к льву'; *Менин таба келди* 'Он подошел ко мне'; здесь *таба* управляет основным и родительными падежами и обозначает объект, на который направлено действие. В этих текстах *таба* принимает также аффикс дательного-направительного падежа на *-ру*: *Ол менин табару келди* 'Он подошел ко мне'; *Ол аның табару барды* 'Он ходил к нему'; *Уйдеб улуг табару таврак келиб йүгүргил* 'Когда зовет старший, быстро прибеги к нему'; *Сен баккыл аның табару* 'Ты смотри на него'.¹⁶⁶

¹⁶⁵ А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 126; его же: Диалекты и говоры тюрков Чулыма. «Советская тюркология», № 2, Баку, 1973, стр. 23.

¹⁶⁶ 'Девону луготит турн. Индекс-лугат'. Ташкент, 1967, стр. 503.

Как видно, форма **-таба (табару)**, образованная, очевидно, из деепричастия, в текстах М. Кашгари еще управляла падежами. В тувинском она уже перестает управлять падежами, ее послеложное значение стирается, форма подвергается фонетическому изменению и рассматривается как падежный аффикс. То же самое и в шорском языке.

В хакасском языке указанной форме соответствует послелог *саба* 'по направлению, к', также образованный из деепричастия: *Пүүр көзөр саба айгүрген* 'Волк бежал в сторону озера'; чаще он управляет основным падежом: *Асхыс саба* 'по направлению к Аскизу', *таг саба* 'по направлению к горе'; и т. д. Но слово *саба* остается послелогом.

Материалы тюркских языков показывают, что при определенных условиях управляемые послелогом косвенные падежи имеют тенденцию уступать место основному падежу. При этом послелог может иногда развиваться в падежный аффикс, но это не обязательно, чаще всего он бытует как послелог-аффикс.

Тувинскому направлятельному падежу **-же/-че** в хакасском и шорском языках соответствует аффикс **-ча/-че, -ча/-че**, но в последних он имеет, главным образом, продольное значение и рассматривается как послелог-аффикс, например: *чолча* 'по дороге', *тагча* 'по горе', *чирче* 'по земле', *сугча* 'по воде', *көлча* 'по озеру', *сасча* 'по болоту', *пйкче* 'по лугу' и т. д.

В то же время в хакасском и шорском языках развилась форма на **-сар/-сер, -зар/-зер**, рассматриваемая ныне как особый, характерный для них, направлятельный падеж. Н. П. Дыренкова называла эту форму в шорском 'послелогом': *саара* 'по направлению', 'куда', 'к кому', 'к чему', 'в сторону чего' (*саары* — в говорах реки Кондомы и верховья р. Мрассу); начальный согласный послелога *саара* после конечных гласных и сонорных согласных предыдущего слова озвончается: *тайга заара*; в говоре шорцев верховья р. Мрассу встречаются *саары* и *сеери*, т. е. гласный послелога гармонирует с гласными имени, к которому он присоединяется: *кижи сеери* (-*зеер*) 'к человеку, по направлению к человеку'; *пис сеери* (-*сеер*) 'к нам, по направлению к нам'; таким образом, послелог *саары* в форме **-саар, -сеер** приближается к аффиксам.¹²⁷

Эта форма приводится и В. И. Вербицким в составе аладагских поднаречий: *саары, саар, сары, сар* 'по направлению в какую-нибудь сторону'; *Кистинзари бас* (абаканск.) 'отступит'; *Уу сар нанды* 'Возвратились домой'; *Картаачак оолок саары ушту* 'Ястребок полетел к юноше'; *Таг сары таштады* 'Бросил на гору'; *Тайзы сар парды* 'Он пошел к дяде'; *Алтын столбаасар айгүрдү* 'По бежал к золотому столбу'; *Тас тураның езігі сар келчік* 'Пошел к

¹²⁷ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 233.

дверям каменного дома'; Кара кѳл сары айгүрдү 'Побежал к Черному озеру'; Тигірзері учук йадыр 'Полетел к небу'.¹⁶⁸

Как видим из примеров, в диалектах хакасского и шорского языков в 80-х годах XIX в форма -сар (-сары) только иногда подчиняется закону сингармонизма: тигірзері 'к небу', но кѳлсары 'к озеру' и т. д. Отсюда следует, что она еще находилась на стадии превращения в падежный аффикс.

Слово сары 'сторона' встречается и у Абу-л-Гази-хана (1603—1664). А. Н. Кононов относит его к послелогам-частицам: Самарканд сары йурди 'Он пошел к (по направлению) Самарканду'; Иран сары йүрүб турурман 'Я иду (войною) на Иран';¹⁶⁹ Чингизхан Отрардын атланыл Бухара сары кэлэтурганду... 'Когда Чингис-хан выступил из Отрара и направился в Бухару...'; Кыпчак эли рус сары барып андын кѳмэк алып моғолларныц устигэ кэлди-лэр 'Кыпчаки пошли к руссам, получили от них помощь и пошли на монголов'. Значение сары близко к значению дательного падежа и этой близостью, по мнению С. Н. Иванова, обусловлено сравнительно редкое употребление данного послелога.¹⁷⁰

В алтайских диалектах указанной форме соответствуют йары, йар 'по направлению в какую-нибудь сторону': Тенере йар кѳрди 'Взглянул на небо'; Мени йар бол 'Обратись ко мне'; Аны йар тарт 'Тянуть на его сторону'; Пала платты адазын йар таштады 'Дитя бросило платок к отцу'; Ол аны йар кѳруп айтты 'Он, обратясь к нему, сказал'; Ежик йар таштады 'Бросил к двери'; Уренчиктери йар колубыла уалты 'Указал рукою своею на учеников своих'; Алар йары ларды 'Он пошел к ним',¹⁷¹ которые и здесь остаются на положении послелога.

В современных хакасских диалектах и говорах форма направительного падежа -сар (-сары) бытует в разных фонетических вариантах. Так, в чиланском говоре: минзере 'ко мне', синзере 'к тебе' и т. д.; в литературном языке им соответствуют минзер, синзер; отсар 'к огню', тагзар 'к горе', ізиксер 'к двери' и т. д. Форма -сар встречается еще в середине XIX в. в хакасских (койбальских) текстах А. Кастрена: Таксар бари 'Пошел к горе'. В целом следует отметить, что самостоятельный направительный п. на -сар в хакасском языке развился, видимо, сравнительно недавно. Значительное распространение он получил в хакасском литературном языке. В языке эпоса (фольклора) он употребляется очень редко. В то

¹⁶⁸ В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 292.

¹⁶⁹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана. М.—Л., 1958, стр. 155.

¹⁷⁰ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 81.

¹⁷¹ В. И. Вербицкий. Указ. соч., стр. 77.

же время в хакасских диалектах аффикс этого падежа уже подвергся сокращению: встречается *-саа/-сее*, *-заа/-зее*, сохраняющий долготу гласной, например; *хайсаа* 'в мешок', *этсее* 'к мясу', *тагзаа* 'к горе', *сынзаа* 'к хребту' (вм. латер. *хансар*, *итсер*, *тагзар*, *сынзар*); *минзее*, *синзее* 'ко мне', 'к тебе'; *Таштынсаа* 'в Таштын'. *Асхыссаа* 'в Аскиз'; *Аның пабазы Таштынсаа парыбысхан* 'Его отец уехал в Таштын'; *Чирзее көрбе* 'Не смотри на землю (вниз)'; *Ибзее кір* 'Заходи в дом'; *Туразаа ларыңар* 'Идите в дом'. В кызыльском диалекте он бытует в виде *-за*, *-зе*, *-са*, *-се*.

Стяженная форма *-саа* (< *-саары*) встречается также в шорском языке и в северных диалектах алтайского языка. Ср.: *Оксоо-лаксаа удура тѳѳѳѳ келтир* 'Она побежала навстречу мальчику-сироте'.¹⁷²

Как видим, указанная форма в своем коротком развитии как бы повторяет путь развития древнего направительного падежа на *-гару*.

Можно предположить, что хакасский направительный падеж на *-сар* восходит к слову *сыңар*, которое в древнетюркском имело значение «направление, сторона». Ср.: *...иңир огурта тағдын сыңар йўзленип...* '...на рассвете, повернувшись в сторону севера (букв. в направлении гор)'; *Кўн ортуда сыңар йел турсар...* 'Если поднимется ветер с юга'...¹⁷³ В памятнике Моюн-чуру сказано: *Селеңе кидин Иылук кол сыңар Шып башыңа теги чериг итдим* 'На (северо) западе от Селенги, к югу от Иилук-гола, вплоть до Сып-Башни я расставил (свое) войско'.¹⁷⁴

В тюркских памятниках XII — XIII вв. *сыңар* имело также значение 'сторона, бок': *оң сыңар* 'правая сторона', *төртдін сыңар* 'в четырех направлениях', *кондын сыңар* 'во всех направлениях', *іңтін сыңар* 'во внутрь' (ср. хак. *істінзер* 'во внутрь').

В хакасском языке *сыңар* подвергалось, видимо, стяжению (*сыңар* > *саар*, *саары*, *саари*), ср. хак. *оң сари* 'правая сторона', *сол сари* 'левая сторона', *ол сари* 'та сторона', *лу сари* 'эта сторона', и уже эта форма дала начало аффиксу нового направительного падежа. Н. Ф. Катаров эту форму отделял от основы дефинитива: *таг-зары* 'на гору', *ебин-зэрі* 'домой', *тѳбѳн-зэр* 'ко дну' и т. д.¹⁷⁵ А в «Опыте исследования урянхайского языка» (Казань, 1903) он вообще не выделяет ее как падеж. Автор, по-видимому, рассматривал эту форму как послелог.

¹⁷² Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 97.

¹⁷³ 'Древнетюркский словарь'. Л., 1969, стр. 504.

¹⁷⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 35.

¹⁷⁵ Н. Ф. Катаров. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. IX. СПб., 1907, стр. 354 и др. (изд. В. В. Радлова).

Новый направительный падеж в хакасском языке ведет себя во многих случаях так же, как и древний. Так, например, если слова с предполагаемым древним направительным падежом (*тасхар* 'наружу', *чоғар* 'вверх', *кидер* 'в сторону, на запад' и т. д.), могут стоять в форме исходного падежа (*тасхартың(н)* 'с улицы, с наружи', *чоғартың(н)* 'сверху, из верхней стороны', *кидертін* 'с запада, со стороны', *андартың(н)* 'оттуда' *пеертің(н)*, 'отсюда' *күйскертін* 'с осени' и т. д.), то той же способностью обладают и слова с новым направительным падежом: *Асхыссартың(н)* *килдібіс* 'Мы приехали из Аскиза (со стороны Аскиза)', *тағзартың(н)* 'со стороны горы'; *оймахсартың(н)* 'из ямы'; 'со стороны ямы'; *ибзертің(н)* 'из дому', *Төбзертің(н)* 'из Теи'.

В хакасском языке интересующий нас падеж употребляется главным образом, для указания направления движения. Его функции уже, чем у дательного падежа. Причем следует заметить, что он чаще используется в сагайском диалекте. В качинском его функции частично продолжает выполнять дательный падеж. Ср. в саг. д.: *Олғаннар городсар килгеннер*; в кач. д.: *Олғаннар городха килгеннер* 'Ребята пришли в город', но в обоих диалектах: *Хозан тағзар чүгүрген* 'Заяц бежал на гору'; *Тағзар мылтых табызы нызырап парган* 'В сторону горы (со стороны горы) прогремел выстрел из ружья'.

МЕСТНЫЙ И ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖИ

1. Местный падеж. Этот падеж в хакасском языке представлен аффиксами *-да/-де*, *-та/-те*, которые имеются во всех диалектах: *чолда* 'на дороге', *суғда* 'в воде', *көлда* 'на озере', *кимеде* 'на лодке', *саста* 'на болоте', *пүйкте* 'на луку' и т. д.

Указанные аффиксы со значением местного падежа имеются и в других тюркских языках, древних и современных. Только в якутском языке значение местного падежа заключено в других падежах, например, в исходном и дательном. В чувашском вместо *-да* бытует форма *-ра*, например: хак. *тагда* = чуваш. *тура* 'на горе', 'в горе'; чув. *манра* = хак. *минде* 'у меня', *санра* = *синде* 'у тебя', *унра*, *унта* = *анда* 'у него'.

В древнетюркских (орхонских) памятниках, как известно, местный падеж *-да* передавал также значение исходного падежа: *Түпүт каганта бблән кэлти...* 'От тибетского кагана пришел белей'; *Тургеш каганта көрүг келти* 'От тюргешского кагана пришел лазутчик'. Поэтому этот падеж называют иногда «местно-исходным».

В караханидских памятниках афф. *-да* еще сохранял двойственное значение: местного и исходного падежей. Ср. *йәрде кол-* 'встать

с земли'; Кишиде талула бу ики кишиг 'Выбирай из людей этих двух человек'; Каны бу кун олар миңинде бири 'Где они теперь, (хоть) один из тысячи'. В. М. Насилов в связи с этими примерами отмечает, что в гератских памятниках в противоположность караханидским местный падеж моносемантичен и значения аблативности не имеет. Для передачи аблативности стабилизировался только исходный падеж, который имеет то же значение в караханидских и хорезмском памятниках.¹⁷⁶

Семантически местный и исходный падежи связаны между собой.

2. Исходный падеж. В хакасском литературном языке он представлен аффиксом -дан (с фонетическими вариантами). Этот падеж имеется и в других тюркских языках и его аффиксами являются -дан/-дан, -дын/дын (с вариантами). В чувашском -ран, -тан/тен. Примеры из хакасского языка: айдаң 'от луны', чылдаң 'от году', кизидең 'от человека', чирдең 'от земли', колдең 'из озера', тоннаң 'от шубы', чоннаң 'от народа', куннең 'от солнца', синнең 'от тебя', аттаң 'от коня', астаң 'от пиши', пуктең 'от луга' и т. д.

По данным Н. Ф. Катанова, в тувинском языке исходный падеж образуется аффиксами -дан/-ден (после н, ң, м иногда -нан/-нен, -тан/-тен, 'а в говоре урянхайцев (т. е. тувинцев—М. Б.), живущих близ абаканских инородцев (т. е. хакасов—М. Б.), бельтиров, -дан/-ден, -нан/-нен, -таң/-тең'¹⁷⁷, т. е. точно также, как и в хакасском языке с конечным н.

Примеры из других языков Южной Сибири (по Н. Ф. Катанову): в алтайском: уулдаң 'от сына', кижидең 'от человека', колдоң 'от руки', колдөң 'из озера', камнаң 'от шамана', сарыннаң 'от песни', эмнең 'от лекарства', куннөң 'со дня', кыстаң 'от дочери', оттоң 'от огня', көстөң 'от глаза'.

В камасинском: тагдаң 'от горы', колдөң 'из озера', куннең и кундөң 'со дня' тсчнөң 'с холма', астаң 'от горностая', элтең 'из дому', сүттөң 'из молока'. Камасинское наречие мало отличается от качинского диалекта. Условно можно было бы рассматривать его как один из периферийных диалектов хакасского языка. И в склонении наблюдается совпадение падежных форм этого наречия с качинскими и кызыльскими диалектами. Например, пары (варианты) в камасинском образуются только аффиксами с передними гласными (-дөң, -нөң, -төң), в то время как в алтайских диалектах пары образуются и аффиксами с задними гласными (-доң, -ноң, -тоң).

В карагасском (тофа): хаандан 'от царя', чылдан 'от году', кардан 'из снега', оолдан 'от сына', талайдан 'от моря', кижидең 'от

¹⁷⁶ В. М. Насилов. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. «Вопросы языкознания», 1971, 1, стр. 106—107.

¹⁷⁷ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 271.

человека', *хәлден* 'от озера', *чәрден* 'из земли', *коораттан* 'из города' *чарыктан* 'из щели', *сәбктен* 'из кости'. По признаку падежных аффиксов это наречие сближается с тувинским языком.

В шорском: (по Н. Ф. Катарову, стр. 280) *малдаң* 'от скота', *тагдаң* 'с горы', *чердең* 'от земли', *колдоң* 'от руки', *бәлмәң* 'от смерти', *аттаң* 'от коня', *сөстөң* 'от слова'. Однако по данным Н. П. Дыренковой, сингармонистические аффиксы исходного падежа на -дон/-дөн, -ноң/-нөн, -тоң/-төн в шорском языке не отмечены. Например: *көбүктең* 'из пены', *сөстөң* 'от слова', *аяктаң* 'из чашки', *молаттаң* 'из стали', *пулуттаң* 'из облака', *турадаң* 'из города', *карагайдаң* 'из сосны', *кебедең* 'из лодки', *пүрдең* 'из листа', *торумнаң* 'из шинши', *иннең* 'из берлоги', *сыыннаң* 'от марала', *чоннаң* 'от народа', 'из народа', *үннең* 'от голоса' и т. д.¹⁷⁸ Легко заметить, что здесь аффиксы исходного падежа полностью совпадают с хакасскими.

В кюэриком: *йаадаң* 'от врага', *күжидең* 'от человека', *көлдөн* 'из озера', *каннаң* 'из крови', *аштаң* 'от пищи', *элтәң* 'из дому', *көптөң* 'от многих'. Это наречие близко сходится с кызыльским диалектом хакасского языка. По огласовке аффикса исходного падежа и конечному согласному (н) оно близко также к шорскому языку.

Примеры из диалектов хакасского языка (по Н. Ф. Катарову же).

В сагайском и бельтирском: *аалдаң* 'из селения', *аргадаң* 'от спины', *чилдең* 'от ветра', *чоннаң* 'от народа', *кумнаң* 'от песка', *күстең* 'с осени', *көптең* 'от многих'. Отметим от себя, что в бельтирском говоре иногда встречается -наң вм. -даң: *хайнаң* вм. *хайдәң* 'откуда'; или: *хайнары* вм. *хайдар* 'куда', т. е. происходит чередование д—н при основах с конечным й.

В качинском и койбальском: *кабырҗадаң* 'от ребра', *кардаң* 'от снега', *чирдең* 'от почвы', *оолактаң* 'от мальчика', *күмүштең* 'от се ребра'.

В кызыльском: *айдаң* 'от луны', *аалдаң* 'из селения', *күжидең* 'от человека', *эрдең* 'от мужа', *көлдөң* 'из озера', *тоннаң* 'от шубы', *каннаң* 'от царя', *пиченнең* 'от сека', *аттаң* 'от коня', *элтең* 'из дому', *мөттөң* 'от меда'.¹⁷⁹

Выше уже указывалось, что в орхонских текстах исходный падеж не был развит. Но в уйгурских средневековых памятниках исходный падеж представлял собой отдельную морфологическую категорию, обозначавшую исход, удаление, оформленную аффиксом -дын/-дин, -тын/-тин; в некоторых текстах встречается также -дан/

¹⁷⁸ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Д., 1941, стр. 44—45; см. также: Г. Ф. Бабушкин, Г. И. Донидзе. Шорский язык. «Языки народов СССР. т. II. Тюркские языки». М., 1966, стр. 470—471.

¹⁷⁹ Н. Ф. Катаров. Указ. соч., стр. 277, 275.

-дэн: тэңридэн 'от бога', балыгтын 'из города'; улустын улуска, илтин илкэ... «из страны в страну, от племенного союза к племенному союзу...»¹⁸⁰ В уйгурских текстах встречаются: мениңдин 'от меня', сениңдин 'от тебя', аныңдын 'от него', т. е. к родительному падежу прибавляется исходный падеж.

В памятнике Мухаббат-Наме исходный падеж неизменно передается аффиксом -дин/-тин: топракдин 'из земли', сэдэфтин 'из раковины'¹⁸¹ и т. д.

По огласовке аффикса исходного падежа и его конечному согласному и с языком указанных памятников сближаются аффиксы диалектов чулымских тюрков, в которых исходный падеж представлен формами -дын/-дин, -тын/-тин: Келгэм аалдын үгээ үң, часта... 'Я вернулся из деревни в три часа...'; Удалын бредивис цывыктын, андын урадивыс пүктэ кырцын ортазынға 'Ловушку мы свиваем из прутьев, потом ставим на лугу среди куста'; тегендин вм. тегендең, ағастын вм. ағастаң 'от (из) дерева' и т. д.¹⁸² Это же явление мы наблюдаем в бельтирском говоре хакаского языка, например: чазыдың вм. литер. чазыдаң 'из поля или степи'; аның вм. анаң 'потом', сооның вм. соонаң 'после' и т. д., т. е. аффиксы исходного и родительного падежей совпадают. То же самое и в староузбекском: андын 'от него', көздін 'из глаза'. Совпадение аффиксов исходного и родительного падежей замечено так же в диалектах алтайского языка XIX в.¹⁸³

Аффикс исходного падежа на -дын (с вариантами) в тюркологической литературе принято было рассматривать как наиболее архаичную форму, поскольку она зафиксирована в памятниках древнеуйгурской письменности. Однако, можно также полагать, что уйгурская форма на -дын является вторичной, развившейся из -дан или -дан в результате редукции а > ы, которая происходила еще в древний период истории тюркских языков. Как известно, этот процесс наблюдается и в современных диалектах. Ср. в чулымск. Пығалдыныс узун пыға 'Связываем длинной верёвкой' вм. пағалдыныс и паға; в бельтирск. умыштар вм. нымахтар 'сказки', тастылытыр вм. тастантыр 'бросил (оказывается)'; анды вм. анда 'там', мынды вм. мында 'здесь', оолых вм. оолах 'мальчик', хозын вм. хозан 'заяц', кўріс вм. кўрес 'борьба', тамых вм. тамах 'горло', чабыл вм. чабал 'плохой' и т. д.¹⁸⁴

¹⁸⁰ В. М. Насилов. Древнеуйгурская письменность. М., 1963, стр. 37.

¹⁸¹ Хорезми. Мухаббат-Наме (Издание подготовил Э. Н. Наджин). М., 1961, стр. 110, 112, 192.

¹⁸² А. П. Дульзон. Тенеты нижнечулымского диалекта. В сб. «Вопросы хакаской филологии». Абакан, 1962, стр. 86, 87.

¹⁸³ «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 131.

¹⁸⁴ См.: М. И. Боргояков. Бельтирский говор сагайского диалекта. «Диалекты хакаского языка». Абакан, 1973, стр. 87—88.

Древнеуйгурский аффикс на **-дын** (с вариантами) сохраняется в хакасском и шорском языках в наречных словах (в качинском диалекте **-тын/-тін**, в сагайском **-тың/-тің**, т. е. с конечным **ң**):

Кач. д.

Саг. д.

ырахтын
тасхартын
індіртін
кідертін
іскертін
чоғартын
ибзертін
андартын
анартын
мындартын
пеертін
тағзартын
суғзартын
аалзартын

ырахтың 'из далёка';
тасхартың 'извне, с улицы';
індіртің 'снизу по течению реки';
кідертің 'с запада';
іскертің 'с востока';
чоғартың 'сверху по течению реки';
ибзертің 'из дому';
андартың 'оттуда';
анартың 'оттуда';
мындартың 'отсюда';
пеертің 'отсюда';
тағзартың 'с горы';
суғзартың 'с реки';
аалзартың 'с улуса';

Асхыссартың 'из Аскиза' и т. д.

По сообщению Н. П. Дыренковой, в шорском языке «старый исходный падеж (аблатив) на **-тын/-тин** сохранился в следующих выражениях: *Ноо-ноо черге кедертин кастар учук парыбысты* 'Откуда-то со стороны пролетели гуси'; *Мен суг төбертин шыктым* 'Я поднялся снизу по реке (вверх по реке)'; *Өрертин салба ык келдилер* 'Сверху приплыли на плоту (вниз по реке)'; *Ага (аа) тебе тограртын көр салды* 'Поглядел на него сбоку (со стороны)'; *Мынартын чок парыбыстың (-парбыстың)* 'Зачем ты ушел отсюда?'; *Қартыга тайга сартын учукты* 'Ястреб улетел по направлению тайги'.¹⁸⁵

Эти же формы имеются в хакасском: *Сынзартын суғзар иңерге* 'От хребта спускаться к реке'; *суғзартын* 'со стороны реки'; *чирзертін* 'из земли'; *үжетчизертін* 'со стороны учителя' и т. д.

Приведенные выше примеры, очевидно, свидетельствуют о том, что языки (диалекты) — предки современных хакасского, шорского и чулымско-тюркского языков содержали когда-то аффикс исходного падежа **-дын/-дін**, **-тын/-тін**, который, однако, в более позднюю эпоху не получил широкого распространения в хакасском и шорском, где он уступил место аффиксу на **-дан/-ден**.

С другой стороны, в текстах уйгурской письменности тюркологи различают диалектные черты. Так, например, выделяется и-

¹⁸⁵ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л. 1941, стр. 69.

диалект (по А. Габен). Его признаками считается наличие во многих окончаниях и не первых слогах основы широкого гласного а (э) на месте узкого ы (і), например, в формах древнего орудного падежа -ан/-эн, древнего аккузатива -аг/-эг, деепричастия прошедшего времени -ап/-эп, относительных прилагательных -лаг/-лег и т. д.; наличие только звука б при отсутствии соответствующего губно-зубного в (суб 'вода', кобрат - 'собирать', йаблак 'плохой') и т. д.¹⁸⁶

Фонетические признаки этого н-диалекта, очевидно, сохраняются и в некоторых говорах хакасского языка. Так, например, представители улуса Казановки Аскизского района (саг. д.) вместо литературного ы, і, и употребляют в аффиксах а, э (е): оолгам-наң оолага в.м. оолгымның оолгы 'сын моего сына'; анаң соонда в.м. аның соонда, 'после этого'; Анаң ипчизін тудып алтырлар в.м. Аның ипчизін... 'Его жену поймали (схватили)'. В приведенных примерах, наоборот, аффикс родительного падежа совпадает с исходным. Ср. еще: Палғап саларзаң в.м. Палғап саларзың 'Привяжешь'; Тастирзең в.м. тастирзың 'бросишь'; парарзаң, идерзең, чөрерзең в.м. парарзың, идерзің чөрерзің 'пойдешь, будешь делать, будешь ходить'. Здесь возможно роль играет закон гармонии гласных, который в древнетюркский период проявлял себя сильнее в отдельной группе диалектов. Его действие мы наблюдаем в некоторых современных тюркских языках и диалектах. Ср., например, в башкирском: минец (род. п.) китал 'моя книга' и минен (исх.) 'от меня', различаются эти падежи конечным согласным аффиксов: ң — для род. п., н — для исходного. Ср. еще: Хәсәндең сыйыры корова Хасана', а в хакасск.: Хасанның инегі. Нечто похожее наблюдается и в якутском языке: алта 'шесть', в хак. и др. алты; колхоз ата (якут.) = колхоз ады (хак.) 'колхозный конь'; якутск. атта (вин. п.) = хак. атты 'коня' и т. д. Якутский язык в этом отношении, видимо, также содержит следы древнетюркского или древнеуйгурского н-диалекта.

В хакасском языке имеются указательные местоимения и наречия мына 'вот (этот)', ана 'вон (тот)', хайне 'где'. В якутском им соответствуют манна, онно, канна, которые, по мнению С. В. Ястремского, являются ассимилированными формами местного падежа (в дальнейшем утерянного в якутском языке) от указательных и вопросительных местоимений со значением наречий 'здесь', 'сюда', 'там', 'туда', 'где', 'куда'. В якутском языке, как известно, существует так называемый сравнительный падеж, который образуется с помощью аффикса -таагар (-лаагар, -даагар, -наагар). Имена в этом падеже (по Л. Н. Харитонову) обозначают предмет, с помощью которого (путем сравнения) определяется степень при-

¹⁸⁶ А. М. Щербан. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 20.

знака другого предмета: *Лев эхэтээр күйстээх* 'Лев сильнее медведя'; *Хатың тийтэгэр бөгд* 'Береза прочнее лиственницы' (ср. в хак.: *Ала нарыс абадаң күйстг* 'Лев сильнее медведя'; *Хазың тыйтаң пик* 'Береза прочнее лиственницы' — М. Б.). Имя в сравнительном падеже отвечает на вопросы: *кимнээгэр?* *я туюх-таагар?* 'в сравнении с кем?', 'в сравнении с чем?' (Имя в исходном падеже в хакасском языке в аналогичном значении отвечает на вопросы: *кемнен?* *нименең?* 'в сравнении с кем?', 'в сравнении с чем?' — М. Б.).

Полагают, что афф. -таагар образовался из -та + -гары, т. е. возник из аффиксов исходно-местного падежа -та и древнего на-правительного падежа -гары.¹⁸⁷

Относительно происхождения исходного падежа (-дан) Г. И. Рамstedт высказал следующее соображение. Местный падеж (локатив) употреблялся также для выражения имени действующего лица в предложении страдательного залога. В древнетюркском он применялся также для указания места (откуда); употребление данного падежа было очень многосторонним. От употребления аблатива в этом значении якутский язык получил разделительный падеж (партитив) с окончанием -та, напр.: *Уута агал* 'Принеси воды'. Этот падеж употреблялся в якутском языке, по-видимому, только в сочетании с повелительным наклонением.¹⁸⁸

По сообщению Б. А. Серебrenникова, источником партитива или частного падежа почти, как правило, является аблатив (т. е. исх. п.). Именно таким путем возник партитив в прибалтийско-финских языках и в якутском.¹⁸⁹

Можно, однако, допустить, что якутский частный падеж (партитив) на -да/-де, -та/-те, указывающего на неопределенную часть от целого, является «пережитком» древнего состояния тюркского местно-исходного падежа, если учесть, что мысль людей далеких эпох двигалась иначе, чем мысль наших современников и что «в древних языках часть обычно подчинялась целому, тогда как в новых языках она может выступать и независимо от целого».¹⁹⁰ Исходя из этого, можно полагать, что современное значение исходного падежа развилось от древнего значения (часть от целого).

Г. И. Рамstedт пишет, что с целью уточнения различия между местным и исходным падежами, к форме местного падежа было

¹⁸⁷ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, ч. 1. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 113.

¹⁸⁸ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 42.

¹⁸⁹ Б. А. Серебrenников. Вероятностные обоснования в логике паративности. М., 1974, стр. 178.

¹⁹⁰ Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка. «Вопросы языкознания», 1972, 1, стр. 29.

эпиклитически присоединено слово *йан* 'сторона'. В древних высеченных на камне надписях встречаются, по его мнению, формы типа *огуздайан*, *огуздан'ан*, *огуздандан* 'от огузов (-огузамн)', *оң-бейен*, *оңден'ен*, *оңденден* 'спереди, от передней стороны'. Это сочетание -да + -йан, полагает автор, развилось в сокращенное -дан, и во всех тюркских языках и диалектах мы находим исходный падеж на -дан (чув. -ран, -тан, -дан; койб. -дан, -таң, -наң). Для этимологии слова *йан* 'сторона' следует сравнить корейск. *тан* 'край', *рант*, *чинган* 'от дома'.¹⁹¹

Другими исследователями было высказано мнение, что аффикс исходного падежа -дан развился из аффикса местного падежа на -да.¹⁹² В противовес этому, а также утверждению, что в тюркском языке была одна падежная форма с синкретическим местно-исходным значением, А. М. Щербак пишет, что тщательное изучение всех доступных материалов не позволяет согласиться с такой интерпретацией. Он отмечает, что нет ни одного тюркского языка, в котором семантические значения местного и исходного падежей хотя бы частично совпадали, что форма исходного падежа единая (-тан, -дан, -тын, -дын) и это — убедительный довод в пользу соответствующей реконструкции на уровне праязыка, т. е. наличие единой формы не могло быть результатом поздней конвергенции. Очевидно, заключает А. М. Щербак, в языке старописьменных памятников и некоторых современных языках отразилось очень древнее региональное совпадение двух разных форм, происшедшее вследствие утраты конечного *н* в форме исходного падежа.¹⁹³

Относительно конечных *н* и *ң* в аффиксе исходного падежа существует предположение, что форма исх. п. -даң, -таң, -наң в хакасском и некоторых других языках и диалектах, в противовес -дан, -дын и т. п. в других языках, сохранилась под влиянием формы родительного падежа с конечным *ң*, где он развился из *н* (*н* > *ң*), т. е. предполагается, что более архаичной является -дан, -дын, а -даң, -дың — явление вторичное.¹⁹⁴

Однако известны случаи, когда именно *н* развивается из *ң*. Ср. в чувашском языке *ң* превратился в *н*, а в некоторых случаях в *м*; в турецком литературном языке *ң*, как правило, переходил в *н*; в тавриз-урмийском диалекте азербайджанского языка *ң* перешел в *н*; в караймском *н* сохраняется реже, обычно > *н*; в конце слова

¹⁹¹ Г. И. Рамstedт. Указ соч., стр. 43.

¹⁹² Сводку мнений о происхождении исходного падежа см.: А. Н. Конов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 96.

¹⁹³ А. М. Щербак. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания, «Сов. тюркология», 1972, 4, стр. 9—10.

¹⁹⁴ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 177.

н в древнетюркском языке вообще хорошо удержался. Лучше сохраняется в тюркских языках н в абсолютном исходе слова. В монгольских языках н может находиться только в конце слова или слога. В халха-монгольском, дагурском, уратском и бурятском н превратилось в н.¹⁹⁵

Если учесть приведенные данные, можно также допустить, что аффикс исходного падежа с конечным н является первичным, а аффикс с н — вторичное образование. Вопрос остается открытым.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Творительный падеж¹⁹⁶ в хакасском языке, как и направительный, является сравнительно новым падежом. По фонетическому облику он частично сходен с соответствующим падежом якутского языка. В качестве самостоятельного падежа он выделяется в шорском, казахском, чувашском, якутском, чулымско-тюркском и караймском языках. В других тюркских языках его функции выполняет послелог *пыла, піле* и т. д., от которого он, видимо, и произошёл.

В хакасском литературном языке творительный падеж представлен формами -наң/-нен: *малнаң* 'скотом', 'со скотом', *хоннаң* 'с народом', *суғнаң* 'водой', *кёһнең* 'озером', *кізінең* 'человеком', *итнең* 'с мясом', 'мясом' и т. д. Н. П. Дыренкова отмечала, что этот падеж лишь условно может быть назван падежом, т. к. хотя и наблюдается гармония гласных в его аффиксе, но все же отсутствует согласование начального согласного аффикса с конечным звуком основы (например, *мылтыхнаң* 'ружьём', 'с ружьём', *атнаң* 'конем', 'с конем', *тирекнең* 'тополем', 'с тополем' вм. ожидаемых *мылтыхтаң, аттаң, тиректең*). Поэтому, писала она, формант -наң/-нең может быть рассматриваем как послелог-аффикс, т. е. послелог, находящийся на пути превращения в аффикс.¹⁹⁷

Другие авторы выделяли его как самостоятельный падеж. Так, Н. Ф. Катанов писал, что творительный падеж отвечает на вопросы кем/нен и нименен 'кем' и 'чем', например: *Ол аны ағаснаң сапхан* 'Он его бил палкою'; *Аттаң пазылған пу чир* 'Эта земля топтана конем'. Он отмечал, что творительный падеж образуется через прибавление к основе слова окончаний -наң/-нең, напри-

¹⁹⁵ См.: М. Ряснен. Указ. соч., стр. 171, 172; а также В. А. Се-ребренников. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁹⁶ В тюркологической литературе этот падеж называется иногда «инструментальным», «орудным» или «орудно-совместным».

¹⁹⁷ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, стр. 20 — 21.

мер; *хаңаанаң* 'телегой'; в разговоре встречаются окончания *-таң/-тең*; имеются также древние окончания творительного падежа, употребляемые только некоторыми стариками сагайского племени, как-то: *-пыла/піле, -была/біле*: *ағасыла* 'палкою', *палтыбыла* 'топором'; в бельтирском говоре творительный падеж имеет окончания *-маң/-мең*: *холмаң* 'рукою', *атмаң* 'конем'; в койбальском и отчасти в качинском творительный падеж представлен аффиксами *-пынаң/-пінең, -мынаң/-мінең, -бынаң/-бінең*: *атпынаң* 'конем', *сөспінең* 'словом', *хабырғабынаң* 'ребром', *көлбебінең* 'корытом', *холмынаң* 'рукою', *көлмінең* 'озером'.¹⁹⁸

В другой работе Н. Ф. Катаров снова пишет, что в качинском диалекте творительный падеж имеет аффиксы *-пынаң/-пінең, -бынаң/-бінең, -мынаң/-мінең*; в сагайском: *-наң/-нең*; в бельтирском *-маң/-мең*. Кач. *холбынаң* — саг. *холмаң* — бельт. *холмаң* 'рукою'; кач. *ханмынаң* — саг. *ханняң* — бельт. *ханмаң* 'кровью, с кровью'.¹⁹⁹ Об этом же сообщал С. Д. Майнагашев: «Форма имен существительных, соответствующая русскому творительному п., у качинцев образуется через прибавление к корню частиц *-бынаң, -бінең, -пынаң, -пінең*, напр.: *малбынаң* 'со скотом', *малтыбынаң* 'топором', *сүтпінең* 'с молоком'; у шорцев соответствующие частицы *-была, -біле, -пыла, -піле*; у сагайцев *-наң, -нең*. Ср. у шорцев: *малбыла* 'со скотом', *никпи́ле* 'коровой'; а у сагайцев: *малнаң, никнең*». ²⁰⁰

Творительный падеж на *-наң/-нең* впоследствии был принят в качестве литературной нормы. Под влиянием литературного языка этот аффикс внедряется в другие диалекты. В последних частично еще сохраняются формы *-бынаң/-бінең, -пынаң/-пінең; -была/-біле, -пыла/-піле; -ла/-ле; -маң/-мең*. Следует отметить, что в сагайском диалекте иногда употребляется форма *-даң/-дең, -таң/-тең* вм. *-наң/-нең*. Ср. в сагайских говорах: *малдаң* вм. *малнаң* 'скотом', *холдаң* вм. *холмаң* 'рукой', *аттаң* вм. *атмаң* 'конем' и т. д. Поскольку творительный падеж на *-даң* совпадает с исходным падежом, в литературном языке употребляют только *-наң/-нең* в любой позиции, хотя и запрашивается иногда *-даң/-дең, -таң/-тең*.

Существование творительного падежа в хакасском литературном языке обосновывается также Г. И. Донидзе.²⁰¹ Автор отмечает,

¹⁹⁸ Н. Ф. Катаров. Грамматика сагайского наречия татарского языка. Ч. 1. Красноярск, 1882, стр. 31, 59—60 (рукопись).

¹⁹⁹ Н. Ф. Катаров. Отчет о поездке в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897, стр. 102—103.

²⁰⁰ Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. С. Д. Майнагашева. «Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 3, 1914, стр. 121.

²⁰¹ Г. И. Донидзе. Формы и значения творительного падежа в хакасском литературном языке. «Вопросы хакасского языка и литературы» Абакан, 1955, стр. 145.

что закону гармонии гласных в хакасском языке подчиняется не только сам показатель творительного падежа, но и его исходный материал — послелог **бынаң, бінең, пынаң, пінең**. Даже этот послелог, если судить о нем лишь с точки зрения сингармонизма, можно зачислить в разряд аффиксов, не говоря уже о дальнейшей ступени его развития (**-наң/-нең, -таң/-тең, -даң/-дең**).²⁰²

Как известно, к признакам, характеризующим аффиксы, принято относить: отсутствие полновесной материальной семантики; невозможность отдельного употребления вне связи не только со словосочетанием (синтаксический контекст), но и с основой или корнем отдельного слова (морфологический контекст); наличие ударения, наличие ряда звуковых вариантов, подчиненных определенной закономерности.²⁰³

По мнению Г. И. Донидзе, перечисленные выше признаки характерны и для творительного падежа хакасского языка. Его аффикс лишен своего самостоятельного материального значения, имеет ряд фонетических вариантов и не употребляется отдельно.

Об ударности аффикса творительного падежа на материалах сагайского диалекта сообщает А. И. Инкижекова.²⁰⁴

Аффикс творительного падежа **-наң/-нең** первоначально развился в сагайском диалекте. Г. И. Донидзе заключает, что творительный падеж хакасского языка в своей основе это то же, что и послелог **блан, булан, менен** и т. д. в других тюркских языках.²⁰⁵

По мнению автора, утвердившаяся в хакасском литературном языке форма творительного падежа **-наң/-нең** исторически восходит к послелогам **бынаң, бінең (пынаң, пінең): бынаң, бінең > -наң, -нең**.²⁰⁶

А форма **бынаң, бінең** возводится к общетюркскому **бирлен, бирле**. Этот послелог, по сообщению А. Н. Кононова, в истории развития узбекского литературного языка встречается в следующих разновидностях: **бирлан, бирла, билан, била, ила, ла**; в разговорном языке и диалектах известны также формы: **минан, манан, ман**. Послелог **билан**, по мнению некоторых тюркологов, восходит к слову **бирлан** < бир 'один' + ла + н.²⁰⁷

В современном турецком литературном языке этот послелог бытует в виде **иле, ла, ле**; он восходит также к слову **бирлен (бир-**

²⁰² Там же, стр. 146.

²⁰³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 50.

²⁰⁴ А. И. Инкижекова. Сагайский диалект хакасского языка (рукопись канд. дисс.). М., 1948, стр. 83.

²⁰⁵ Г. И. Донидзе. Указ. соч., стр. 145.

²⁰⁶ Там же, стр. 149.

²⁰⁷ См.: А. Н. Кононов. Послелог в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, стр. 9; его же. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 297—298. Здесь же дается сводка мнений о происхождении этого послелога.

ле-н), где *бир* — числительное 'один', -ле — аффикс, образующий глаголы от имен, -н — аффикс дееспричастия; таким образом, после-лог *бирлен*, по мнению А. Н. Кононова, первоначально мог иметь значение 'совместно, заодно'. Процесс исчезновения начального *б* сопровождался сложным процессом фонетической трансформации слова *бирлен* > *биле* > *биле* > *иле*.²⁰⁸

Таким образом, хакасский творительный падеж на -наң/-нең восходит к древнему общетюркскому *бирле*, -*бирлен*, которое в современных тюркских языках получило различное развитие. В некоторых из них оно бытует как послелог, в других развилось в падежный аффикс. Так, в шорском языке (по Г. Ф. Бабушкину и Г. И. Донидзе), где он назван орудным падежом, аффиксами его выступают -ба/-бе, -па/-пе, -ма/-ме: *шанаба* 'с лыжей', *пычакпа* 'пожом', *казанма* 'котлом', -*көлбе* 'озером', *пүрбе* 'листом', *айба* 'месяцем', *акказыба* 'его монетами'; *мееңме* 'со мной', 'мной', *сееңме* 'с тобой', 'тобой', *ааңма* 'с ним', 'ним'.²⁰⁹ Ср. хак. *миннең*, *синнең*, *аннаң*.

В чувашском языке (по И. А. Андрееву) этот падеж представлен аффиксами -па/-пе, -пала/-пеле: *паса́рпа* 'базаром', *самолетпа* 'самолетом'; *манпа* 'со мной', *санпа* 'с тобой', *унпа* 'с ним'; *алапа* 'тыт' 'держась руками'; *урампа пыр* 'идти по улице' и т. д.²¹⁰

В караимском (по К. М. Мусаеву) этот падеж имеет аффиксы -ба/-бя/-бе: *Сендир отну сувба*, *йаманлыкны достаукба* 'Гаси огонь водой, а зло — дружбой'.²¹¹ В казахском (по С. К. Кенесбаеву и Н. Б. Карашевой): -мен/-бен/-пен (иногда -менен/-бенен/-пенен): *корамен* 'со двором', *уймен* 'с домом', *казакпен* 'с казахом', *менимен* 'со мной', *сенимен* 'с тобой', *анымен* 'с ним'.²¹² В якутском (по Е. И. Убрятовой) творительный падеж имеет аффиксы: -нан, -ынан: *атынан* 'конем', *аппынан* 'моим конем'; *миигинэн* 'со мной', *эйигинэн* 'тобой', *киининэн* 'им' и т. д.²¹³ В чулымско-тюркском А. П. Дульзон также выделял орудный падеж (-была, -бла, -биле, -беле; -пыла, -пла, -пиле, -пеле в нижнечулымском и -ла, -ле в среднечулымском): *айрыбла* 'рекой', *кижилербеле* 'с людьми', *меңбеле* 'со мной', *сеңбеле* 'с тобой', *аныңбла* 'с ним'; *пистиңбеле*, *слерниңбеле*, *оларныңбла*. В среднечулымском: *Пистиң тилле айт* 'Скажи на нашем языке'; *Ааңла келген* 'Он с ним пришел'; *Ағам ла пағам* 'Я пошел со своим отцом' и т. д.²¹⁴ Форма -ла/-ле была известна уже в язы-

²⁰⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 314.

²⁰⁹ Языки народов СССР, т. II. М., 1966, стр. 470—471.

²¹⁰ Там же, стр. 48, 51.

²¹¹ Там же, стр. 265.

²¹² Там же, стр. 323, 327.

²¹³ Там же, стр. 409.

²¹⁴ Там же, стр. 450—451.

ке тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. Она бытовала наряду с бирле: *илиле* 'рукой', *кылыч бирле* 'мечом'.²¹⁵

Как известно, только в якутском языке творительный падеж имеет близкий к хакасскому аффикс: *-нан* (*-нэн*, *-нон/-ноһ*) после гласных и *-ынан* (*-инэн*, *-унан/-үнэн*) после согласных (вопросы *күмүһүнэн?* 'тугунаа? 'кем? 'чем?'): *уолунан* (якут.) и *оолгынан* (хак.) 'со своим сыном'; *дружбанан эрбизхлит* (якут.) и *дружбанан кистибис* (хак.) 'распилили дружбой'; *суханан хоруталаллар* (якут.) и *салданан хыра тартыбыс* 'пахали сохой'. В. В. Радлов полагал, что якут. *-нан* происходит из афф. *-лан*, соответствующего среднеазнатской форме *-лен*, возникшей из *бирлен*. Он указывал также на то, что в алтайском и абаканском языках этот послелог имеет формы *мынан*, *ман* и *наң*.²¹⁶ С. В. Ястремский считал, что афф. *-нан* возник из аффикса совместного падежа *-лан*, который якобы встречается у местоимений, собственных и притяжательных имен. В якутском языке, отмечал автор, *-нан*, *-ынан* уже аффикс. «В именах он ведает почти исключительно отношениями творительного п.»²¹⁷ Л. Н. Харитонов замечает, что в якутском языке афф. совместного падежа всегда произносится с долгим гласным и притом обычно узким: *күһүһүнэн* 'вместе с ним', *күһүһүнэн* 'вместе с человеком', *оһотунуун* 'вместе с его ребенком'. В качестве параллельной или диалектной формы можно услышать и широкий гласный, но тоже долгий: *оһотунаан*, *убайынаан*, *Марфалаан*. Недоразумение, по предположению автора, вызвано тем, что Бётлингк и Радлов не всегда замечали долготу гласного (стр. 111).

Совместный падеж в современном якутском языке образуется с помощью афф. *-лыын* (*-тыын*, *-дыын*, *-ныын*). В якутских грамматиках указывают еще афф. *-лары*, *-лаан*, *-лан*. Но, по словам Л. Н. Харитонova, имена в форме *-лары* употребляются лишь в определенном смысловом контексте и всегда обозначают сопутствующий объект действия. По значению они скорее характеризуют действие, направленное на главный объект, и приближаются в этом отношении к наречиям: *Бысахпын кыыннары сүтэрдим* 'Свой нож я потерял вместе с чехлом'; *Бу сааны хаалары ылытым* 'Я взял это ружье вместе с чехлом' (ср. хак. *Пычагымын хынынаа хада чидирдим* и *Пу мытыхты хабынаа хада алдым*. Якутский совместный падеж в данном случае соответствует хакасскому творительному, причем, в хакасском косвенное дополнение сочетается с послелогом *хада*, а в якутском послелога нет — М. Б.). Если же эту

²¹⁵ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 89.

²¹⁶ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. М., 1938, стр. 52.

²¹⁷ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, ч. I. Якутск, 1947, стр. 111.

форму относить к числу падежных форм, замечает Л. Н. Харитонов, то ее следовало бы назвать не совместным, а совместно-винительным падежом.²¹⁸

Якутский совместный падеж по семантике весьма близок к хакасскому творительному падежу на -наң. Ср. якут.: *Ыт куоскалыын доҕордоһопт* 'Собака с кошкой не дружит' и хака.: *Адай хоосханаң ынаҕаһаһынча*; якут.: *Бу ат харахтыын маҕан* 'Этот конь с глазами белый (даже глаза у него белые)' и хака.: *Пу ат хараҕынаң маҕан (ах)*; якут.: *Туруйа сасыллыын ыалласпыттар* 'Журавль с лисницей стали соседями' и хака.: *Турна түлгүнең хончых полибысханнар*; якут.: *Аҕам убайбыннын куораттаатылар* 'Мой отец с моим старшим братом отправились в город' и хака.: *Пабам ачамиаң* (хада) *городсар парыбысханнар*.

Имя в якутском совместном падеже отвечает на вопросы: *к и м н и н?* *т у о х т у у н?* 'вместе с кем?', 'вместе с чем?' В хакасском языке имя в творительном падеже отвечает на вопросы: *к е м н е н?* 'кем?', 'с кем?', *и м е н е н?* 'чем', 'с чем?', а также *х а й д и?* 'как, каким образом?', *х а ч а н?* 'когда?' и по своим значениям подразделяется на: творительный совместности, творительный орудия или средства действия, творительный пути и пространства, творительный способа и образа действия, творительный времени, творительный содержания, творительный материала (по данным Г. И. Донидзе).

Творительный совместный указывает на совместность или участие нескольких лиц или предметов в одном и том же действии или состоянии. Примеры (по Г. И. Донидзе): *Вова иезинен кинода полҕан* 'Вова с матерью был в кино'; *Мин харындазымнаң пір школада үҕренчөм* 'Я со своим братом учусь в одной школе'; *Син городсар кемнен чөргөзін?* 'С кем ты ездил в город?'; *Пис аннаң хачаннаң пеер тоҕын парыбыс* 'Мы с ним с каких уж пор ведем работу'.

Значение совместности, соучастия и сопровождения нередко усиливается и подчеркивается послелогом *хада* 'вместе', иногда словом *пірее* 'вместе'. Однако послелог не обязателен. Ср.: *Санпир апсах пір оолнаң хада аңнап чөргөн* и *Санпир апсах пір оолнаң аңнап чөргөн* 'Старик Санпир вместе с одним парнем ходил на охоту'; *Аңчы адайынаң тайҕаа парыбысхан* и *Аңчы адайынаң хада тайҕаа парыбысхан* 'Охотник вместе со своей собакой ушел в тайгу'.

Аналогичный тип сочетания, как известно, встречается и в других тюркских языках, например, в башкирском.

Как видно из примеров, значение якутского совместного падежа в хакасском языке передает также творительный падеж (-наң). Приведенные выше примеры наводят на мысль о том, что якутский

²¹⁸ Там же, стр. 112—113.

совместный падеж, как и орудийный на -нан, имеет общий источник происхождения с творительным падежом в других указанных тюркских языках. Таким образом, значения хакасского творительного падежа (-нан) в якутском передаются разными аффиксами (-нан, -лыын и т. д.).

Как сообщает М. Ш. Ширалиев, в общенародном азербайджанском языке послелог *иле* совершенно отсутствует, вместо него употребляется послелог *-нан/-нен*, который, как и литературный (*иле, -ла/-ле*), употребляется в двояком значении: 1) совместного действия: *гардашым ла* (литерат. форма), *гардашымнан* (общенар. форма) 'с братом'; 2) орудия действия: *балта иле* (литерат. форма) и *балтайнам* (общенар. форма) 'топором'.²¹⁹ Далее автор пишет, что вторая разновидность этого послелога *-дан/-ден* недавно была обнаружена в керкукском диалекте азербайджанского языка (в Иракской республике) и в Таузском районе Азербайджанской ССР.²²⁰

Мы видим, что в азербайджанском языке, как и в хакасском, форма *-нан/-нен* имеет вариант *-дан/-ден*, совпадающий с аффиксом исходного падежа. По словам М. Ш. Ширалиева, употребление *-дан/-ден* в функции послелога для азербайджанского языкознания было совершенно новым фактом. Автор отмечает, что послелог *-дан/-ден* в азербайджанском безударный и также выступает в двух значениях: 1) совместного действия и 2) орудия действия, например: *айагыдан* 'с ногой', *дилден* 'с языком', *менимжиден сенувки* 'мое с тобой', *йолдан* 'с дорогой', *дуздан* 'с солью' (Таузский р-н, Аз. ССР).²²¹

Таким образом, в хакасском, азербайджанском (разговорном) и якутском языках послелог *бирле* (*бирлен*) получил примерно одинаковое развитие, т. е. он превратился в падежный аффикс: *-нан/-нен, -дан/-ден, -таң/-тең* (хак.), *-нан/-нен, -дан/ден* (азерб.), *-нан/-нен* (якут.) В хакасском и якутском он рассматривается как творительный падеж.

О превращении некоторых послелогов-частиц в падежный аффикс на материале узбекского языка пишет А. Н. Кононов. Он отмечает, что постепенно утрачивая свое первоначальное лексическое значение, послелог-частицы, эти некогда полноценные слова, переходят в разряд падежных аффиксов.²²² Наглядным примером превращения послелога в падежный аффикс является *бирлен, бирле*.

²¹⁹ М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные для истории тюркских языков (по материалам азербайджанских диалектов). «Сов. тюркология», 1970, № 5, стр. 23 — 24.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² А. Н. Кононов. Послелог в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, стр. 7.

В узбекском языке послелог *блан* (разновидность *бирлен*) до сих пор может управлять родительным и основным падежами (ср. менинг *блан* в разг. и мен *блан* в литер.), что свидетельствует о том, что данный послелог когда-то имел самостоятельное лексическое значение и мог управлять падежом.

Как отмечает в связи с этим А. Н. Кононов, наличие при послелогах-частицах того или иного падежа мотивируется теми же самыми причинами, что при объектно-глагольном управлении: глагол обуславливает форму имени-дополнения, что связано с лексическим значением глагола.²²³ Именно в сочетании *мен блан* послелог-частица полностью утратил — через изменение формы имени (род. п. заменен осн. п.) — свое лексическое значение, превратившись в служебный элемент, функционально совпадающий с любым словоизменятельным аффиксом.²²⁴

В другом месте А. Н. Кононов пишет, что при переходных глаголах, переходность которых связана с идеей комитативности, *билан* становится формантом, функционально сближающимся с падежом. На «объектные» функции послелога *билан* указывает и то обстоятельство, что у этого послелога имеется значительное число устойчивых сочетаний: *имя + билан + глагол имя*.²²⁵ При послелоге *бирле* (*биле*) в древнетюркских текстах могло употребляться *имя* с аффиксом родительно-винительного падежа: *Ер ики оглы бирле бати* 'Он умер вместе с двумя своими сыновьями'; *каганы бирле* 'с каганом', *бизни бирле* 'с нами', *оларны бирле* 'с ними'; иногда *имя* при этом послелоге употреблялось в основном падеже: *Аны көрүп, илик бег катуны бирле асукуп...* 'Увидев это, правитель-князь с женой (своей) поспешно просил рассказать так...' Как можно заметить из примеров, родительно-винительный падеж сохраняется при этом послелоге, главным образом, в личных местоимениях и при именах в форме принадлежности. Причем, винительный падеж здесь, видимо, объектного значения не имеет, он употребляется в этих случаях пережиточно. Подобное явление мы наблюдаем в современном киргизском языке, где этот послелог бытует в виде *менен*: *мени менен, сени менен, аны менен* 'со мной', 'с тобой', 'с ним'.²²⁶ В других тюркских языках встречается *мини биле* (с вариантами) 'со мной', в узбекском — *менинг блан* 'со мной'; в тувинском: *бис-биле* 'с нами', *силерниң-биле* 'с вами'.

В хакасском языке, как уже говорилось, разбираемый послелог

²²³ Там же, стр. 7.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Е го же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 301.

²²⁶ К. Карасаев. Семантика падежей в киргизском языке, стр. 31.

развился в аффикс *-наң/-нең*. Однако в качинском диалекте между этим аффиксом и личными местоимениями ед. ч. сохраняется, очевидно, аффикс родительно-винительного падежа: *минінең* (мин + *i+нең*) 'со мной', *синінең* (син + *i+нең*) 'с тобой', *анынаң* (он + *ны+наң*) 'с ним'. Здесь, таким образом, имеются два падежных аффикса (вин. и твор.), но первый употребляется в «застывшем» виде, т. е. падежного значения не имеет, причем, лишь при личных местоимениях, а последние, как известно, обычно дольше других сохраняют старые падежные формы. В литературном языке он исчез даже при личных местоимениях: *миннең, синнең, аннаң*. В то же время в качинском диалекте при других именах употребляется форма *-бынаң* (с вариантами) вм. литер. *-наң*: *холбынаң* 'рукой', *атпынаң* 'конем' и т. д.

В современном башкирском языке, отмечал Н. К. Дмитриев, послелог *менен* имеет инструментальное значение тогда, когда он управляет словом, обозначающим так называемый «неодушевленный» предмет, а не лицо, например, *салғы менен* 'косой'. Если же послелог управляет словом, обозначающим «одушевленный» предмет в смысле человека (но не животных), то тогда послелог приобретает сопроводительное значение, например: *укытыусы менен* 'с учителем'.²²⁷ Если же необходимо отчетливо выразить сопроводительное значение послелога *менен*, после него ставится пояснительное слово *берлекте* или *берге* (значения близкие 'вместе, сообща'); *атасы менен берлекте* 'вместе с отцом', 'с отцом'.²²⁸ То же самое мы наблюдаем в хакасском литературном: *адазынаң хада* (или *пірге*) 'вместе с отцом'. Вместо башкирского *берлекте* или *берге* в хакасском употребляются *хада* (дееприч. форма) или *пірге* (*pір* 'один' + *ге* — дат. п.).

В башкирском языке послелог *менен* соответствует русскому творительному падежу, но только не один послелог, а целый комплекс: *менен* + управляемое им слово. В хакасском же языке данный послелог, превратившись в падежный аффикс, уже утратил способность управлять. В башкирском языке послелог *менен* чаще всего управляет основным («неопределенным» по Н. К. Дмитриеву) падежом предшествующего ему имени. Но он может управлять и родительным падежом. Это наблюдается, по словам Н. К. Дмитриева, тогда, когда управляемое послелогом слово стоит в категории определенности. Конкретнее говоря, это бывает тогда, когда перед послелогом *менен* стоят личные местоимения (кроме слова *улар* 'они') и указательные (последние только в единств. ч.), т. е. как раз такие элементы, которые логически не могут быть в

²²⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л. 1948, стр. 121.

²²⁸ Там же.

категории неопределенности. Примеры: *минең менен 'со мной', безең менен 'с нами', тегенең менен 'с тем', но улар менен 'с нами', ошолар менен 'с этими'*.²²⁹

В хакасских диалектах творительный падеж (-нан) имеет ряд разновидностей. Так, например, в сагайском: -нан/-нең, -дан/-ден, -тан/-тен, -бан/-бең, -пан/-пен, -ман/-мен; в качинском: -бынан/-бінең, -пынан/-пінең, -нан/-нең, -дан/-ден, -тан/-тен; в кызыльском: -пыла/-піле, -была/-біле, -ла/-ле, -маң/-мең; в шорском: -биле/-пиле, -пла/-пле, -мла/-мле, -маң/-мең, -нан/-нең.

В соседнем шорском языке им соответствуют: -пыла/-пиле, -была/-биле, -мыла/-миле, -ба/-бе, -па/-пе, -ма/-ме (*күрчекке 'лопатой', атпа 'конем', кебебе 'лодкой', шанаба 'лыжами', кулакпа 'ушами'*). Эти особенности отмечены также С. Д. Майнагашевым, писавшим, что «творительный п. в шорском образуется через прибавление к корню частицы -была или биле, -пыла или пиле, в зависимости от характера основных гласных и конечного звука основы, напр.: *малбыла 'скотом', никпіле 'коровой'*, тогда как в сагайском поднаречия та же форма образуется через прибавление частиц -нан или -нең: *малнан, никнең*». ²³⁰ В шорском литературном языке, по сообщению Н. П. Дыренковой, употребляется сокращенная форма -па/-пе, -ба/-бе, -ма/-ме. При этом автор замечает, что послелог-аффикс -па, -пыла сливается в отношении сингармонизма как гласных, так и согласных с изменяемым словом и, таким образом, приближается к аффиксам. Вот почему, отмечает она, сочетание имени с послелогом-аффиксом -пыла, -па в шорском языке можно до некоторой степени считать условно совместно-инструментальным или орудным падежом. ²³¹

Отметим еще раз, что приведенные нами материалы из разных тюркских языков наглядно показывают постепенное превращение общетюркского послелога бирле или бирлен в падежный аффикс. Особенно заметен этот процесс в хакасских и шорских диалектах. Примерное развитие шло таким образом (по диалектам): бирлен или пирлен (в данном случае конечный и перешел, видимо, в н) > (р выпадает) билен или билең, пилең или пилең.

Вариант с конечным н в виде -булаң, -білең, -пулаң, -пілең зафиксирован в чиланском говоре сагайского диалекта: Халгахпулаң таң пöлерде, хабыспулаң суғ пöлерде... (фольк.) 'Когда мутовкой горы отделялись (один от другого), когда ковшом реки отливались...' (по материалам О. В. Субраковой).

²²⁹ Там же.

²³⁰ Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г. С. Д. Майнагашева. Пр., 1914, стр. 108—109.

²³¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 45.

В чулымском говоре *блаң* и *лаң* (*палтыблаң* 'топором', *шолаң* 'дорогой', 'по дороге').

Под влиянием конечного *н* или *п* согласный *л* переходит в *п*: *билең*, *билең* > *биниң* (*бинен*); последний вариант в качинском диалекте и койибальском говоре частично сохраняется и поныне. Письменно зафиксирован он в середине XIX в. М. Кастреном, который приводит следующие примеры: *-ёнаң*, *-пенаң*, *-менаң* или *-бенен*, *-пенен*, *-менен*: *Колбенаң сапте* 'ударил рукою', *Карандаспенаң килді* 'Приехал с братом', *Чолбенаң барде* 'Поехал дорогой'; далее приводятся примеры на *-біле*: *тағбіле* 'горой', *чоғбіле* 'с народом'.²³⁷ Приведенные формы свидетельствуют, видимо, о переходном этапе в развитии послелога в сторону падежного аффикса.

Позднее Н. Ф. Катанов сообщил, что в койибальском и отчасти качинском творительный падеж имеет формы *-тынаң/-пинен*, *-мынаң/-минен*, *-бынаң/-бинен*: *атпынаң* 'конем', *хэспинең* 'словом', *кабырғабынаң* 'ребром', *кәлбебінең* 'корытом', *колмынаң* 'рукою', *кәлмінең* 'озером'.²³⁸ Из данных Н. Ф. Катанова видно, что разбираемая форма подвергается закону сингармонизма, становясь таким образом аффиксом.

В сагайском же диалекте формы *-бынаң/-бінең*, *-пынаң/-пинең* в результате выпадения среднего *п* превращаются в *-бааң/-беен*, *-пааң/-пеен*, которые затем в результате сокращения долгого гласного развиваются в *-баң/-бен*, *-таң/-пен*; в некоторых говорах начальный *б* или *п* переходят в *м*: *-баң* > *-маң* и т. д. Под влиянием конечного *ң* начальные *б* (*п*) или *м* переходят в *н*: *-баң*, *-маң* > *-наң*, от которого развились *-даң/-таң* (и их варианты).

В кызыльском диалекте и белтырском говоре сагайского диалекта сохраняется вариант *-маң/-мен*. Здесь, как известно, начальный *б* (*п*) часто переходит в *м*. Ср.: вместо общесагайского *пәлчәбең* белтырцы говорят *пәлчәмең* 'знаешь ли ты'.

С другой стороны, в кызыльском и шорском мы наблюдаем несколько иное развитие указанного послелога: *бирле* (*пирле*) > *-биле* (*-пиле*)/*-была*, *-мыла/-милә*. В кызыльском диалекте: *-біле*, *-піле* (с вариантами) > *-ле* (*-лә*); а в соседнем мелетском говоре совместно-орудный падеж имеет афф. *-блаң*, *-лаң*: *шолаң бар* 'иди по дороге', *пышаклаң кәс* 'ножом отрежь', *палтыблаң кәс* 'топором переруби' ((по А. П. Дульзону). В шорском языке: *-пиле*, *-биле* (с вариантами) > *-пе*, *-бе* (*-ба*, *-па*, *-ма*, *-ме*).

Указанные выше формы творительного падежа встречаются и в фольклорных текстах:

²³⁷ М. А. Кастрен. Опыт изучения койибальского и карагасского наречий. СПб., 1857, стр. 63, 64 (на немецк. яз.).

²³⁸ Н. Ф. Катанов. Грамматика сагайского наречия татарского языка, ч. I. Красноярск, 1882 (рукопись).

Толған иткен тобырчынан

Хамчы сапхан Хулатай.

'Плетью, сделанной из крученных ремешков,
Ударил Хулатай'.

Ах кибисче чоох-чаах ла пар парилар.

'По белому ковру они идут и разговаривают'.

Азыр хол ла кил чапсынмысты,

Ам кил сығара тартып одыр...

'Двумя руками вцепился он,

Вот уже вытаскивает...'

(по О. В. Субраковой).

В хакасском языке в качестве литературной формы творительного падежа принят аффикс **-нан/-нең**; остальные разновидности рассматриваются как диалектные.

Почти все приведенные в хакасском и шорском языках разновидности (варианты), возникшие из *бирле*, *бирлен* (*пирле*, *пирлен*), как указывалось выше, мы наблюдаем во многих современных тюркских языках.

Неравномерность развития послелога *бирле* или *бирлен* наблюдается не только в межтюркском плане, но и в пределах одного из тюркских языков, в его диалектах, где сохранялись переходные формы. Закономерности бытования и развития этого послелога в разных языках имеют некоторые общие черты. В одних тюркских языках он превратился в падежный аффикс, в других он продолжает оставаться послелогом, а в третьих рассматривается как послелог-аффикс.

Как уже указывалось, в тюркологической литературе установилось мнение, что в языке орхон-енисейских и древнеуйгурских памятников существовал особый инструментальный (орудный) падеж, состоящий из афф. **-н**, **-ын/-ин**, **-ун/-үн** и совпадающий по форме с винительным падежом при именах в форме принадлежности. Вернемся к этому вопросу еще раз. В *н*-диалекте древнеуйгурского языка указанный падеж имел афф. **-ан/-эн** (т. е. вм. начальных **ы**, **и** употреблялись **а**, **э**): ... *Кёзин кёрмэдүк кулкакын эсидмэдүк бу-дунмын...* 'Мой народ, то чего, (он раньше) не видел глазами, не слышал ушами...' *Сүңиг сабын йымшак, агын арын...* '...Прелестная сладкой речью, изящными дарами...' и др. Касаясь данного вопроса, В. М. Насилов писал, что омофония между аффиксами инструментального и поссесивно-винительного падежа (при аффиксе принадлежности) указывает на семантическую связь между

²³⁴ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 19.

объектом действия и орудием или средством действия...²³⁵ По мнению тюркологов, исторически этот падеж исчезает и в современных тюркских языках следы его сохраняются только в окостеневших или малопродуктивных образованиях. К ним обычно относят: кирг. *кышында* 'зимой', *жазында* 'весной'; тув. *кызын* 'зимой', *чазын* 'весной', *чайын* 'летом', *күзүн* 'осенью'; тат. *язын* 'весной', *көзен* 'осенью'; турецк. *йазын* 'летом' (*йаз* 'лето'), *кышын* 'зимой', *гүндүзүн* 'днем' (*гүндүз* 'день'). По данным А. Н. Кононова, этот аффикс встречается также в ряде других наречий: *илкин* 'сначала' (*илк* 'первый'), *үстүн* 'поверхностно' (*үст* 'верх'), *өнүн* 'вперед, вперед' (*өн* 'перед'), *йакын* 'близко' (*йак* 'край') и др.²³⁶ В хакасском: *чахызын*, *чайгызын*, *күскүзүн*, *хысхызын*; *хараазын* 'ночью', *күнөрткүзүн* 'днем'; *Чайгызын тогындым* 'Летом я работал'; *Хараагызын тынандым*, *күнөрткүзүн тогындым* 'Ночью я отдыхал, днем работал'; *Тайгада чуртапчатханнар күскүзүн хузух итчеңнер*, *хысхызын, тизең, аңаңаңнар* 'Таежные жители осенью орешничали, а зимой охотились'; *Үгү, чіең ниме кілеп, хараагызын учух чөредір* 'Филин в понсках добычи летает ночью'; *Чил күнөрткүзүн улгаатхан* 'Ветер днем усиливался'. Подобные примеры часто встречаются в шорском языке: *Чайын нагбур* (*наңмыр*) *көп чагды* 'Летом часто шел дождь'; *Мен чайын колхозта иштедим* 'Я работал летом в колхозе'; *Каан тужында тогынчылар күнүн он частаң иштегеннер* 'Во времена царизма рабочие работали по десять часов в сутки'; *Меең ичел күскүзүн кендир чулды* 'Моя мать осенью теребила коноплю'; *Канчеччи айын мында чатча* 'Который месяц здесь живет (он)?'; *Абырын* (или *абыр*, *абырынаң*) *чада перди* 'Спокойно жить стал'; *Поны көргөн капчыгайын качыра перди* 'Увидевши это, скорее (коня) погна́л'; *ииргизин ол келди* 'Вечером он пришел'; *Караагызын салгын чох тыбык көнүбе парарга тың чакшы* 'Ночью итди (в лодке) в безветренную погоду по тихому плесу очень хорошо'.²³⁷

Слова в так иazyзаемом инструментальном падеже выше приведенного типа бытовали в качестве наречий еще в языке древнетюркских памятников. Ср., напр., в памятнике хану Могилянчу: *кышын* 'зимой', *йазын* 'весной', *йайын* 'летом'. В орхоно-енисейских и древнеуйгурских текстах этот падеж употребляется сравнительно редко. И по наблюдению исследователей, ни один из памятников восточно-туркестанского языка не обнаруживает в широких размерах следов древних форм орудного (-ын) и винительного (-ыг) падежей местоимений, или наоборот, «стяженного» направительно-

²³⁵ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М. — Л., 1960, стр. 26.

²³⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 284.

²³⁷ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М. — Л., 1941, стр. 69.

то для существительных (ср. *аңар*, *ан-ғар*; *муңар*, *мун-ғар*; *мэңэр*, *мен-гэр*).²³⁸ А личные местоимения в «инструментальном» падеже вообще не стоят, т. е. не зафиксированы.

А. Булатов приводит ряд слов, стоящих, по его мнению, в орудном (инструментальном) падеже на *-ин*, из средневековых тюркских памятников. При этом он пишет, что в современном венгерском языке аффикс *-ин* также является образователем орудного падежа: *öt* 'пять' и *ötten* 'пятеро', *tel* 'зима' и *telen* 'зимой' и т. п. и что в настоящее время аффикс *-ин* широко употребляется в финно-угорских языках в качестве показателя орудного падежа.²³⁹

Аффикс *-ин/-ын* употреблялся в значении творительного падежа в словаре М. Кашгари (XI в.): *Тилең текмишиңи тешиңи йазмас* 'Что ешито (сказано) языком, не вырвешь зубами'; *Аалиң арыслан тоғар, кәжин айық тотмас* (или *кежин сочқан тотмас*) 'Хитростью льва можно взять, а силою и цапли (или мыши) не поймать'; *Кош канатин, ир атин* 'Птица — крыльями, мужчина — конем'; *Биликин олуглыкка тәкдем* 'Мудростью я достиг уважения'; *Ул аны бычакин санчды* 'Он его ножом колод'; *Әзгүлүкүн кәл, әсизликин кәлме* 'Приходи с добром, не приходи со злом'; *Баккыл аңар әзгүлүкүн* 'Отнесись к нему с добром'. По мнению А. Булатова, приведенные примеры из старых памятников дают основание сделать вывод, что уже в V — VIII вв. в языке орхон-енисейских тюрков аффикс *-ин* применялся в качестве образователя орудного падежа. По предположению автора, в XI в. аффикс *-ин* в этой функции также применялся широко.²⁴⁰ Частично встречается он и в памятнике Кодекс куманикус (XIII в.).

Г. И. Рамstedт называет эту форму инструктивным падежом. Этот падеж, по его предположению, принадлежит к древнейшему достоянию алтайских языков. Автор находит его в тюркском, монгольском, тунгусском, корейском языках. «Фонетически он зачастую совпадает с родительным, — пишет Г. И. Рамstedт, — и возможность этимологической связи между родительным и инструктивным падежами вполне допустима. Этот падеж используется при глаголе в различных наречных определениях».²⁴¹

Но уже в древнетюркский период аффикс *-ин*, употребляемый в значении орудного падежа, подходит к своему закату, уступая место аналитическим средствам (послелог *(бирле)*). Сколько времени

²³⁸ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк тюркских текстов XI — XIII вв., М.—Л., 1961, стр. 77.

²³⁹ А. Булатов. Примеры из памятников тюркского языка XI — XVI вв. на аффикс орудийного падежа *-ин*. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964, стр. 275—276.

²⁴⁰ Там же, стр. 277.

²⁴¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 49 — 50.

он употреблялся в этом своем значении в дописьменный период не известно.

Однако, как было отмечено, аффикс **-ин** есть не что иное, как усеченная форма винительного, присоединяемая к именам в форме принадлежности. Эта форма винительного падежа, очевидно, совпала с древней формой принадлежности. В древнейшие периоды по-видимому, любой глагол мог употребляться с аффиксом винительного падежа, выражавшего значения некоторых современных косвенных падежей (дательного, направительного, творительного). В связи с развитием последних значение винительного падежа суживалось, конкретизировалось. Передача некоторых значений винительного падежа другими падежами наблюдается и в настоящее время, о чем уже говорилось и еще будет сказано ниже.

Таким образом, инструментальное значение винительного падежа, существовавшее еще в древности, было заменено послелогом *бирле* (*бирлен*). Последний, как было сказано, в хакасском языке развился в аффикс творительного падежа, который ныне управляется уже другими послелогам (например, *хада*, *пирге*, *хости*), означающими также понятие совместности и соучастия.

О ФОРМЕ **-наңар/-ненер**

Кроме рассмотренных выше восьми падежных форм, в современном хакасском языке имеется еще форма **-наңар/-ненер** (**-данар/-денер**, **-таңар/-тенер**), получившая распространение, главным образом, в литературном языке, т. е. в период после создания хакасской письменности. В разговорном языке дооктябрьского времени она редко, но все же встречается. Ныне эта форма употребляется часто и указывает на причинно-следственные отношения, объект речи, мысли и т. д. По своему значению **-наңар** соответствует русскому предложному падежу с предлогом **о**, **об**, а также **про**, **из-за** и отвечает на вопросы кем **ненер?**, **нимеденер?** 'о ком?', 'о чем?' Н. Г. Доможаков называет его «исходно-последочным» падежом.²⁴²

Эта сложная форма развилась, видимо, из аффикса исходного падежа путем сочетания с так называемым послелогом-аффиксом **-ар/-ер**, возникшего, в свою очередь, вероятно, от слова *дар* 'далее, по ту сторону'. Вариантами этого слова являются: в языке желтых уйгуров *нара* (*нары*) 'туда', *нары* 'туда, в ту сторону' (по С. Е. Малову); в текстах М. Қашғари: *нару* 'по ту сторону' туда

²⁴² См.: Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 62 (рукопись канд. дисс.).

(далее от говорящего): 'далее', 'прочь'; (последлог) 'за, позади, после'.²⁴³

В хакасском литературном языке последлог-аффикс **-ар/-ер** сочетается не только с аффиксом исходного падежа, но и с производными формами глагола.

В разговорном языке между исходным падежом и афф. **-ар** может стоять частица ограничения **-не**, например: *Олар нименен не ар сарысчалар*. (фолькл.) 'Они о чем-то спорят', что в литературном языке недопустимо.

Рассматриваемая форма (**-наңар**) по своим признакам вплотную приближается к категории падежей, и ее можно было бы включить в качестве девятого падежа в состав склонения, назвав ее условно «причинно-следственным» падежом. Как и падежный аффикс, эта форма пишется со словом слитно, имеет ряд фонетических вариантов и ведет себя как вполне сформировавшийся падеж.

Данная форма встречается только в хакасском языке, являясь, таким образом, его специфической особенностью. Приведем некоторые другие примеры: *Пу книгада пурунғы хакас чирінеңер дохталча* 'В этой книге рассказывается о древней хакасской земле'; *Синнеңер чахсы хабар истібіс* 'Про тебя слышали добрую весть'; *Чилдеңер агастар сууласчалар* 'Деревья шумят из-за ветра'; *Наңмыр тың чағаннаңар, суғлар тасханнар* 'Из-за обильных дождей реки разливались'; *Синің килеріңнеңер піс искен полғабыс* 'О твоём приезде мы слышали'.

Указанная форма присутствует также в словах *аннаңар* 'поэтому', *мыннаңар* 'далее, в дальнейшем'.

Отметим также, что форма **-наңар** (с вариантами) зафиксирована в текстах В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова. Последний, например, приводит: *Мин синнеңер анда полбаам* 'Я из-за тебя там не был'; *Абыстанаңар хам хамнабаан* 'Из-за попа шаман не шаманил'; *Сарысханнаңар пу кәрек сайбал парған* 'Это дело расстроилось из-за спора'.²⁴⁴

О ФОРМЕ **-ча/-че, -ча/-че**

Близким к категории падежей является также аффикс **-ча/-че, -ча/-че**.

В хакасском языкознании принято называть его последлогом-аффиксом.

Если этот аффикс присоединяется к словам в форме принадлежности 3 л., то между афф. **-ы/-і** и **-ча/-че** появляется согласный

²⁴³ См.: 'Древнетюркский словарь'. Л., 1969, стр. 355.

²⁴⁴ Н. Ф. Катанов. Грамматика сагайского наречия татарского языка. Красноярск, 1882 — 1884 (рукопись).

н, например: *чолынча* (чол+ы+н+ча) 'по его пути', *ізінче* (іс+і+н+че) 'по его следу' (ср.: *чолынча* или *чолына* 'его пути', *ізінге* или *ізіне* 'его следу' — дат. п.; *чолында* 'на его пути', *ізінде* 'на его следу' — местн. п. и т. д.).

Аффикс *-ча/-че, -ча/-че* выражает: пространственные отношения (распространение действия-движения по поверхности предмета), соответствуя русскому *по*; временные и уподобительно-сравнительные отношения, соответствуя русским *с, как, около*.²⁴⁵ Например: *чарча* 'по берегу', *көлче* 'по озеру', *тагча* 'по горе', *сынча* 'по хребту', *тасча* 'по камню', *пүйке* 'по луку', *пуча* 'по льду', *сасча* 'по болоту', *кишче* 'по войлоку', *тигірче* 'по небу', *атча* 'с лошадей', 'размером с лошадей', *хасча* 'с гуся (по размеру)', *пүйрче* 'с волка', *синче* 'с тебя (размером)', *анча* 'столько', *минче* 'с меня' и т. д. В кызыльском диалекте он бытует в виде *-жа, -жэ, -ча, -чэ, -ча, -чэ*. Н. Г. Доможаков предлагал назвать его «сравнительно-направительным» падежом.²⁴⁶

Есть все основания назвать *-ча/-че, -ча/-че* условно формой «продольно-сравнительного» падежа.

Рассматриваемый аффикс бытовал еще в языке древнетюркских памятников, где он употреблялся, так же как и в современных тюркских языках, в сравнительно-уподобительном значении, выражая предельность, приближенность и т. д. Например: *Тўрғиш каган сўси Болчуда отча борча кэлти* 'Войско тюркешского кагана при Болчу пришло, как огонь, как вино'; *Каның субча йўғурти сөнўкўң тагча йатды* 'Твоя кровь бежала, как вода, твои кости лежали словно гора'; *Каның ўғўзчэ йўғурти...* 'Твоя кровь бежала рекой (словно река)...'; *Уйгур ил бир йўзчэ эриг ил тутып...* 'Уйгурский племенной союз образовывал племенное объединение приблизительно (из) ста мужей'; *кум санынча* '(бес) численный, как песок'; *төрўчэ* 'по закону, согласно закону'; *елигчэ ер* 'около пятидесяти воинов'; *кўчлэр йетмишчэ* 'по мере сил, насколько хватит сил' и т. д.

В этих же памятниках имеются слова, образованные при помощи аффикса *-ча/-чэ* от местоимений: *анча* 'столько, так, таким образом, подобным образом'; *анча-мунча* (парн.) 'много, значительно, очень' и др.²⁴⁷ Как известно, эти же наречия имеются и в современных языках, в частности в хакасском: *анча, мынча и анча-мынча*.

Аффикс *-ча/-че* широко распространен в хакасском языке; не-

²⁴⁵ См. подр.: 'Грамматика хакасского языка'. М., 1975, стр. 268.

²⁴⁶ См.: Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 62 (рукопись канд. дисс.).

²⁴⁷ См.: В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 30; 'Древнетюркский словарь'. Л., 1969, стр. 650, 43.

редко встречается он в произведениях устного народного творчества. Приведем примеры:

Отча обалым чоґыл, — тидір, —
Чіпче чазим чоґыл, — тидір. (Фольк.)
'И с травинки вины моей нет, — говорит, —
И с штку греха моего нет, — говорит'.
Харахча сығып, харап көр турадыр.
Көгісче сығып, көдіріліп көр турадыр. (Фольк.)
'Поднявшись на высоту, равную уровню своих глаз,
Стоит он и смотрит;
Поднявшись на высоту равную уровню своей груди,
Осматривает он'.
Ағыя хусча айлахтан парир,
Ах хозанча пырлахтан парир. (Фольк.)
'Летит он кружится, как птица,
Кувыркаясь бежит, как белый заяц'.
Хартыґача ол харахтыґ. (Фольк.)
'Глаза у него как у ястреба'.

Аффикс -ча/-че прибавляется также к причастиям:

Олбесче төреен Хая Хатпас
Олер кўннi көп сағынды.
Парбасча төреен Хая Хатпас
Парар кўнiн сағына тўсті. (Фольк.)
'Хая-Хатпас, рожденный для бессмертия,
О смерти стал много думать.
Хая-Хатпас, рожденный не гибнуть,
О гибели своей стал думать'.
Чапсыбасча постары, аны көріп, чапсычададырлар,
Таңнабасча постары, аны сынап, таңнасчададырлар.
(Фольк.)
'Дива не знавшие, они при виде их дивятся,
Не удивлявшиеся, они удивляются'.

Еще большее распространение получил этот аффикс в хакасском литературном языке. Здесь он часто употребляется при причастиях прошедшего времени на -хан/-кен, -ған/-ген и указывает на временные отношения, соответствуя при этом русским пока, до, в течение: Кўн сыхханча, піс чазыда полґабыс 'До восхода солнца мы были на поле'; Наңмыр чағанча, сапхан отты чыып аларґа аңнаңғаннар 'До дождей они успели собрать скошенное сено'; Хар хайылғанча, саналыґ чөрерге 'До растаяния снега ходить на лыжах' и т. д.

-**Ча/-че** при именах числительных указывает на приблизительность исчисления: *алтыча* 'около шести', *пиче* 'около пяти', *омча* 'около десяти', *муңча* 'около тысячи', *читіче* 'около семи'.

-**Ча/-че** при именах существительных типа *күн* 'день', *чыл* 'год' и т. п. выражает временное понятие: *чылча* 'около года', *айча* 'около месяца', *неделяча* 'около недели'.

По данным Г. И. Довидзе, аффикс **-ча** может указывать также на предмет или явление, сообразно с которым или следуя которому осуществляется какое-то действие. В таких случаях этот аффикс соответствует русскому **по**.²⁴⁸ Примеры: *Орфография правиларынча пазарға* 'Писать по правилам орфографии'; *Совхоз тоғынчылары хыраны агроном науказының правиларынча тоғынчалар* (Л. ч.) 'Рабочие совхоза обрабатывают пашню по правилам агрономической науки' и т. д. Это значение аффикса **-ча** совпадает с одним из значений творительного падежа **-нан/-нен**, о чем будет сказано ниже. Данное значение аффикса **-ча/-че** в хакасском языке не получает широкого распространения.

Как уже говорилось, некоторые слова с **-ча** превратились в наречия: *анча*, *мынча*; *кёблче* 'тихо, медленно, понемногу'; *аринча* 'совсем, очень'; *алынча*, 'отдельно, врозь'; *тосханча* 'досыта, сытно'; *чопче* 'умеренно, сходно' и т. д.

Аффикс **-ча** присоединяется и к так называемым служебным именам существительным, выражающим пространственные отношения: *хыринча*, *пазынча*, *алтынча*, *йстүнче*, *төзінче*, *аразынча*, *соонча*, *істінче* и т. д., напр.: *Пүйрлер чол хыринча партырлар* 'Волки шли около дороги'; *чир алтынча* 'под землей', *чир йстүнче* 'по земле'; *тағ төзінче* 'по подножию горы', *ағас аразынча* 'по лесу', *аның соонча* 'за ним', *тура істінче* 'по (внутри) дому' и т. д.

Разбираемый аффикс встречается и в других тюркских языках. В узбекском языке, например, с помощью этого высокопродуктивного безударного аффикса образуются наречия способа, манеры, меры, уподобления: *узбекча* 'по-узбекски', *менинча* 'по-моему', *бунча/мунча* 'столько, настолько', *укча* 'так, настолько', *соатларча* 'часами' (*соат* 'час'), *йилларча* 'годами' (*йил* 'год') и т. д. По мнению тюркологов, образован этот аффикс от слова *чағ* 'мера', 'время'.²⁴⁹ В турецком: *айларча* 'месяцами', *гүнлерче* '(целыми) днями', *саатларча* 'часами'.²⁵⁰

Г. И. Рамстедт называет этот аффикс уравнительным падежом

²⁴⁸ 'Грамматика хакасского языка'. М., 1975, стр. 268.

²⁴⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. — Л., 1960, стр. 282—284.

²⁵⁰ Е.о же. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 285.

и приводит его фонетические варианты из тюркских, монгольских и других языков так называемой алтайской группы.²⁰¹

Таким образом, с учетом последних двух падежных форм в современном хакасском языке насчитываем всего десять падежей:

Осн.	соох 'холод'	чон 'народ'
род.	соохтың	чонның
дат.	соохха	чонга
вин.	соохты	чонны
местн.	соохта	чонда
исх.	соохтаң	чоннаң
напр.	соохсар	чонзар
твор.	соохнаң	чоннаң
прич.-след.	соохтаңар	чоннаңар
прод.-ср.	соохча	чонча

О СОВПАДЕНИИ ФОРМ ПАДЕЖЕЙ

Давно замечено совпадение некоторых падежных аффиксов в тюркских языках. Это наблюдается и в межтюркском плане и внутри одного языка, в его диалектах и говорах. Так, например, если при послелого *үчүн* 'для, из-за, ради' в хакасском языке употребляются основной и родительный падежи, например: *минің үчүн* 'из-за меня', *синің үчүн* 'из-за тебя', *аның үчүн* 'из-за него' и т. д., то в языке орхоно-енисейских памятников в этом же случае встречаем аффикс винительного падежа, например: *Бэс-балык аны үчүн озды* 'Поэтому Бешбалык спасся (от разрушения)'; *Аны үчүн илие анча тутмыс* 'Поэтому они столь (долго) держали (в своей власти) племенной союз...'. В то же время: *Аны көрп, анча билиң* 'Смотря на него, так знайте' (по С. Е. Малову), где *аны* — прямое дополнение в винительном падеже; то же самое в хакасском: *Аны көрп, анча піліңер*.

Как известно, в орхоно-енисейских текстах аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч. является *-ы/-и* после конечного согласного основы и *-сы, -си* после конечного гласного. Аффикс 3 л. после гласных в тувинском, шорском, хакасском и алтайском языках выступает лишь в озвонченной разновидности (*-сы > -зы*). В большинстве говоров киргизского языка сохраняется типовой архаичный вариант *-сы*, как и в енисейском, однако в северных говорах киргизского языка возможны случаи озвончения с, т. е. *-зы*. Это объясняется, по мнению И. А. Батманова, тем, что часть предков киргизов, живших на Енисее, принесла эту (уже сглаживающуюся) чер-

²⁰¹ Г. Н. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 51 — 53.

ту на Тянь-Шань.²⁵² При них бывает усеченная форма винительного падежа.

В. М. Насилов, вслед за некоторыми другими тюркологами, предполагает, что полной формой аффикса принадлежности 3 л. когда-то был формант с конечным **-н(-ын/-ин, -сын/-син)**, впоследствии редуцировавшимся. В качестве подтверждения этой мысли он приводит пример: *Бэгилик уры оглын кул болты, силик кыз оглын кўң болты* (Ктб) 'Крепкие потомки—сыновья его стали рабами, чистые дочери его стали рабынями' (С. Е. Малов слово *оглын* трактовал как форму творительного падежа). В. М. Насилов далее отмечает, что в текстах в честь Бильгехана имеется омонимия: *Бэгилик уры оглын кул кылаты, силик кыз оглын кўң кылаты* (Бх) 'Крепких потомков — сыновей сделали рабами, чистых дочерей сделали рабынями'. Здесь, по мнению автора, слово *оглын* стоит в винительном падеже, управляемом глаголом *кылаты*. Омонимия с винительным падежом, пишет В. М. Насилов, представляет закономерное явление в текстах памятников. В связи с этим он замечает, что в указанном ниже тексте, С. Е. Малов формы имен с теми же аффиксами и с послелогом *ўчўн*, который в текстах памятников выступает в сочетаниях с основным падежом, уже не переводит творительным падежом: *Табгач будун тэблигин кўранг ўчўн армакчысын ўчўн, инили эчили кишўртўкин ўчўн, бегли будунлыг йоншуртукын ўчўн тўрк будун иллэдўк илин ычғыну ыдымыш...* (Ктб) 'Из-за (ўчўн) подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и из-за его прельстителей (?), вследствие того, что он (табгач) ссорил младших братьев со старшими и вооружал друг против друга народ и беков, тюркский народ привел в расстройство свой организованный племенной союз'. Далее В. М. Насилов приводит следующие примеры:

Тэңри йарлыкадукын ўчўн (Ктм) и
тэңри йарлыкадук ўчўн (Ктб).

В первом примере, замечает он, имеется оформленный аффиксом принадлежности основной, во втором примере — основной падеж глагольного имени *йарлыкадук*.²⁵³ Можно все же полагать, что в этом случае (с афф. **-ын**) мы имеем дело с формой родительно-винительного падежа. В древнетюркском языке этот аффикс ассоциировался с усеченным аффиксом винительного падежа, прибавляемом к аффиксам принадлежности. Употребление формы **-ын (ы + н)** в слове *оглын* (ср. хак. *оолгын* < *оглын* 'его сына') в орхонских текстах может быть объяснено тем, что глаголы *бол-* и

²⁵² И. А. Батманов и др. Древняя и современная енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 155.

²⁵³ См.: В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 32 — 33.

кыа, как и в некоторых современных языках, в древнетюркский период могли употребляться с винительным падежом. А может быть в древнетюркском *оҕлын* аффикс винительного падежа потерял свое значение и отошел к основе, став ее элементом. Если это так, то здесь мы имеем дело уже с основным падежом. В дальнейшем в результате чередования *ы* — *а* *оҕлын* превратилось в *оҕлан* со значением 'сын, юноша, молодой (витязь)', а в хакасском языке в результате метатезы оно приняло вид *олҕан* (*улҕан*) 'дитя, ребенок'; *олҕаннар* 'ребята'. Чередование *ы* — *а* в аффиксах — явление известное: ср., например, в текстах из Восточного Туркестана, где наряду с винительным на *-ыг/-иг* встречается и винительный на *-аг/-эг*.

В современных тюркских языках аффикс родительного падежа *-ның/-ын* вместо винительного, кажется, не употребляется, а аффикс винительного вместо родительного в ряде языков употребляется, что свидетельствует, очевидно, о том, что полная форма аффикса подвергается сокращению.

Далее отметим, что в орхоно-енисейских текстах в качестве винительного падежа функционировал аффикс *-ыг/-иг, -г*, наряду с другими. Однако этот же аффикс употреблялся при послелого *үчүн*: *Секиз адаклыг барымыг үчүн а йылкы тукети бардым, анта боккедим а йыта, брүнүмиз а карамыг азадым а* 'Благодаря наличию у меня восьминогого (сытого, быстрого) скота я хорошо продвигался (путешествовал), но и тут не наслаждался; увы, я глух и слеп к свету и тьме'.²⁵⁴ В то же время встречаются: *эрдэм үчүн* и *эрдэмін үчүн* 'ради доблести'; *алпын үчүн* 'ради героизма'. Здесь *барымыг* (*барым+ыг*), *брүнүмиз* (*брүн+үм+иг*), *карамыг* (*кара+м+ыг*) даны в винительном падеже. Однако при послелого, *үчүн*, как указывалось выше, винительный падеж с точки зрения норм современного хакасского языка невозможен и требуется родительный или основной падеж. Можно полагать, что аффикс *-ыг* в орхоно-енисейских текстах употреблялся и в значении родительного падежа. Так, например, в предложении: *Түрк будуныг аты күйі йок болмазун тийин...* '...Чтобы имя тюркского народа не пропало...' ²⁵⁵ аффикс *-ыг* явно употреблен в значении родительного падежа. В хакасском это предложение выглядит так: *түрк будунның ады күйі чоз полбазын тіп...*, где интересующее нас слово поставлено в родительном падеже.

Случаи совпадения аффиксов родительного и винительного падежей отмечены в языке тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана: *аны үчүн*, 'из-за этого, поэтому'; *сизни үчүн*

²⁵⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 30.

²⁵⁵ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31.

'ради нас', *бизни үчүн* 'для нас'. По мнению А. М. Щербака, этот аффикс представляет собой «усеченную форму притяжательного падежа».²⁵⁶ Ср. в хак.: *аның үчүн, сірернің үчүн, пістің үчүн*; или: *Чобаглының алнында чоон тоге, чобалчатханның үчүн чобал пир* (кач.) 'Перед страдающим толстое бревно (трудности), за него заступись (окажи ему помощь)'.

В хакасском языке, например, при послелого *сай* употребляется аффикс родительного падежа *-нын/-нің*: *чылның сай* 'каждый год', *күннің сай* 'каждый день' и т. д. Однако известно, что *сай* в древнетюркском языке употреблялся в самостоятельном значении 'считать', *сайы* 'считая' и имело переходное значение. Следовательно, при этом глаголе могло употребляться прямое дополнение, поэтому сочетания типа *чылның сай, күннің сай* первоначально имели значение 'считая год', 'считая день'. В то же время известно, что в современных тюркских языках прямое дополнение в родительном падеже не бывает.

Приведенный хакасский пример может, очевидно, свидетельствовать о том, что прямое дополнение в древности могло употребляться и в родительном падеже или что родительный падеж вместо винительного стал употребляться после того, как глагол *сай* превратился в послелог, в результате грамматической аналогии.

То же самое происходит при послелого *ибіре* 'вокруг'; в некоторых говорах встречаются *аның ибіре* вместо литературного *аны ибіре* 'вокруг него', например: *Аның ибіре кемнер-де, улуғ тыңлап, бстескелер турчалар* (Л. ч.). Между тем ясно, что этот послелог развился из дееспричастия, которое управляло прямым дополнением в винительном падеже. В газете «Ленин чолы» иногда встречается: *иблерінің айландыра* вместе *иблерін*, т. е. вместо винительного употребляется родительный падеж.

Совпадение аффиксов родительного и винительного падежей имеет место и в некоторых современных тюркских языках и диалектах. Так, например, в ташкентских и ферганских говорах узбекского языка эти два падежа имеют одинаковые аффиксы: *атнь башь* 'голова лошади' и *атнь кордьм* 'видел лошадь'; *катынны ёнэси* 'мать жены' и *катынны чағырды* 'позвал жену', *сувды ичидэ* 'в воде' и *сувды ичти* 'выпил воду'. Совпадение происходит, по мнению В. В. Решетова, в результате выпадения конечного *-н*: *тав-*

²⁵⁶ А. М. Щербаки. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 80. Это подтверждает и В. Г. Кондратьев, указывая, что в орхонских текстах фонетическими вариантами аффикса родительного падежа являются *-ыг* и *-ын* (см.: В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 10.)

ды (*∠ тавдын*) *суву* 'воды гор'; 'горная вода'; *Атты* (*∠ аттын*) *башыга урма* 'Не бей по голове лошади'.²⁸⁷ Выпадение конечных н, ң, ғ, г в тюркских языках — явление общезвестное. Ср., например, в нижнечулымском диалекте: *Олар йуртыдилар пўктэ, кърцыны йэрдэ* 'Они живут на лугу, в местах, заросших кустарником'; *Йидилэр тал пўрцўгў* 'Они едят белые головки тальника' (по А. П. Дульзону). В этом случае *кърцыны* (<*кърцынығ*) стоит в усеченной форме обладания, а слово *пўрцўгў* в форме принадлежности, употребленной в значении прямого дополнения в основном падеже (вм. винительного: *пўрцўгўн*). Для хакасского литературного языка выпадение указанных согласных не характерно: чулымское *кърцыны* в хакасском будет *хырчынын*.

Поскольку отсутствие указанных конечных согласных в соответствующих словах наблюдается и в древнетюркских текстах, можно полагать, что это явление для тюркских языков было характерно еще в древности, до создания орхоно-енисейских памятников.

Совпадение аффиксов родительного и винительного падежей известно и в других тюркских языках. Например, в лобнорском: *кыззы тайағы* 'палка дочери' и *Кыззы веи* 'Выдай (за меня) дочь!'; *таззы* (вин. п.) 'плешивого, паршивого' и *сиззы катуни* 'ваша жена'; *Емди йана мени катунымму бузуп алаи деймесен?!* 'Теперь опять ты не думаешь ли совратить и взять мою жену?'; *кўззе* (местн. п.) 'осенью', *биззе* (мн. ч. от *бизлэр*); *иссе* (*∠ исте*) 'искать, разыскивать';²⁸⁸ и др. Как видим, одинаковые аффиксы одновременно выполняют функции разных падежей.

Исследователями отмечено совпадение форм родительного и винительного падежей в кумыкском, карачаево-балкарском и некоторых других современных тюркских языках. Совпадение этих двух падежей наблюдается в орхоно-енисейских, средневековых уйгурских, а также в половецких текстах. Иначе говоря, объект действия и субъект принадлежности обозначаются одним падежным аффиксом. На основании подобных случаев Э. В. Севортян делал вывод об их общем происхождении.²⁸⁹

В этом отношении типологическое сходство наблюдается и в других (нетюркских) языках. Так, например, полное совпадение форм родительного и винительного падежей отмечено в некоторых

²⁸⁷ В. В. Решетов. Об одном узбекском падеже. «Туркологический сборник», № 1. М.—Л., 1951, стр. 177—178.

²⁸⁸ См.: С. Е. Малов. Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956, стр. 112, 95 и сл.

²⁸⁹ Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. «Уч. зап. Военного института иностранных языков», 1948, № 6, стр. 94.

монгольских языках.²⁶⁰ Уже в праславянском языке винительный ед. ч. совпал с именительным ед. ч. фонетически; потребность различать эти падежи и в внешних формах названий живых существ, особенно лиц, была причиной появления родительного на месте старого винительного.²⁶¹ Ср. также русск.: *дом отца* (род. п. принадлежности) и *я вижу отца* (род. п. прямого доп.), т. е. объект действия и субъект принадлежности обозначаются одним падежом, одним грамматическим показателем. В английском языке уже к началу XII в. формы именительного и винительного падежей почти полностью перестали различаться во всей системе имени. Единственное исключение составляли личные местоимения и вопросительные и относительные местоимения.²⁶²

В бельтирском говоре хакасского языка при послелогах *хоостыра*, *пастыра* и др. личные местоимения вместо винительного иногда употребляются в родительном падеже: *аның хоостыра* 'через него', *аның ибiре* 'вокруг него', *синiң пастыра*, 'через тебя'. В литературном языке в этих случаях употребляется только винительный падеж: *аны хоостыра*, *аны ибiре*, *синi пастыра* и т. д.

О совпадении форм исходного и родительного падежей в отдельных говорах тюркских языков Саяно-Алтая частично говорилось. Приведем еще примеры. В том же бельтирском говоре вместо литературного исходного *чазыдаң* употребляется *чазыдың* 'из поля или степи'; *аның* вместо *анаң* 'потом', *сооның* вместо *соонаң* 'послед' и т. д.²⁶³ В этом говоре происходит чередование *ы* — *а*: *анда* вм. *анда* 'там', *мынды* вм. *мында* 'здесь, тут'; *тамых* вм. *тамах* 'горло', *чабыл* вм. *чабал* 'плохой', *хозын* вм. *хозан* 'заяц', *ағыс* вм. *агас* 'дерево' и т. д. Это же явление присуще и нижнечулымскому диалекту: *удалны бредивис цывыктын*, *андын урадивэс пүктэ...* 'ловушку мы свиваем из прутьев, потом ставим на лугу...'; *Келгэм аалдын үгээ үң часта...* 'Я вернулся из деревни в 3 часа'.²⁶⁴

Совпадение исходного и родительного падежей давно замечено и в диалектах алтайского языка: *Аның көп акча сура-ан* 'Спросил у него много денег'; *Аның пашка неме көрбедилер* 'Кроме того ничего не видел'; *Пистің ауртка йер пүткеннің бери ау кірбеген*.

²⁶⁰ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, М., 1953, стр. 160—161.

²⁶¹ См.: А. И. Томсон. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках. «Изв. отдел. русск. языка и словесности АН», т. XIII, кн. 2, 1908, стр. 232.

²⁶² В. В. Пасек. К вопросу о соотношении между редукцией окончаний и выдвиганием синтаксических средств в английском языке. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 473.

²⁶³ См. подр.: М. И. Ворголяков. Бельтирский говор сагайского диалекта. «Диалекты хакасского языка», Абакан, 1973, стр. 87—88.

²⁶⁴ См.: А. П. Дульзон. Тексты нижнечулымского диалекта. «Вопросы хакасской филологии», Абакан, 1962, стр. 86—87.

дә йылдың бері темир тайка пір йери йабызаган, — ну не болоттон? В нашу страну от создания мира враг не входил; вот третий год уже, как железная дорога в одном месте понизилась: что это значит? и др. Во всех этих выражениях притяжательный падеж можно объяснить кое-как и то с большими натяжками; здесь приличнее бы стоять исходному падежу: не есть ли это особенное произношение исходного падежа? Припомним, что в тюркском исходная частица имеет двойной вид: *дан* и *дін*.²⁶⁵

Как видно, исходный падеж по форме совпадает с родительным (притяжательным). Эта же форма встречается в «Родословном древе тюрков» Абу-л-гази: *Тагдын аккан сэл...* 'Поток, текущий с гор...'; *Коладың тутуп алып...* 'Он взял его за руку'.²⁶⁶

С другой стороны, в говорах хакасского языка встречаются случаи обратного чередования гласных: *ы — а, і — э (е)*. Это наблюдается также в падежных аффиксах. Так, например, в одном из сагайских говоров (улус Казановка Аскизского района) вместо родительного употребляется исходный падеж: *Ипчизи анаң соонда халтыр* (вм. литер. *Ипчизи аның соонда ибінде халтыр*) 'Жена (его) после этого осталась дома'; *Анаң ипчизін тудып аалтырдыр* (вм. литер. *Аның ипчизін...*) 'Его жену поймали (схватили)'; *оолағамнаң оолғы* (вм. *оолғымның*) 'внук (досл.: сын моего сына)'; *мылдан аңначаң тайға* (вм. *чылның* или диал. *чылдың*) 'Тайга, где охотились каждый год'; *чир ойығынаң түбі..* (вм. *чир ойығының түбі...*) 'дно глубокого рва'. Другие примеры на чередование *ы — а*: *Палғап саларзаң* (вм. *Палғап саларзың*) 'Привяжешь (сам)'; *Тастирзең* (вм. *Тастирзың*) 'Бросишь'; *парарзаң, чөрерзең, идерзең* (вм. *парарзың, чөрерзің, идерзің*) 'пойдешь, будешь ходить, будешь делать'; *ортазы* (саг.) и *ортызы* (кач.) 'середина'; *хайдіе* (бельт.) и *хайдағ* (кач.) и т. д. Соответствия *ы — а, і — э* наблюдается и в древнетюркских диалектах. Так, по мнению А. Габен, признаками и-диалекта являются наличие в окончаниях и не-первых слогах основы гласных *а, э* вместо узких *ы, і*. Это встречается, например, в аффиксах древнего орудного падежа (*-ан/-ен* вм. *-ын/-ин*), древнего винительного падежа (*-ағ/-эг* вм. *-ығ/-иг*), деепричастия прошедшего времени (*-ап/-эп*), относительных прилагательных (*-лағ/-лэг*), прош. вр. — *т + ам* (вм. *т + ым*); *ағаз* вм. *ағыз* 'рот' и т. д.²⁶⁷ Это соответствие гласных частично встречается в енисейских памятниках.

²⁶⁵ См.: 'Грамматика алтайского языка'. Казань, 1869, стр. 131—132.

²⁶⁶ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 81, 84.

²⁶⁷ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 20.

ках рунической письменности (ср. дееп. *баран* вм. *барын* или *парын*).²⁶⁸

Таким образом, соответствие (или чередование) указанных гласных в аффиксах наблюдалось еще в древнетюркский период, когда создавались самые ранние тюркские письменные памятники. Но это фонетическое явление в древних диалектах могло происходить еще раньше. Поэтому трудно ответить на вопрос, что древнее падежные формы *-дын*, *-тын*, встречающиеся еще в древнеуйгурских текстах, или *-дан*, *-тан*, бытующие в большинстве современных тюркских языков.

Совпадение форм исходного и родительного падежей объясняется, очевидно, соответствием (чередованием) гласных *а* — *ы* или наоборот, или редукцией *а* > *ы*. Здесь определенную роль играл, возможно, закон сингармонизма, сильнее действовавший в отдельных тюркских диалектах и языках — древних и современных. В данном случае, очевидно, можно говорить и о падежной омонимии.

Отметим, что в хакасском языке творительный падеж (*-нан* / *-нен*), развившийся из послелога *бирлен*, совпал с одним из вариантов исходного падежа. (ср.: *Синнең чоохтастым* 'С тобой разговаривал (я)' и *Синнең сыхтылар* 'От тебя вышли'). Это совпадение произошло и в диалектах. Так, например, А. И. Инкижекова отмечает, что в сагайском диалекте иногда формы исходного и творительного падежей совпадают (*-нан*, *-нен*). В этих случаях можно отличить только в контексте.²⁶⁹ В качинском диалекте, по сообщению Д. Ф. Патачаковой, формами творительного падежа (наряду с другими) являются *-дан*, *-ден*, *-таң*, *-тен*, *-нан*, *-нен*, внешне совпадающие с исходным падежом. В этих случаях они отличаются друг от друга постановкой ударения: в исходном падеже ударение падает на гласный звук аффикса, т. е. на последний слог слова, а в творительном — на преаффиксальный слог. Например: *холдаң позыдарга* 'выпускать из рук' и *холдаң чоохтазарга* 'разговаривать жестом (т. е. руками)' и т. д.²⁷⁰

Частичное совпадение форм исходного и творительного падежей в хакасском языке произошло сравнительно недавно, о чем уже говорилось выше.

Таким образом, совпадение падежных форм носит общетюркский характер и происходит с давних времен.

²⁶⁸ См.: М. И. Боргояков. Материалы по лексике хакасского языка. «Уч. зап. ХакНИИЯЛИ», вып. XI. Абакан, 1965, стр. 181.

²⁶⁹ А. И. Инкижекова. Сагайский диалект хакасского языка (Рукопись канд. дисс.). М., 1948, стр. 112.

²⁷⁰ Д. Ф. Патачакова. Качинский диалект. «Диалекты хакасского языка». Абакан, 1973, стр. 19 — 20.

О ДВОЙНЫХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМАХ

В тюркских языках встречаются случаи, когда к одному и тому же слову присоединяются два падежных аффикса, иногда одинаковые, иногда разные.²⁷¹

Еще в орхонских памятниках встречаются двойные падежи у некоторых слов. Так, например, в памятнике в честь Тоньюкука написано: *Огуздантан көрүг кэлти* 'От огузов пришел лазутчик (шпион)'.²⁷² Здесь в первом слове содержатся два варианта исходного падежа (-дан и -тан). Иногда встречается двойной местный падеж: *антада* 'тогда, затем'.²⁷³ То же самое в современном хакасском и шорском языках: *андада* 'тогда', *мындада* 'здесь', наряду с *анда*, *мында*. Ср. хак. *анда-мында* и древнеуйгурск. *анта-мунта* 'там и сям'; *анчада* (хак.) и *анчада* (древнеуйг.); в древнеуйгурском параллельно встречаются *минтэ* и *минтэдэ* 'у меня', *синтэ* и *синтэдэ* 'у тебя'; *мунтадан* 'отсюда'.²⁷⁴ Как было уже указано, в енисейской надписи № 7 (по С. Е. Малову) к одному слову присоединены два варианта дательного падежа: *Куйда кунчуйымгака өз-де оглымка адырылым* 'В отношении принцесс моих из терема и в отношении собственных сыновей я разлучился (т. е. умер)'. Двойные дательные падежи встречаются и в некоторых современных тюркских языках. Так, в шорском зафиксированы случаи: *магага* 'мне', *агага* 'ему'; в якутском: *миэхэ* и *михэгэ* 'мне', *эйиэхэ* и *эйихэгэ* 'тебе', *бисиэхэ* и *бисиэхэгэ* 'нам', *эсиэхэ* и *эсиэхэгэ* 'вам'.²⁷⁵

Подобные случаи встречаются и в некоторых других тюркских языках. При том первые аффиксы употребляются, видимо, лишь как «застывшие» формы, перешедшие к основе имени.

В средневековых и современных тюркских языках наблюдаются случаи, когда к аффиксу родительного падежа прибавляются другие падежные аффиксы. Так, например, в уйгурских текстах встречаем: *Сэниндин өтэлсү маңа сөз такы* и *Мэниндин өтэлсү саңа сөз какы* «Пусть мне будет выполнено твое слово (тобою) и Пусть тебе будет выполнена мною награда (моя)»; *Бизиндэ озагыг ким*

²⁷¹ См. подр.: Г. Ф. Благова. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом освещении. «Вопросы языкознания», 1968, 6; е-е же. Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения (опыт сравнительно-типологического изучения). «Вопросы языкознания», 1970, 1.
²⁷² См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 61.

²⁷³ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 45.

²⁷⁴ Там же, стр. 43—45.

²⁷⁵ См.: Е. И. Убрятова. Якутский язык. «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 412.

эрдн тэгү 'Кто мог бы сказать... прежде нас'.²⁷⁶ Здесь личные местоимения в двойных падежах выражают косвенные объекты. Ср. в древнеуйгурском таң-та-ка тэгi и хак. таң-да-га теере 'до завтра'. В хакасском языке встречаются миніңзер, синіңзер, аныңзар, аныңда; аныңны 'его', аныңнаң 'от него', синіңнең 'от тебя' и т. д. Подобные примеры мы находим в языке желтых уйгуров: аныңны (вин. п.); маға, маңа и мениңгә 'мне'; мениңдін (исх.) 'от меня'; саға, саңа и сениңгә, сениңга, сениңга 'тебе'.²⁷⁷ В казанско-татарском и мишарском: аңарда (местн.) и аңардан (исх.).²⁷⁸ В узбекском и новоуйгурском языках: мениңгел, мениңга (дат.). Аналогичные примеры из других тюркских языков приводит Г. Ф. Благова: мәндін, мәніңдін; мәнтін, мәніңтін, (исх.); сәндә, сәніңдә (местн.), сәніңдін (исх.), аныңдын (исх.); бізіндә, бізіңтә (местн.); бізіндін, бізіңдін (исх.); бізгә, бізіңгә (дат.) и т. д. По наблюдениям автора, гораздо реже показатель родительного (винит.) падежа в его полном виде можно наблюдать в составе форм локативных падежей для имени, снабженного аффиксом принадлежности 3 л., например: йигирми алты йаш + ы + ни — да 'в свои двадцать шесть лет'; подобные формы использовались наряду с обычными, морфологически опрощенными типа таң паш-ы-н-да 'на рассвете'.²⁷⁹ Ср. хак. пазына 'на (его) голову', пазында 'на (его) голове', хо-лына (дат.), хо-лында (местн.), хо-лынзар (напр.) 'на (его) руке' и т. д.

В чагатайском языке встречается менча и мениңча 'подобно мне', сенча и сениңча 'подобно тебе'.²⁸⁰ В хакасских словах андаартын (ан-да-ар-тын) или анаартын 'оттуда', мындаартын или мынаартын 'отсюда' содержатся, очевидно, сокращенный вариант аффикса древнего направительного падежа на -гару и аффикс исходного падежа на -тын; причем в словах мындаартын, андаартын содержится также аффикс местного падежа. В других словах вместо древнего направительного употребляется современный направительный падеж на -сар/-зар, к которому присоединяется аффикс -тын/-гін: суғзартын 'от реки', тағзартын 'от горы', синзертін 'от тебя'; но андаартын 'оттуда', мындаартын 'отсюда', тасхартын 'с улицы', 'наружи' и т. д.

Двойные падежи, как известно, встречаются и в монгольских, тунгусо-маньжурских и других языках.

²⁷⁶ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 46.

²⁷⁷ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 175, 173—174.

²⁷⁸ Там же, стр. 174.

²⁷⁹ Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. (Опыт сравнительно-типологического изучения). «Вопросы языкознания», 1970, I, стр. 63.

²⁸⁰ Там же, стр. 64.

О ПАДЕЖНОЙ СИНОНИМИИ

Выше уже говорилось о замене в языке одних падежей другими, например, винительного и родительного основным, т. е. о том, что один и тот же член предложения может быть выражен разными синонимичными падежами. Это явление замечено как внутри одного языка и его диалектов, так и в межязыковом плане. Оно наблюдается уже в древнетюркских языках. Однако, падежная синонимия в тюркских языках изучена еще слабо. Этому вопросу посвящены лишь единичные работы³⁸¹. На материале хакасского языка он специально поднимается здесь впервые. Естественно, что мы не претендуем на полноту освещения вопроса. Между тем этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания не только в рамках отдельных тюркских языков, но и в меjtюркском плане. Исследование падежной синонимии поможет также уяснению направления развития падежной системы тюркских языков вообще.

В хакасском языке подлежащее выражается основным падежом. Здесь падежной синонимии не наблюдается. Однако, в тувинском языке, главным образом, в языке фольклора, по словам тувинских тюркологов, подлежащее может быть выражено и исходным падежом. Например, *Самдар-Оолдан... чугалап-тыр эвесне* 'Самдар-Оол (досл.: от Самдар-Оола) ответил'; *Хурулдан шиитпир җндүргөн* 'Собрание вынесло решение'; *Ооң соонда башкыдан өбреникчилерниң аттарын кыйгырды* 'Затем учитель (досл.: от учителя) начал проверять учеников по списку'; *Кызылдан концерт дамчыдып турган* 'Кызыл передавал концерт'.³⁸² Нечто подобное отмечено в монгольских языках. Так, по сообщению Т. А. Бертагаева, в современном халхасском языке форма исходного падежа существительного при сказуемом-глаголе по своей функции близка к форме именительного падежа. В предложении *Багшаас намайг дуудаж самбарт гаргаад гарт минь шохой бөгөв* 'Учитель (букв.: от учителя), вызвав меня к доске, дал мне в руки мел' исходный падеж выражает субъект не прямой, но максимально приближающийся к субъекту-подлежащему. Такое предложение, по мнению автора, является стилистическим вариантом обычного предложения и употребляется с оттенком почтительного или уважительного отношения к субъекту действия, который не сам производит действие, а как бы поручает его производить другому. Такой тип предложений наблюдается только в тех случаях, когда субъект действия представляет со-

³⁸¹ См.: И. П. Винокуров. Синонимика падежных конструкций в якутском языке. Якутск, 1971 (А. к. д.); А. Т. Кайдаров. Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках. «Сов. тюркология», 1972, № 2; и нек. др.

³⁸² См.: А. Ч. Куна. Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970, стр. 27.

бой разумное существо.²⁸³ В тувинском языке, как показывают примеры, в качестве подобного субъекта может выступать и неодушевленный предмет. В другом месте Т. А. Бертагаев пишет, что эта конструкция во многом сходна с эргативной. Она трехчленна, какой должна быть эргативная конструкция. В ней реально действующий субъект выражен именем в аблативе, или в отложительном падеже, объект передается так называемым винительным в нулевой, т. е. не определенной (Автор называет этот падеж «винительным нулевым» — М. Б.) форме, совпадающей с именительным (нулевая форма факультативна), а глагол только переходный. В самой простой своей форме эта конструкция имеет такой вид: *Багшаас үг хэлэв* (халх.) 'Учитель говорил речь (букв.: от учителя сказал слово)'²⁸⁴.

В связи с разбором грамматической формы эргативного строя предложения И. И. Мещанинов отмечает, что в номинативной конструкции различаются падежи именительный и винительный по передаче ими субъекта и объекта, тогда как в эргативной конструкции один и тот же падеж выступает с функциями того и другого. Выполнением обеих функций выделяется абсолютный падеж.²⁸⁵ В урартском языке, например, прямое дополнение остается всегда в именительном падеже, тогда как подлежащее не имеет единого падежного аффикса.²⁸⁶

В некоторых тюркских языках, как известно, дополнение в исходном падеже, означающее часть от целого, при переходном глаголе иногда воспринимается как прямое дополнение. Этот случай как бы перекликается с тем, что в тувинском языке подлежащее может выражаться именем в исходном падеже. Ср.: в тувинском: *Чалбаа, чылгылап мунар малдан баглап ал!* 'Чалбаа, оставь себе коня для пастбы табуна'; в хак.: *Харындас, мүнөргө чийт малдан тудып ал.* 'Брат, поймай себе (коня) для езды верхом из молодых'; *Чейден изил ал* 'Выпей чаю (букв.: из чая)' и т. д. Косвенное дополнение в форме **-напар** (с вариантами) иногда также приближается к прямому дополнению при переходных глаголах. Ср.: *Минненер искезиң ме?* 'Слышал ли ты обо мне?' Можно только догадываться, что в подобных предложениях первоначальное прямое дополнение опущено, но из-за наличия переходного глагола оставшееся косвенное дополнение в исходном падеже (часть от целого — подразуме-

²⁸³ Т. А. Бертагаев. Субъект и подлежащее. «Вопросы языкознания», 1958, 5, стр. 68.

²⁸⁴ Т. А. Бертагаев. Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативности конструкции. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов» Л., 1967, стр. 278.

²⁸⁵ И. И. Мещанинов. Основные грамматические формы эргативного строя предложения. Там же, стр. 7.

²⁸⁶ Его же. Моя текущая работа и ее перспективы. «Вопросы языкознания», 1958, 6, стр. 125.

ваемого объекта) становится как бы прямым, т. е. стремится занять его место. В других случаях оно, видимо, приближается к подлежащему.

В тувинском языке подлежащее, как и прямое дополнение, может выражаться двумя разными падежами: основным и исходным. А прямое дополнение может выражаться даже тремя падежами: основным, винительным и исходным. Выражение прямого дополнения разными падежами отмечено также в якутском языке.²⁶⁷ Таким образом, в тюркских языках многофункциональным является не только основной, но и некоторые другие падежи.

В хакасском языке сравнительно чаще встречаются случаи, когда вместо винительного падежа (в диалектах) встречается дательный (в литературном), что связано с развитием (расширением) семантики некоторых переходных глаголов, благодаря чему они могут управлять параллельно несколькими падежами в сходных функциях. Так, например, в текстах В. В. Радлова встречается: *камагына кире аткан...*²⁶⁸ ям. хах. литер. *Хамагына кире атхан* 'Застрелил прямо в лоб'; *Пабазы, оолгынын сөзүн кертинмин, чонга кертинчадыр*²⁶⁹ вж. литер. *Пабазы, оолгынын сөзіне кертинмин, чонга керттикче* 'Отец, не доверяя словам сына, верит народу'. В первых примерах объект выражен винительным падежом, во вторых — дательным на -а.

Параллельное употребление винительного и дательного падежей встречается и при следующих хакасских глаголах (при этом винительный падеж употребляется в качинском диалекте, а дательный — в сагайском.):

џерен 'учить, изучать': *Пис орыс тілін џеренчөбіс* и *Пис орыс тіліне џеренчөбіс* 'Мы изучаем русский язык';

хын 'любить': *Пис поэзыбыстың төреен Чир-суун хынчабыс* и *Пис поэзыбыстың төреен Чир-сууна хынчабыс* 'Мы любим свою Родину';

көкте 'уродиться в кого-л., унаследовать': *Мини көктеен полар* (С. Ч.) и *Магаа көктеен полар* 'Он, наверное, уродился в меня';

тарых 'сердиться': *Анаң оолларын тарыхлап сыххан* (фолькл.) и *Анаң оолларына тарыхлап сыххан* 'Потом начала сердиться на своих сыновей';

сыйла 'подарить и угощать': *Мини сыйла* и *Магаа сыйла* 'Подари мне' и 'Одари меня';

ая 'жалеть, щадить': *Ол сини айыр* и *Ол сагаа айыр* 'Он тебя пожалеет'; *Мин нога-да олген нимені угаа тың айидырбын* (М. К.),

²⁶⁷ См.: Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, М.—Л., 1950, стр. 113—135.

²⁶⁸ См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири, ч. II, СПб., 1868, стр. 376.

²⁶⁹ Там же стр. 377.

а в сагайском: ... *Элген нимее айдырбын* 'Я почему-то сильно жалею умершего';

күрле- или *күрлен-* 'кричать на кого-л., бранить, ругать кого-что': *Ол күрленче Каякты* (И. Кот.) и *Ол күрленче Каякка* 'Он ругает Каяка'; *Оларнох күрлеен Токалис* (Л. ч.) и *Оларгох күрлеен Токалис* 'На них же кричал (бранился) Токалис';

махтан- (возвр.) 'хвалиться, хвастаться': *Күзін махтанча* и *Күзіне махтанча* 'хвастается силой'; первоначальное значение глагола *махтан-* было прямо-переходным и управлял он винительным падежом, о чем можно догадаться через его основу (*махта-* 'хвалить'), которая и ныне употребляется только с винительным падежом (во всех диалектах и литературном языке): *Аны тың махтааннар* 'Его очень хвалили'; *Сині ідбк махтааннар* 'Тебя также хвалили' и т. д.;

таңна- 'удивляться': *Аның хырына ойлап киліп,*

Аны (агаа) оолах таңнап тур.

Чиде салған чыт наа чыл

Чидіглерні (чидіглерге) таңнап тур. (Л. ч.)

«Наступивший молодой новый год удивляется достижениям (старого года)».

чапсы- 'удивляться': *Ол Василийнің кирегін(е) угаа чапсып ча* («Л. ч.») 'Он очень удивляется делами Василия';

чит- 'достичь, догнать': *Пісті чидіп алдылар* и *Піске чидіп алдылар* 'Нас догнали'; *Сісерні (ге) чидіп алдылар* 'Вас догнали', *Оларны (ға) чидіп алдылар* 'Их догнали (настигли)'.

Примеры на другие глаголы, одновременно управляющие двумя падежами: *Ирес түлгүні (ге) дее паза күркүні (күркее) дее теерте ат полбаан* 'Ирес не смог застрелить ни лисицу, ни тетерку'. Глагол *бріп-* (возвр.) 'радоваться, веселиться, ликовать' употребляется, главным образом, с дательным падежом и имеет косвенно-переходное значение: *Ізезі палазына бріпче* 'Мать радуется своему ребенку'; но по форме видим, что здесь содержится затвердевший аффикс -н (возвр. з.), который прибавлялся к переходным основам глаголов. Отсюда можно полагать, что первоначальное значение этого глагола было прямо-переходным и употреблялся с винительным падежом. А глагол *хылын-* (возвр.) параллельно управляет винительным и дательным падежами. Отдельные глаголы управляют основным и дательным падежами: *Олғаннар чилецмес теепчелер* и *Олғаннар чилецмеске теепчелер* 'Ребята качаются на качелях'.

Иногда параллельно употребляются основной, винительный и дательный падежи, например, при глаголе *тоо-* 'слушаться, подчиняться': *ниме* (осн. п.) *тообас*, *нимені тообас* и *нимее тообас* 'непослушный (кто-л.)'; при глаголе *таян-* 'опираться на кого-что-л.' *таях таян*, *таяхты таян* и *таяхха таян* 'опираться на палку'.

Исследователи тюркских памятников и узбекского языка (П. М. Мелиоранский, А. Н. Кононов, А. Г. Гулямов, С. А. Фердаус и др.) обратили внимание на совершенно необычное употребление винительного падежа при глаголе в страдательном залоге: **китобни укилди** 'книгу читана', **хатни ёзилди** 'записку написана'; **Хам кургонини олинди, хай ганимини кочурилди** 'Крепость его была взята, и противник был обращен в бегство'; в живом разговорном узбекском языке иногда встречаются конструкции типа: **ошни ейилди, чойни ичилди**, которые недопустимы в литературном языке.²⁹⁰ В хакасском языке подобные случаи не замечены.

В хакасской грамматике принято считать: прямое дополнение выражается только основным и винительным падежами, а косвенное — остальными; кроме родительного. Однако, как показывают примеры, при замещении винительного направительным или дательным дополнение в целом мало изменяется, т. е. оно не переходит сразу в косвенное дополнение. Ср.: **Мини кёрче** и **Минзер кёрче** 'Смотрит (он) на меня'. В обоих предложениях глагол **кёрче** имеет прямо-переходное значение, но зато в первом предложении (вин. п.) объект как бы охватывается действием целиком (полностью), а во втором — действие только прямо направлено на объект, не охватывая его полностью. В этом разница в значениях указанных двух падежей, хотя они и имеют некоторые сходные черты. Точно также обстоит дело при употреблении исходного падежа в партитивном значении (часть от целого), управляемого прямо-переходным глаголом. Ср.: **Хызыцах чолда пызылагын чип алган** 'Девочка на дороге поела (свой) сыр' и **Хызыцах чолда пызылагынан чип алган** 'Девочка на дороге поела сыр (букв.: из своего сыра)'. Здесь в обоих предложениях действие глагола прямо направлено на объект, но в первом случае оно охватывает его полностью (вин. п.), во втором же — лишь частично (исх. п.). Касаясь подобных случаев, А. Н. Кононов замечает, что основной и винительный падежи, с одной стороны, и исходный падеж с другой, используются также для выражения целого (осн. и винит.) и части (исх.): **Олма(ни) еди** 'Он съел (все) яблоко'; **Олмадан еди** 'Он съел (часть) яблока'; **Чой(ни) ичди** 'Он выпил (весь) чай'; **Чойдан ичди** 'Он выпил (часть) чая', 'Он отпил (немного) чая'.²⁹¹

Как же рассматривать дополнения, стоящие в дательном, направительном или исходном падежах, при прямо-переходных глаголах? Здесь, очевидно, существует два подхода: если под прямым дополнением понимать только такой объект, который целиком и полно-

²⁹⁰ См.: М. С. Михайлов. К вопросу об абerrации залога в турецком глаголе. «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 220.

²⁹¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 96.

стью охватывается действием прямо-переходного глагола, то дополнение в дательном или другом косвенном падеже при этом же глаголе не может быть прямым; если же под прямым дополнением понимать такой объект, на который только прямо направлено действие (хотя и не охватывает его полностью), то и дополнение в дательном, направительном или исходном падежах при прямо-переходных глаголах может рассматриваться как прямое, а не косвенное. Нам кажется, в учебных грамматиках в целях четкого разграничения прямого и косвенного дополнений целесообразней придерживаться первой точки зрения.

В связи с рассматриваемым вопросом укажем также на то, что в якутском языке материал, из которого сделан предмет, обозначается орудным и исходным падежами: *Саҕа суккунанан тас таҕас тигээри гыммытын аҕам буолумматаҕа* 'Она собралась сшить верхнюю одежду из нового сукна (досл.: сукном), но отец не согласился'; *Ырбаахылара кысыл баансаттан тигиллэр* 'Рубашки они шьют из красного шелка'. По словам И. П. Винокурова, исходный падеж употребляется в тех случаях, когда предмет, служащий материалом для чего-нибудь, тратится не весь, а частично. А орудный падеж применяется для выражения объекта, подвергаемого действию в полном своем объеме. Этим обусловлено то, что объект, используемый в качестве материала для изготовления чего-нибудь без ломки или переделки его начального вида или формы, обозначается обычно в орудном падеже.²⁹² Это положение может быть распространено и на хакасский язык. В то же время оно может свидетельствовать, видимо, о том, что значение творительного (орудного) падежа отпочковывалось от значений винительного и основного падежей.

Функциональный параллелизм падежей наблюдается при некоторых послелогох: *аны хоостыра* и *аҕаа хоостыра* 'через него, наряду с ним'; *мині көрө* и *маҕаа көрө* 'глядя на меня'; *сині көрө* и *саҕаа көрө*, *аны көрө*, *мыны көрө*, *пуҕа көрө* и т. д. При послелого *көрө* параллельно могут быть употреблены три падежа (вин., дат., направ.): *Мині көрө килче*, *Маҕаа көрө килче* и *Минзер көрө килче* 'Идет (по направлению) ко мне'; при послелого *алдьыра* употребляются только винительный и направительный падежи: *Мині алдьыра көрчө* и *Минзер алдьыра көрчө* 'Смотрит он (в сторону) на меня'.

О функциональном параллелизме винительного и творительного падежей при некоторых глаголах частично уже говорилось. Приведем еще примеры: *Пуҕа пазын пулҕаан* и *Пуҕа пазынан пулҕаан* 'Бык махал головой'; *Хас ханаттарын сабын наstaat* и *Хас ханаттарынан сабын наstaat* 'Гусь начал махать крыльями'; *Халын уй-*

²⁹² И. П. Винокуров. Синонимика падежных конструкций в якутском языке. Якутск, 1971. (А. к. д.), стр. 13.

гунаң узупчалар и Халын уйгуны узупчалар 'Спят (они) крепким сном'. Иногда употребляются основной и творительный падежи: *Ол махачы өлім өлген* и *Ол махачы өлімнен өлген* 'Он погиб геройской смертью'; (Ср. русск.: *бросить камень* и *бросать камнем*). *Сызырны төзек иткеннер* и *Сызырнаң төзек иткеннер* (фолькл.) 'Из соломы делали постель (солому использовали в качестве подстилки)'. В то же время можно сказать: *Төзекті сызырнаң иткеннер* 'Постель делали из соломы'. В первом предложении (*сызырны төзек иткеннер*), если рассматривать исторически, имеется два прямых дополнения (*сызырны* и *төзек*), первое из которых стоит в винительном падеже, второе — в основном. Во втором предложении прежний винительный заменен творительным, при этом «второе дополнение (*төзек*)» приобретает самостоятельное значение.

Нечто подобное мы встречаем в орхонских текстах, например: *Бэгилик уры оғлын кул кылат, силик кыз оғлын күй кылат* 'Крепких потомков-сыновей сделали рабами, чистых дочерей сделали рабынями'. В памятнике в честь Кюль-Тегина сказано: *Баз кағаның балбал тикмиш* 'Баз кагана поставили в качестве балбала (камен. изваяния)'. Ср. в хакасском фольклоре:

Өкіс паланы ир өскірче,
 Өкіс хулунны ат өскірче и
 Өкіс паланаң ир өскірче,
 Өкіс хулуннаң ат өскірче (фолькл.)
 «Из сироты растит мужчину,
 Из жеребенка растит коня»;
Піс аның палтызын палтыланчабыс и
Піс аның палтызынаң палтыланчабыс (разг.),
 «Мы пользуемся его топором».

Иногда вместо винительного падежа употребляется форма *-на-нар/-неңер* (с вариантами): *Кыргыстар мені пабал сағынар теп...*²⁹³, а в современном языке: *Кыргыстар миннеңер чабал сағынар тіп...* 'Полагая, что кыргызы обо мне будут плохо думать...'. Ср. также: *тасхын парарға* и *тасхар парарға* 'выйти на улицу (из дома)'.

Еще в енисейских памятниках рунической письменности наблюдается функциональный параллелизм основного и дательного падежей. Например, в памятнике № 13 (по С. Е. Малову) с Чакуля при глаголе *адырыл-ыи* употреблено в основном падеже: *Кадашым адырылдым ыиу, куйда кунчуйым адырылым, сэкиз оғлым адырылым ыиу* 'От своих товарищей я отделился (т. е. умер) увы, от своих принцесс в теремах я отделился (т. е. умер), от восьми своих сыновей я отделился (т. е. умер) увы!' В то же время в памят-

²⁹³ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири, ч. II. СПб., 1868, стр. 376.

нике № 49 в аналогичном же положении употребляется дательный падеж: *Сизимэ йўз кадашыма алты будуныма сизимэ адырылтым* 'От вас, моих ста приятелей, от шести родов моего народа, от вас моих я отделился (т. е. умер)'; а также в памятнике № 27: (7) *Бағым будунымка адырылт(ым)* 'Я отделился от моего народа, моего родового подразделения'.

Управление глагола *адырыл-* 'отделяться', 'разлучаться' (т. е. умереть) дательным и основным падежами является особенностью языка этих надписей. А в современных тюркских языках этот глагол (*айырыл-* казах, 'лишаться, расстаться с кем или с чем-л.', *азырыл-* хака, 'отделяться от чего-л.') управляет исходным падежом. В хакасском, например, при нем употребляется только исходный падеж, но не дательный. В других памятниках древней письменности тюрков, например, в Алтун ярук ('Золотой блеск'), в памятнике в честь Тоньюкука и др., заметил С. Е. Малов, при этом глаголе бывает не дательный, а местно-исходный падеж. По поводу страдательного залога этого глагола С. Е. Малов склонен был думать, что здесь покойник мыслится безлично или неопределенно-лично. Дательный же падеж (а не исходный) здесь не вносит ничего существенного в отношении глагольного залога и его смысла. Исходный падеж указывал бы то, от чего отделяется покойник, а здесь в форме дательного падежа ставятся названия всех родственников покойного, названия его имущества, и лица, и предметы и указывается этим, что они не пункт, от которого покойник удаляется. По мнению С. Е. Малова, форма дательного падежа указывает на все то, на что смерть упоминаемого в эпитафии лица производит то или иное впечатление, влияние, экономические перемены, передвижения и пр.²⁹⁴

Таким образом, глагол *адырыл-* в енисейских надписях управлял дательным падежом, а в современном хакасском он управляет только исходным падежом. Однако случаи употребления дательного падежа вместо исходного встречаются в отдельных тюркских языках и диалектах Сибири. Так, например, в нижнечулымском диалекте глагол *корх-* 'бояться' употребляется с дательным падежом: *Меенг ооғлум слэргэ корғунтур* 'Мой сын вас боится'.²⁹⁵ В хакасских текстах Н. Ф. Катанова встречается предложение: *Худайны хорыхпинчатхан кизи кизиңең дее уяттинча* 'Человек, не боящийся бога, не стыдится и людей'. А в современном хакасском языке этот глагол употребляется только с исходным падежом: *Миниң ооғым сирердең хорых тур* 'Мой сын боится вас'; *Аңчы абадан хорыхпас* 'Охотник медведя не испугается' и т. д.

²⁹⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 12.

²⁹⁵ См.: А. П. Дульзон. Тексты нижнечулымского диалекта. «Вопросы хакасской филологии». Абакан, 1962, стр. 86.

В хакасских текстах XIX в. и в современном языке также, как и в древних енисейских текстах и некоторых других тюркских языках, изредка наблюдается функциональный параллелизм основного и дательного падежей. Ср.: *Суну Матыр чоохтады: Паба, пулар керткмлэ!*²⁹⁶ 'Суну Матыр сказал: Отец, не верь этим (людям)!'. Здесь *пулар* употреблено в значении косвенного объекта, но стоит в основном падеже; в современном хакасском же в этом же случае дательный падеж обязателен: *пуларга*. Другие примеры: *Инейегі мылча одынып хайынчатхан* (С. Ч.) и *Инейегі мылчага одынып хайынчатхан* 'Старуха (его) затапливала баню'; *ограда толдыра* (кач. д.) и *оградаа толдыра* 'полный двор'. В подобных случаях в сагайском диалекте присутствие дательного падежа обязательно.

Иногда вместо дательного падежа употребляется творительный: *Кузнецкий хан пу чирге чаага килтір* (фольк.) и параллельно — *Кузнецкий хан пу чирге чаанаң килтір* 'Кузнецкий хан прибыл сюда (на эту землю) войной'.

Дательному падежу среднечулымского диалекта в шорском функционально соответствует местный падеж: *Олар орта чолга четкелекке суг чаап паған* и *Олар орта чолга четкелекте нағбур чаап шыкты* 'Они не успели еще пройти половину пути, когда пошел дождь'.²⁹⁷ Ср. в енисейской надписи: *Кэшиг бэлимтэ бантым* 'Я повязал пояс на своей поясище'. Комментируя это предложение, С. Е. Малов замечает, что в тюркских языках иногда встречается винительный падеж при глаголе в страдательно-возвратной форме, например, тув. *Курну белимге* (или *белимде*) *бағландым* 'Я опоясался'. Подобные случаи встречаются в шорском и нередко в уйгурском сочинении XI в. Юсуфа Баласагунского 'Книга счастья'; обычен этот оборот в якутском языке. (См.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 17—18). Как видно, в тувинском языке при глаголе *бағлан-* 'опоясаться' параллельно употребляются дательный и местный падежи в сходных значениях. В хакасском: *Хурымны пилімге (е) палғандым* и т. п.

Изредка встречаются случаи, когда местный и направительный падежи употребляются параллельно, например: *Ол кичее пісте килтір* и *Ол кичее піссер килтір* 'Он вчера пришел к нам'; *Сісерде партыр* и *Сісерзер партыр*. Ср. также: *Мында килтір* и *Мындар килтір*.

Частично наблюдается функциональный параллелизм винительного и местного падежей: *Ікінчі хараазын Сыба түзепче* и *Ікінчі хараазында Сыба түзепче* (фольк.) 'На вторую ночь Сыба видит сон'.

²⁹⁶ В. В. Радлов. Образцы..., стр. 377.

²⁹⁷ См.: А. П. Дульзон. Диалекты и говоры тюрков Чулыма. «Сов. тюркология», 1973, № 2, стр. 28—29.

Основной и местный падежи: **Иртен иртѳк турғаннар** и **Иртенінде иртѳк турғаннар** (фольк.) 'Они встали утром рано'.

Творительный падеж может параллельно употребляться не только с другими падежами, но и с деепричастной формой: **Ол сині паарсап** (деепр.) **адап тур** и **Ол сині паарсаснаң адап тур**. 'Он тебя называет с нежностью'. Творительному падежу иногда функционально соответствует аффикс **-ча/-че, -ча/-че**, имеющий продольное и другие значения: **Ол пабазының чолынаң парған** и **Ол пабазының чолынча парған** 'Он шел по пути своего отца'; **Чолча килерге** и **Чолнаң килерге** 'Приходить по дороге'; **Сугча инген** и **Сугнаң инген** 'Спускался (он) по реке'; **Піс Ленин улицазынаң парчабыс** и **Піс Ленин улицазынаң парчабыс** 'Мы идем по улице Ленина'; в языке печати изредка встречаются: **биологияча ѳгретчі** и **биологиянаң ѳгретчі** 'учитель биологии'; **правилоларча пазарға** и **правилоларнаң пазарға** 'писать по правилам'.

Значения аффикса **-ча** и творительного падежа **-наң** в карачаево-балкарском языке передаются так называемым «продольным падежом» (**-тын/-тин, -тун/-түн, -ын/-ин, -ун/-үн, -ны/-ни, -ну/-нү**): **талатын** 'по поляне' и **джолтун келеди** 'идет по дороге', 'идет дорогой'. Имена, стоящие в продольном падеже, по сообщению М. А. Хабычева, употребляются только с глаголами движения, причастиями и деепричастиями.²⁹⁸

Падежная синонимия известна во всех тюркских языках. Она наблюдается и в древнетюркских текстах. Так, в орхонских памятниках встречаем; **Аңар көрү билиң.!** 'Смотря на него, знайте (т. е. учитеесь)...',²⁹⁹ **Аңар адынчыг барк йаратурдым...** 'Им я поручил устроить особое (специальное) здание...'³⁰⁰ Но в том же памятнике встречается: **Аны көрүп, анча билиң...** 'Смотря на него, так знайте...'³⁰¹ В первых двух предложениях употреблен древний направительный падеж, в последнем — винительный. Другой пример: **Өтүкен йир олурып, аркыш туркиш ысар...** 'Когда же ты, находясь в Этиюкенской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т. е. данью)...'³⁰² Здесь **Өтүкен йир** стоит в основном падеже, хотя употреблено в значении косвенного объекта. В другом памятнике употреблен винительный падеж (усеченная форма): **Өтүкен йирин кышладым** 'На краю гор Этиюкен я перезимовал'.³⁰³ В хакасском

²⁹⁸ См.: «Языки народов СССР. т. II. Тюркские языки». М., 1966, стр. 219.

²⁹⁹ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 28.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

³⁰³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 36.

языке в приведенных предложениях требуется местный падеж: *Отүкен чирде одырып...*; и *Отүкен чирінде хыстадым* 'Я перезимовал на Этюкенской земле'.

Аналогичные случаи отмечены и в современных тюркских языках. Так, в казахском языке, по сообщению А. К. Хасеновой, не исключена возможность, что объекты одних и тех же глаголов в предложениях могут быть выражены как прямыми дополнениями, так и косвенными, например, *Баланы урысты* или *Балаға урысты* 'Ругал мальчика', *Мынаны кара* или *Мынаған кара* 'Посмотри на это'; *Баланы ұрма* 'Не бей мальчика', ср. *Балаға тиме* 'Не тронь мальчика'.³⁰⁴

В алтайском: *Ат минип келди*, хак. *Атха мүнип килді* 'Верхом приехал'. В первом случае употреблен основной падеж, во втором — дательный. В казахском употребляются: *Атка мине шапты* и *Атты мине шапты*; *Ол аттан аттап өтті* и *Ол атты аттап өтті*.³⁰⁵ В орхонском тексте: ... *Боз атыг бинип тэгди*... 'Он сел верхом на белого коня'.³⁰⁶

Глагол *айт-* 'говорить' в алтайском управляет винительным, а в хакасском — дательным. Ср.: *Адазы балазын айтты*... (алт.)³⁰⁷ и *Адазы палазына айтты* (хак.). Здесь дательный падеж является уже вторичным образованием.

Отдельные глаголы в узбекском языке, замечает Х. К. Камилова, могут управлять двумя падежами (например, винительным и дательным или винительным и исходным) и употребляются параллельно в современном узбекском языке без резко выраженной смысловой дифференциации... если в случае *дарёдан кечди* и *дарёни кечди* и не чувствуется особо резкой смысловой разницы, то в выражениях *чойдан ичинг*, *нондан олинг* и т. п. форма исходного падежа передает уже часть целого, в противоположность винительному падежу, который обозначает объект во всей его совокупности. Иногда, продолжает автор, наблюдается сосуществование ряда выражений, например: *Милтикдан отди* и *Милтикни отди*, причем, в историческом отношении форма *милтикни* безусловно должна считаться исходной, а прочие выражения — продукт позднейшего языкотворчества.³⁰⁸ Глагол *суула* в якутском языке, употребляясь

³⁰⁴ А. К. Хасенова. К вопросу о переходных и непереходных глаголах и категория залога в современном казахском языке. «Труды Института языка и литературы АН Казах. ССР», т. I, 1959, стр. 25.

³⁰⁵ М. -Б. Балакаев. Прямое дополнение в казахском языке. «Вестник АН Казах. ССР», 1948, № 10, стр. 58.

³⁰⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31.

³⁰⁷ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

³⁰⁸ Х. К. Камилова. О винительном падеже в узбекском языке. «Уч. зап. Ташкентского госпединститута им. Низами», вып. I. Ташкент, 1947.

в одном и том же значении, допускает выбор между основным и винительным, дательным и орудным падежами: *эт суулата и эти суулата* 'завернул мясо (во что-то)', *кумаагыга суулата* и *кумаагынан суулата* 'завернул в бумагу'.³⁰⁹ Ср. то же самое в хакасском языке: *ит ораап ал* и *итти ораап ал* 'заверни мясо (во что-то)'; *ча-чынга ораап ал* и *чачыннаң ораап ал* 'заверни в бумагу (бумагой)'. Как видно, наблюдается соответствие в падежной синонимике в якутском и хакасском языке.

Развитие падежной синонимии в тюркских языках происходит, очевидно, неравномерно: в одних оно более распространено, в других менее, что вполне закономерно. Это наблюдается даже внутри одного языка, его диалектах. Так, например, по сообщению М. Рагимова, замена одного падежа другим в письменных памятниках азербайджанского языка охватывает не все падежные формы, а лишь некоторые из них; конкретно говоря, в них встречается употребление: а) основного падежа в значении дательно-направительного; б) дательно-направительного в функции местного; в) местного в роли исходного. Если же обратимся к диалектам азербайджанского языка, то станет ясным, что в них весьма широко представлено употребление одного падежа в значении другого. В диалектах и говорах азербайджанского языка: 1) основной падеж употребляется в значении родительного, дательно-направительного и винительного; 2) родительный — в значении основного; 3) винительный — в значении основного, родительного, дательно-направительного, местного и исходного; 4) дательно-направительный — в значении винительного и местного; местный — в значении дательно-направительного.³¹⁰ Подобное же явление зафиксировано в диалектах туркменского языка: дательный падеж, например, употребляется в значении винительного, местно-временного и исходного падежей. Если необходимо показать отдельное место из общего пространства, винительный падеж употребляется в значении дательного.³¹¹

Функциональный параллелизм дательного и местного, родительного и винительного падежей отмечен Э. В. Севортьяном в половецком языке.³¹²

Это явление особенно показательно в межтюркском плане. Так, например, по наблюдениям А. Т. Кайдарова, обнаруживается

³⁰⁹ И. П. Винокуров. Синонимика падежных конструкций в якутском языке, стр. 8.

³¹⁰ М. Рагимов. (Выступление). «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 164.

³¹¹ Г. Менглиева. Сакарский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1964 (А. к. д.), стр. 17.

³¹² См.: «Документы на половецком языке XVI в.» М., 1967, стр. 51—52 (Перевод, предисловие и комментарий Т. И. Грунина; Исследования языковых особенностей Э. В. Севортьяна).

функциональное соответствие между местным падежом уйгурского языка и творительным падежом казахского языка. При этом автор оговаривается, что глагольное управление формой местного падежа в современном уйгурском языке не имеет столь последовательного системного характера, как управление творительным падежом в казахском языке.³¹³

Приведем сравнительные примеры из современного уйгурского, казахского и хакассского языков:

уйг.

казах.

хакассск.

1. Алдиримисаң хар-
вуда тошкан аларсән
'Не будешь торо-
питься—и на телеге
догонишь зайца';

Асыкпаған арбамен
койанға жетер 'Тот,
кто не спешит, и на
арбе догонит зайца';

Маңзырабазаң хана-
анаң даа хозанға
чидіп аларзың
'Если не будешь спе-
шить (суетиться) и
на телеге догонишь
зайца';

2. Қорәң ағзидә
шәр алиду
'Хвастун языком
(букв. во рту)
покоряет город';

Аузымен орақ
органның бели
ауырмас 'У того,
кто работает язы-
ком (букв. жнет
ртом),
спина не болит';

Тіленс тоғынчатхан
кізінің, пилі ағыр-
бинча
'Кто работает язы-
ком, у того спина не
болит';

3. Чөчәктә тәгә
суғарғандақ 'Точно
также, как поить
верблюда из блюд-
ца';

Түйден тостағанмен
суғарған тәрізди
'Точно также, как
поить верблюда из
блюдца';

Тибені чаймаһнаң
суғарған чили
(перевод такой же);

4. Пахтиния көп
кисми жукри
сорта өтті
'Большая часть хлоп-
ка прошла высшим
сортом';

Макта биринші
сортпен өтті
'Хлопок прошел
первым сортом';

Хлопок пастағы
сортнан парды
(перевод такой же);

5. Түз йолда маң-
ған адәм бузулмас
'Человек, идущий
прямой дорогой, не
испортится';

Түс чолнан (чолча)
парчатхан кізі арда-
бас
(перевод такой же);

³¹³ А. Т. Кайдаров. Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках. «Советская тюркология», 1972, 2, стр. 18. В дальнейшем уйгурские и казахские примеры берутся из этой работы.

6.	Сыпырғымен сырыру
'Подметать вени-
ком';	Сыбырғынаң сыбыр;
'Живн своим умом'.
7.	Өз акылымен кўн
көрген Тот, ктò жи-
вет сўнм умом, не
будет бедным'.	Пос сағызынаң чурта
'Живн своим умом'.

Как видно из примеров, глаголы (движения и др.) в уйгурском управляют местным падежом, а в казахском и хакасском — творительным; уйгурский местный падеж в приведенных примерах соответствует творительному падежу в казахском и хакасском языках. По данным А. Т. Кайдарова, конструкция с местным падежом в уйгурском языке выступает как архаичный вариант и употребляется в силу определенной языковой традиции.³¹⁴ В связи с этим отметим, что уйгурский местный падеж в указанном значении в какой-то мере обнаруживает семантическую близость с так называемым частным падежом якутского языка, что, по-видимому, указывает на далекие связи исторических предков якутов и уйгур.

Творительный падеж в казахском и хакасском языках имеет примерно одинаковые значения:

казах.

Ол тамакты касыкпен
 жеди 'Он ел (пищу) ложкой';

Ол мұнда менимен келди
 'Он сюда пришел (приехал)
 со мной';

Ол биздикине жолмен
 келди 'Он пришел (приехал)
 к нам дорогой (по дороге)';

Ол қалаға келісімен оқуға
 кірді 'Он, как только приехал
 в город, поступил учиться.

хакасск.

Ол тамахты самнахнаң киді;

Ол мындар (или пее) миннен
 хада килді;

Ол піссер чолнаң (ча) килді;

Ол городха килбиниң үгеренерге
 кірді.

Уйгурский местный падеж в казахском, хакасском и других языках иногда соответствует исходному падежу: ... атки сугардим булакта (уйг.), атты булактан сугардым (каз.) и атты хара сундан(да) сугардым (хак.) 'я напоил коня из родника'.

Уйгурский направительный (дат.) падеж может соответствовать казахскому и хакасскому местному и дательному падежам: Пахир-

³¹⁴ Там же, стр. 18.

диновлар аилиси койчы Нёвэрнийң колиға калди (уйг.), ... Нёвэрдин қолында калды (каз.) и Нёверний хёлында (ға) халды (хак.) 'Семья Пахирдиновых осталась на иждивении пастуха Новара'.

Уйгурский исходный падеж может соответствовать казахскому и хакасскому винительному: *Тойдин йаманлисаң, той килип бэр* (уйг.), *Тойды жамандасаң, той жасап бер...* (каз.) и *Тойны хомайлазаң, поэың той ит пир* (хак.) 'Если тебе не нравится свадебное угощение, сам устрой той'.

Известен функциональный параллелизм основного, родительного и винительного падежей, который наблюдается при притяжательном определении: *ат пазы, аттың пазы* (хак.) и *ат башы, атны башы* (узб.) 'голова лошади'.

Случаи замены одного падежа другими известны и из истории славянских языков, где форма родительного падежа личных местоимений 1 и 2 л. и возвратного местоимения исполняет функцию винительного, в случае особой выразительности. Так ставятся под логическим ударением в древнеславянском языке родительный *мене, тебе, себе* вм. винительного *мя, тя, ся...* И чем древнее памятник, тем больше сохранялся винительный, а чем новее памятник, тем чаще винительный падеж вытесняется родительным... Винительный в именах одушевленных предметов тем чаще, чем древнее памятники.³¹⁵ Другой исследователь отмечал, что современный русский язык для выражения прямого дополнения не превращает форму винительного падежа ед. ч. в форму родительного, или что-то же, не придает винительному падежу окончания родительного, как думает Потебня, а заменяет винительный падеж родительным. Так, в предложении 'Отец любит сына' форму 'сына' нельзя считать винительным падежом с окончанием родительного, а должно считать родительным падежом прямого дополнения, заменившим собою винительный. История языка представляет немало случаев замены одних падежей другими.³¹⁶ Хорошо известно, отмечает Р. А. Будагов, что в ряде славянских языков прямое дополнение может выражаться и винительным, и родительным падежами в зависимости от семантики всей конструкции: *купить хлеба* (родительный падеж части или родительный раздельный — какую-то часть хлеба), *выпить молока, но выпить все молоко* (вин. п.) Родительный и винительный падежи здесь выполняют одну функцию (прямое дополнение), тогда как их семантика не однородна.³¹⁷

³¹⁵ Н. Мюленбах. Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках. «Изв. Отделения русск. яз. и словесности АН», т. IV, 1899, стр. 1193—1195.

³¹⁶ Н. П. Некрасов. О заменительных падежах: родительном и винительном в современном русском языке. «Изв. Отделения русского языка и словесности АН», т. X, кн. 2, 1905, стр. 57.

³¹⁷ Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974, стр. 93.

На основании приведенных выше примеров, можно предположить, что первичными в тюркских языках являются основной, родительный и винительный падежи, которые на ранних этапах истории языков выполняли функции других, более поздних, падежей. На основе указанных трех падежей развивались остальные. Происходило развитие падежной синонимии, что связано также с развитием значений глаголов, которые постепенно становятся способными управлять одновременно двумя и более падежами. Иначе говоря, возникает функциональный параллелизм падежей. Иногда отдельные функции того или иного падежа частично или целиком переходили в круг функций другого или вновь образованного падежа. В ходе развития тюркских языков, с одной стороны, возникает падежная омонимия, с другой — падежная синонимия.

Параллельное употребление двух и более падежей в сходных значениях связано также с требованиями стиля и каждый из них при этом имеет какой-то оттенок в своем значении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует еще раз отметить, что в хакасском литературном языке сформировалась определенная падежная система. Дополнительно к общетюркским шести падежам в современном хакасском языке получили право гражданства два новых падежа: направительный (-зар/-зер, -сар/-сер) и творительный (-наң/-нең), которые развились из послелогов. В языке хакасского эпоса эти два падежа употребляются очень редко, что также свидетельствует о позднем их возникновении. В хакасских учебниках и грамматиках выделяются, таким образом, восемь падежей. Следует однако отметить, что, кроме указанных восьми падежей, в хакасском языке фактически сформировались еще два новых падежа: «причинно-следственный» (-наңар/-неңер, -даңар/-деңер, -таңар/-теңер) и «продольно-сравнительный» (-ча/-че, -ча/-че). С учетом указанных двух последних форм общее количество падежей в современном хакасском языке достигает десяти (основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, направительный, творительный, причинно-следственный и продольно-сравнительный). Основу же падежной системы составляют известные шесть общетюркских падежей, которые бытовали во всех диалектах еще в до-революционное время.

Как известно, эти общие падежи функционировали уже в языке первых древнетюркских памятников рунической письменности. Некоторые древнетюркские падежные формы (напр., родительно-винительный на -ыг/-иг, -г; направительный на -ғару/-геру) в последующее время вышли из употребления. Так, например, в современных тюркских языках древний направительный падеж на -ғару/-геру сохраняется лишь как застывшая форма в наречиях. В хакасском языке взамен этого падежа развился новый направительный падеж. Но основа древнего склонения сохраняется в современных тюркских языках, в том числе хакасском.

Сопоставление падежных форм хакасских диалектов с таковы-

ми из других тюркских языков и диалектов Южной Сибири показывает, что хакасский язык наиболее близок с шорским и северными диалектами алтайского языка. Качинский диалект по формам родительного и винительного падежей (-нын/-нің, -нуң/-нүн, -тын/-тің, -туң/-түн; -ны/-ні, -ну/-нү, -ты/-ті, -ту/-тү) объединяется (или сближается) с чулымско-тюркским, чатским, яуштинским наречиями Западной Сибири, а сагайский, бельтирский, кызыльский диалекты по формам этих же падежей (точнее, по дополнительным их вариантам: -дың/-дін, -ды/-ді, -дун/-дүн, -ду/-дү) имеют общие черты с шорским, тувинским, алтайским и кюэриксским наречием. По форме исходного падежа (с конечным -ң) хакасский язык (его диалекты) сближается с шорским языком, западным диалектом тувинского языка и кюэриксским наречием Западной Сибири.

В связи с формированием и развитием хакасского литературного языка происходят дальнейшие расширения или дифференциация семантики отдельных падежей. Так, например, в литературном языке значения дательного и направительного падежей заметно дифференцированы: дательный падеж (помимо других своих значений) показывает конечный пункт движения предмета; *Арғызым Москваға парир* 'Товарищ (мой) едет в Москву'; *Семен самолетха маңзырапча* 'Семен спешит на самолет', в то время как направительный падеж (помимо своих других значений) означает направление движения (но не обязательно его конечный пункт): *Автобус Асхыссар алдыра парча* 'Автобус едет в сторону (по направлению) Аскиза'; *Палығлығ пйүр көлзер саба чйејірген* 'Раненый волк бежал в сторону (по направлению) озера'; *Арығзар хастар тапсаханы истілген* 'Со стороны (по направлению) рощи доносились крики гусей' и др.

Особенно расширилось употребление и значение творительного падежа, который теперь может употребляться и без послелога *хада* 'вместе, с': *Хойны пабамнаң хадарчам* 'Овец я пасу вместе с отцом' вместо *Хойны пабамнаң хада хадарчам*. Но не всегда послелог *хада* может быть опущен. В некоторых предложениях его присутствие необходимо, т. к. без него может создаваться двусмысленность: например, в предложении *Мин харындазымнаң хада килдім* 'Я приехал со своим братом' послелог *хада* обязателен, т. к. без него оно может быть понято как 'Я приехал от своего брата', поскольку из-за совпадения форм творительный падеж может быть принят за исходный. Как было сказано, в качинском диалекте они различаются при помощи ударения.

Творительный падеж при некоторых глаголах заменяет значения других падежей или грамматических форм.

В хакасском литературном языке все больше развиваются значения форм *-ча/-че, -ча/-че*, например: *Хачан-да школаа пу чолча чорцеңміс* 'Когда-то в школу мы ходили по этой дороге'; *Мин мын*

да пір айча чуртан салдым 'Я прожил здесь около месяца'; Аңуы-
ның адайы пўўрче пілдірген 'Казалось, что собака охотника вели-
чиной с волка'. Другой падежной формой, развившейся в хакас-
ском литературном языке, как было сказано, является -напар (с
вариантами). В разговорном языке дописьменного периода эта
сложная форма встречалась очень редко. Сейчас она часто встре-
чается не только в литературном, но и в разговорном языке.

Падежные формы в ходе развития языка иногда претерпевали
фонетические изменения, некоторые из них внешне совпали с дру-
гими падежами.

Следует отметить также, что в хакасском языке значительный
размах получила падежная синонимия, которая продолжает раз-
виваться и дальше.

Вместе с развитием и усовершенствованием хакасского литера-
турного языка развиваются и усовершенствуются формы и значе-
ния падежей.

Таблица 1

Падежные формы в хакасском литературном языке

	Для основ с конечными гласными и звонкими согласными, кроме м, н, ц, г, ҕ	Для основ с глухими конечными согласными	Для основ с конечными м, н, ц	Для основ с конечными ҕ, г, ц
<i>Основной</i>	—	—	—	—
<i>Родительный</i>	-нын/-ниң	тын/-тиң	-нын/-ниң	-нын/-ниң
<i>Дательный</i>	-(ҕ) а/- (г) е	-ха/-ке	-(ҕ) а/- (г) е	-а/-е
<i>Винительный</i>	-ны/-ни	-ты/-ти	-ны/-ни	-ны/-ни
<i>Местный</i>	-да/-де	-то/-те	-да/-де	-да/-де
<i>Исходный</i>	-даң/-дең	-таң/-тең	-наң/-нең	-даң/-дең
<i>Направительный</i>	-зар/-зер	-сар/-сер	-зар/-зер	-зар/-зер
<i>Творительный</i>	-наң/-нең	-наң/-нең	-наң/-нең	-наң/-нең
<i>Причинно-следственный</i>	-даңар/-деңер	-таңар/-теңер	-наңар/-неңер	-даңар/-деңер
<i>Продольно-направительный</i>	-ча/-че, -ча/-че	-ча/-че	-ча/-че	-ча/-че

Падежные формы в современных хакасских диалектах¹

Падежи \ Диалекты				
	Качинский	Сагайский	Кызыльский	Шорский
Осн. Род.	-нын/-нiн, -нун/-нүн -тын/-тiн	-нын/-нiн, -ып/-iп, -нун/-нүн, -дын/-дiн, -дун/-дүн, -тын/-тiн, -тун/-түн	-нын/-нiн, -пун/-пүн, -дын/-дiн, -дун/-дүн, -тын/-тiн, -тун/-түн	-нын/-нiн, -дын/-дiн, -тын/-тiн
Дат.	-га/-ге, -ха/-ке, -а/-е	-га/-ге, -ха/-ке, -а/-е	-га/-ге, -ха/-ке, -а/-е	-га/-ге, -ха/-ке, -а/-е
Вин.	-ны/-нi, -ну/-нү, -ты/-тi, -и	-ны/-нi, -i, -ну/-нү, -ды/-дi, -ду/-дү, -ты/-тi, -ту/-тү, -и	-ны/-нi, -ну/-нү, -ды/-дi, -ду/-дү, -ты/-тi, -ту/-тү, -и	-ны/-нi, -ды/-дi, -ты/-тi
Мест.	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те
Исх.	-дан/-ден, -тап/-теп, -нап/-неп	-дан/-ден, -тап/-теп, -нап/-неп	-дан/-ден, -тап/-теп, -нап/-неп	-дан/-ден, -тап/-теп
Напр.	-зар/-зер, -сар/-сер	-зары/-зерi, -зар/ -зер, -сары/-серi, -сар/-сер	-за/-зе, -са/-се	-зары/-зерi, -сары/-серi
Твор.	-бынап/-бiнеп, -пынап/-пiнеп, -мынап/-мiнеп; -дан/-ден, -тап/-теп, -нап/-неп	-нап/-неп, -бап/-беп -пап/-пеп, -мап/-меп	-была/-бiле, -пыла/ -пiле, -ла/-ле, -мап/-меп	-биле/-пиле, -пла/-пле, -мла/-мле, -мап/-меп

¹ Данные взяты из работ А. И. Инкижековой, Н. Г. Доможакова, Д. Ф. Патачаковой, Н. Н. Межековой.

Падежные формы в хакасских диалектах

ДИАЛЕКТЫ Падежи	КАЧИНСКИЙ И КОЙБАЛЬСКИЙ	САГАЙСКИЙ С БЕЛЬТИРЕКИМ
Осн. Род.	— -нын/-нің, -нун/-нүн, -тың/-тің, -туң/-түн	— -нын/-нің, -нун/-нүн, -дын/-дің, -дун/-дүн, -тың/-тің, -туң/-түн
Дат.	-га/-ге, -ка/-ке	-га/-ге, -ка/-ке, -а/-е
Вин.	-ны/-ні, -ну/-нү, -ты/-ті, -ту/-тү	-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү
Мест.	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те
Исх.	-дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен, -төн	-дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен
Напр.	-сар/-сер, -зар/-зер	-саар/-сеер, -саары/- -сеері, -заар/-зеер, -заары/-зеері
Твор.	-бынаң/-бінен, -пынаң/-пінен, -мынаң/-мінен	-наң/-нең, -маң/-мең

II пол. XIX в. (по Н. Ф. Катанову)

Кызыльский	Шорский	Камасинский
-нын/-нің, -нун/-нўн, -дын/-дің, -дуң/-дўң, -тың/-тің, -тұң/-тўн	-нын/-нің, -нуң/-нўн, -дын/-дің, -дуң/-дўң, -тың/-тің, -тун/-тўн	-нын/-нің, -нуң/-нўн, -дын/-дің, -дуң/-дўң, -тың/-тің, -туң/-тўн
-ға/-ге, -гө, -қа/-ке, -кө	-ға/-ге, -го/ -гө, -ка/-ке, -ко/-кө	-ға/-ге, -гө, -ка/-ке, -кө
-ны/-ні, -ну/-нў, -ды/-ді, -ду/-дў, -ты/-ті, -ту/-тў	-ны/-ні, -ну/-нў, -ды/-ді, -ду/-дў, -ты/-ті, -ту/-тў	-ны/-ні, -ну/-нў, -ды/-ді, -ду/-дў, -ты/-ті, -ту/-тў
-да/-де, -та/-те, -дө/-тө	-да/-де, -та/-те, -до/-дө, -то/-тө	-да/-де, -дө, -та/ -те, -тө
-дан/-ден, -дөн, -нан/-нең, -нөн, -таң/-тең, -төн	-дан/-ден, -таң/-тең, -нан/-нең, -дон/-дөн, -тоң/-төн, -ноң/-нөн	-дан/-ден, -дөн, -наң/-пең, -нөн, -таң/-тең, -төн

Падежные формы в тюркских языках Саяно-Алтая

Языки Падежи	Хакасский	Шорский
<i>Осн.</i> <i>Род.</i>	— -нын/-ниң, -тың/-тиң	— -нын/-ниң -нуң/-нүң, -дың/-диң, -дуң/-дүң, -тың/-тиң -тун/-түн
<i>Дат.</i>	-ға/-ге, -ха/-ке, -а/-е	-ға/-ге -ка/-ке -а/-е
<i>Напр.</i>	-сар/-сер, -зар/-зер	-заара/-саара, -заары/-саары, -заа/-саа; -ча/-че, -ча/-че
<i>Вин.</i>	-ны/-ні, -и, -ты/-ті (в диа- лектах -ды/-ді)	-ны/-ні, -ну/-нү, -ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү
<i>Мест.</i>	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те
<i>Исх.</i>	-даң/-дең, -таң/-тең, -наң/-нең	-дан/-ден, -таң/-тең
<i>Твор.</i> (инстр.)	-наң/-нең	-ба/-бе, -па/-пе, -ма/-ме; -была/-биле, -пыла/-пиле, -мыла/-миле

² Данные взяты из работ И. А. Батманова, З. Б. Арагчи,

(для слов без притяжательных аффиксов)²

Алтайский	Тувинский	Чулымско- тюркский	Енисейский и орхонский
-нын/-нин, -дын/-дин, -тың/-тин,	-нын/-нин, -нун/-нүн, -дын/-дин, -дун/-дүн, -тың/-тин, -туң/-түн	-нынг/-нинг, -нунг/-нүнг, -тынг/-тинг, -тунг/-түнг	-нын/-нин, -ың/-иң
-га/-ге, -ка/-ке, -го/-гө, -ко/-кө	-га/-ге, -ка/-ке	-га/-ге, -ка/-ке	-га/-ге, -ка/-ке, -а/-е
—	-дыва/-диве, -дува/-дүве, -тыва/-тиве, -тува/-түве, или -че, -же; в тоджикск. д.: -гыды/-гиди, -гуду/-гүду, -кыды/-киди, -куду/-күдү	—	-гару/-геру
-ны/-ни, -ды/-ди, -ты/-ти	-ны/-ни, -ну/-нү, -ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү,	-ны/-ни, -ну/-нү, -ты/-ти, -ту/-тү,	-ыг/-иг, -и, -ны/-ни
-да/-де, -до/-дө, -та/-те, -то/-тө	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те	-да/-де, -та/-те
-дан/-ден, -доң/-дөң, -таң/-тең, -тоң/-төң, -нан/-нен, -ноң/-нөң	-дан/-ден, -тан/-тен	-дын/-дин, -дун/-дүн, -тын/-тин, -тун/-түн	-да/-де, -та/-те, -даң
-ла/-ле; была/биле (последлог)	биле (последлог)	была, была, биле, бэлэ, пыла, пьла, пилэ, пэлэ; -ла/-ле	бирле (последлог); -ын/-ин

Г. Ф. Бабушкина, А. П. Дульзона и др.

Падежные

в тюркских языках Саяно-Алтая (для слов с

Падежи	Языки	
	Хакасский	Шорский
<i>Осн.</i>	м, -ым/-ім	-м, -ым/-им, -ум/-үм
<i>Род.</i>	-м—нын/-м—нің, -ым—нын/-ім—нің	-м—нын/-м—ниң, -м—нуң/-м—нүң, -ым—нын/-им—ниң, -ум—нуң/-үм—нүң
<i>Дат.</i>	-м—га/-м—ге, -м—а/-м—е; -ым—га/-ім—ге, -ым—а/-ім—е	-м—га/-м—ге, -м—а/-м—е, -ым—га/-им—ге, -ым—а/-им—е, -ум—га/-үм—ге, -ум—а/-үм—е
<i>Напр.</i>	-м—зар/-м—зер, -ым—зар/-ім—зер	-м—заара, -ым—заара, -им—заара, -ум—заара, -үм—заара
<i>Вин.</i>	-м—ны/-м—ні, -ым—ны/-ім—ні	-м—ны/-м—ни, -м—ну/-м—нү, -ым—ны/-им—ни, -ум—ну/-үм—нү
<i>Мест.</i>	-м—да/-м—де, -ым—да/-ім—де	-м—да/-м—де, -ым—да/-им—де, -ум—да/-үм—де
<i>Исх.</i>	-м—наң/-м—нең, -ым—наң/-ім—нең	-м—наң/-м—нең, -ым—наң/-им—нең, -ум—наң/-үм—нең
<i>Твор.</i> (инстр.)	-м—наң/-м—нең, -ым—наң/-ім—нең	-м—ма/-м—ме, -ым—ма/-им—ме, -ум—ма/-үм—ме

* По этой же схеме склоняются имена с афф. 2 л. ед. ч.

формы

притяжательным аффиксом 1 л.)²

Алтайский	Тувинский	Енисейский
-м, -ым/-им	-м, -ым/-им, -ум/-үм	-м, -ым/-им
-м—нын/-м—нин, -ым—нын/-им—нин	-м—нын/-м—нин, -м—нуң/-м—нүн, -ым—нын/-им—нин, -ум—нуң/-үм—нүн	-м—ын/-м—ин, -ым—ын/-им—ин
-м—га/-м—ге, -м—го/-м—гө, -м—а/-м—е, -м—о/-м—ө, -ым—га/-им—ге, -ым—а/-им—е	-м—га/-м—ге, -м—а/-м—е, -ым—га/-им—ге, -ум—га/-үм—ге, -ым—а/-им—е, -ум—а/-үм—е, -ым—че/-им—че, -ум—ча/-үм—че	-м—ка/-м—ке, -м—а/-м—е, -ым—ка/-им—ке
		-ару/-ерү
-м—ды/-м—ди, -ым—ды/-им—ди	-м—ны/-м—ни, -м—ну/-м—нү, -ым—ны/-им—ни, -ум—ну/-үм—нү	-м—ын/-м—ин, -ым—ын/-им—ин
-м—да/-м—де, -м—до/-м—дө, -ым—да/-им—де, -м—наң/-м—нен, -м—ноң/-м—нөң, -ым—наң/-им—нен	-м—да/-м—де, -ым—да/-им—де, -ум—да/-үм—де, -м—дан/-м—ден, -ым—дан/-им—ден, -ум—дан/-үм—ден	-м—та/-м—те, -ым—та/-им—те
-м—ла/-м—ле, -м—ло/-м—лө, -ым—ла/-им—ле	-м биле, -ым биле, -им биле, -ум биле, -үм биле	-м—ын/-м—ин, -ым—ын/-им—ин

Падежные формы
в тюркских языках Саяно-Алтая (для слов с притяжательным аффиксом 3 л.)

Языки Падежи	Хакасский	Шорский	Алтайский	Тувинский	Енисейский и орхонский
1	2	3	4	5	6
<i>Осн.</i>	-(з)ы -(з)і	-(з)ы -(з)и -(з)у -(з)ү	-(з)ы -(з)и — —	-(з)ы -(з)и -(з)у -(з)ү	-(с)ы -(с)и — —
<i>Род.</i>	-(з)ы—ның -(з)і—нің	-(з)ы—ның -(з)и—нин -(з)у—нуң -(з)ү—нүн	-(з)ы—ның -(з)и—нин — —	-(з)ы—ның -(з)и—нин -(з)у—нуң -(з)ү—нүн	-(с)ы—ның -(с)и—нин — —
<i>Дат.</i>	-(з)ы—н—га -(з)ы—н—а -(з)і—н—ге -(з)і—н—е —	-(з)ы—н—га -(з)ы—н—а -(з)и—н—ге -(з)и—н—е -(з)у—н—га -(з)у—н—а -(з)ү—н—ге -(з)ү—н—е	-(з)ы—н—га -(з)ы—н—а -(з)и—н—ге -(з)и—н—е — — — —	-(з)ы—н—га -(з)и—н—ге — — -(з)у—н—га -(з)ү—н—ге — —	-(с)ы—ң—а -(с)и—ң—е — — — — — —
<i>Напр.</i>	-(з)ы—н—зар -(з)і—н—зер	-(з)ы—н—заара -(з)и—н—заара -(з)у—н—заара -(з)ү—н—заара	— — — —	-(з)ы—н—че -(з)и—н—че -(з)у—н—че -(з)ү—н—че	-(с)ы—нару -(с)и—неру — —

1	2	3	4	5	6
<i>Вин.</i>	- (з) ы — н - (з) і — н	- (з) ы — н - (з) и — н - (з) у — н - (з) ү — н	- (з) ы — н - (з) и — н	- (з) ы — н - (з) и — н - (з) у — н - (з) ү — н	- (с) ы — н - (с) и — н
<i>Мест.</i>	- (з) ы — н — да - (з) і — н — де	- (з) ы — н — да - (з) и — н — де - (з) у — н — да - (з) ү — н — де	- (з) ы — н — да - (з) и — н — де - (з) у — н — да - (з) ү — н — де	- (з) ы — н — да - (з) и — н — де - (з) у — н — да - (з) ү — н — де	- (с) ы — н — та - (с) и — н — те
<i>Исх.</i>	- (з) ы — наң - (з) і — нең	- (з) ы — наң - (з) и — нең - (з) у — наң - (з) ү — нең	- (з) ы — наң - (з) и — нең	- (з) ы — н — дан - (з) ы — н — ан - (з) и — н — ден - (з) и — н — ен - (з) у — н — дан - (з) у — н — ан - (з) ү — н — ден - (з) ү — н — ен	—
<i>Твор.</i> (иностр.)	- (з) ы — наң - (з) і — нең	- (з) ы — ба - (з) и — бе - (з) у — ба - (з) ү — бе	- (з) ы — ла - (з) и — ле	— —	- (с) ы — н - (с) и — н

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	стр. 3
Введение	5
Основной падеж	28
Родительный падеж	35
Винительный падеж	44
Дательный падеж	72
Направительный падеж	82
Местный и исходный падежи	94
Творительный падеж	102
О форме -наңар/-неңер	116
О форме -ча/-че, -ча/-че	117
О совпадении форм падежей	121
О двойных падежных формах	129
О падежной синонимии	131
Заключение	147
Приложения	150

Боргояков Михаил Иванович

РАЗВИТИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И ИХ ЗНАЧЕНИЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор А. А. Балганова
Технический редактор А. А. Самрина
Корректор М. Е. Шолова

Сдано в набор 21/VIII-1975 г. Подписано к печати 16/I-1976 г.
Типографская бумага № 3. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. п. л. 10.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 500 экз. Заказ 6293. Цена 30 коп.
АЧ00526.

Хакасское отделение Красноярского книжного издательства,
г. Абакан, Щетинкина, 32.
Типография «Советская Хакасия», г. Абакан, Щетинкина, 32.